

В. М. АЛПАТОВ

КАТЕГОРИИ
ВЕЖЛИВОСТИ
В СОВРЕМЕННОМ
ЯПОНСКОМ
ЯЗЫКЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

В. М. АЛПАТОВ

КАТЕГОРИИ
ВЕЖЛИВОСТИ
В СОВРЕМЕННОМ
ЯПОНСКОМ
ЯЗЫКЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1973

Ответственный редактор

И. Ф. ВАРДУЛЬ

Первое в советской японистике исследование, целиком посвященное грамматической системе форм вежливости современного японского языка. Одна из особенностей этого языка состоит в том, что общественные отношения между людьми передаются не только лексически, как в русском и других европейских языках, но и грамматически. В книге исследуется значение различных форм вежливости, определяется существование в японском языке двух грамматических категорий, одна из которых связана с передачей отношения говорящего к собеседнику, другая — с передачей отношения говорящего к лицам, о которых идет речь. Выявляется система форм каждой из категорий и место различных форм в системе.

А $\frac{0714-2152}{042(02)-73}$ —216-73

ВВЕДЕНИЕ

Одной из особенностей японского языка, которая привлекает внимание каждого, кто сталкивается с этим языком, является существование в нем так называемых форм вежливости. Значение форм вежливости оценивается по-разному (см. гл. 1), но большинство исследователей сходится на том, что они передают общественные (в самом широком смысле этого слова) отношения между говорящим, слушающим и другими лицами, о которых идет речь. Как пишет японский ученый Экояма Цунэаки, существенная особенность японского языка состоит в том, что одно и то же содержание выражается по-разному в зависимости от общественных (социальных) отношений между людьми [см. 137, 151]¹.

Изучение форм вежливости японского языка представляет несомненный интерес с точки зрения описания этого языка, поскольку они составляют важный элемент его строя. Кроме того, как нам кажется, их изучение является существенным и для общего языкознания, так как мы имеем дело с явлением, недостаточно изученным в общелингвистическом плане.

Общественные отношения между людьми находят свое отражение в любом языке, однако происходит это по-разному. Например, в европейских языках такие отношения между людьми передаются в основном лексически и лишь косвенно грамматически (ср. употребление местоимений множественного числа в значении единственного, 3-го лица — в значении 2-го и соответствующее согласование в связи с этим), их выражение, как правило, факультативно. В японском же языке подобные отношения выражаются не только лексически, но и грамматически, соответствующий элемент значения во многих случаях обязателен.

¹ В квадратных скобках даются отсылки на упоминаемые или цитируемые работы, которые помещены в «Библиографии». Первая цифра обозначает номер работы в «Библиографии», вторая цифра, отделенная от первой запятой, обозначает страницу (если она указывается). При ссылке на несколько (две и более) работ между их номерами (или после номеров их страниц, если они указываются) ставится точка с запятой.

Поэтому изучение форм вежливости японского языка представляет особый интерес, тем более что в работах по общему языкознанию зачастую не учитывается возможность выражения в языке общественных отношений между людьми при помощи грамматических средств, а если об этом говорится, то не всегда точно [см., например, 24, 433; 32, 312].

Следует принять во внимание также и тот факт, что грамматическое выражение таких отношений не есть уникальное свойство японского языка, оно встречается и в других языках, например в корейском [см. 28, 105—109; 41, 119—121], в яванском [см. 170], в некоторых языках Океании [см. 150]. Сопоставление японского языка с другими языками в этом плане было бы весьма полезным, однако здесь оно (за исключением отдельных случаев) не производилось, поскольку представляет собой предмет самостоятельного исследования.

Общественные отношения между людьми выражаются в японском языке на различных уровнях. В первую очередь необходимо разграничить грамматическое и неграмматическое (прежде всего лексическое) их выражение. Здесь мы ограничиваемся рассмотрением той части форм вежливости, которая имеет отношение к грамматике. Мы стремимся выяснить, насколько формы вежливости относятся к грамматике, какие грамматические категории можно выделить в связи с этим, каково общее значение этих категорий, а также значение тех или иных грамматических форм и их наиболее общие правила употребления, какова в целом грамматическая система форм вежливости современного японского языка.

В связи с проблематикой работы систематически рассматриваются лишь те формы, которые мы относим к грамматике языка. Однако поскольку одной из наших задач является отграничение грамматических средств выражения общественных отношений от неграмматических, иногда дается описание явлений, которые мы не считаем грамматическими. Некоторые же явления мы заранее исключаем из рассмотрения ввиду их явной неграмматичности. Здесь не описывается сложная система японских личных местоимений, не рассматриваются противопоставления указательных местоимений (ср., например, *Кокэ-э китэ кудасай* 'Идите сюда' и *Котира-э китэ кудасай* — с тем же значением, но более вежливо), отдельные уникальные противопоставления слов (типа *Куу-табэру* с общим значением 'есть', причем первая форма — «грубая», вторая — нейтральная). Не рассматривается и использование в речи для большей вежливости форм, которые сами по себе имеют другое значение, например: отрицательных, вопросительных, предположительных (ср. *Эмимасё*: 'Давайте почитаем' и *Эмимасэн ка?* 'Не почитать ли?'), а также форм длительного вида [см. 55].

Не исследуется и вопрос о модальных частицах, которые несомненно применяются для передачи отношения говорящего к тем или иным лицам (ср. появление их в женской речи для большей вежливости). Наконец, не рассматривается почти неисследованный вопрос о фонетических способах выражения общественных отношений (некоторый материал об этом содержится в работе Исидзака Сёдзо [58, 84—85]).

Задача работы — определить грамматическую систему современных форм вежливости. Диахронное изучение здесь не имелось в виду, это особая задача. (Из работ, посвященных диахронному изучению форм вежливости, отметим прежде всего монографию Цудзимур Тосики [133], а также некоторые другие исследования [см. 73; 142; 161].) Под современным японским языком понимается язык послевоенного периода (естественно, исключая тексты, написанные на старописьменном языке — бунго), поскольку именно в области форм вежливости после второй мировой войны в японском языке произошли, пожалуй, наибольшие изменения. Однако иногда современное состояние языка для большей ясности сопоставляется с довоенным. В то же время иногда учитываются и данные довоенных исследований, особенно при отсутствии соответствующих материалов более позднего времени, хотя при изучении современного языка к таким свидетельствам следует подходить с осторожностью.

Рассматривается прежде всего система литературного языка. Диалектные формы из исследования исключаются. Однако иногда приводятся сведения и о явлениях, находящихся за пределами литературного языка, ибо они могут указывать в более явном виде на тенденции, проявляющиеся и в литературном языке.

Основным материалом для исследования послужили произведения современной художественной литературы (см. список сокращений в конце работы). Общий объем исследованных текстов — около 650 тыс. печатных знаков, около 30 тыс. фраз. Кроме этих текстов при анализе было использовано несколько записей бесед (из журнала «Гэнго-сэйкацу»), тексты научных работ (в области языкознания) и научно-популярных статей (в области культуры речи). Публицистический материал исследуется на материале газет «Асахи» (за период с декабря 1969 г. по февраль 1970 г. и с июля по октябрь 1970 г.) и «Акахата» (за декабрь 1971 г.). Также привлекаются данные информантов. В отдельных случаях (как правило, при отсутствии другого материала) приводятся языковые примеры из лингвистической литературы.

Японские примеры в основном даны в транскрипции, принятой в «Большом японско-русском словаре» [10]. Отдельные отступления от нее оговариваются.

Автор выражает глубокую признательность И. Ф. Вардулю за постоянную поддержку и помощь в написании данной работы, А. А. Пашковскому, И. В. Головнину и Н. А. Сыромятникову, прочитавшим эту работу в рукописи и высказавшим критические замечания, а также информантам Камогава Кадзую, Нитта Киёми и Исидзима Ютака.

Глава 1

ИСХОДНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ И ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

§ 1. Грамматичность форм вежливости японского языка

Прежде чем исследовать формы вежливости японского языка, следует определить подход к ним, уточнить основные понятия. Надо прежде всего решить, можно ли данное явление рассматривать как грамматическое.

Существуют по крайней мере три точки зрения по этому вопросу.

В японской литературе, начиная, по-видимому, с книги Ямада Ёсио [41], впервые вышедшей в свет в 1924 г., формы вежливости, как правило, рассматриваются как явление грамматическое [см., например: 71, 100—104; 85, 137, 151—153]. Наиболее четко эта точка зрения выражена, пожалуй, у Исидзака Сёдзо, который указывает, что система языковых средств, передающих отношения между людьми, проявляется в японском языке на всех уровнях, и разграничивает грамматические, лексические и стилистические средства выражения данных отношений, отмечая при этом случаи взаимосвязи этих средств [см. 59, 275—280]. Аналогичную позицию занимают не только лингвисты Японии. Здесь можно назвать О. В. Плетнера и Е. Д. Поливанова [26, 91—92], В. Котаньского [158], М. Куайо [149, 98] и др.

С другой точки зрения, свойственной преимущественно европейским и американским японистам, формы вежливости — явление не грамматическое, а стилистическое. Этот подход присущ американским дескриптивистам, начиная с Б. Блока [146, 163—164; см. также 156, 122; 157, 78]. Характерно, что в книге Р. Э. Миллера в разделе «Грамматика» о формах вежливости нет упоминаний, они рассматриваются там, где речь идет о подъязыках; различия между текстами, содержащими разные формы вежливости, приравниваются к различию мужской и женской речи и т. д. [см. 163, 269—289]. В Японии подобной точки зрения придерживаются лингвисты, находящиеся под влиянием структурализма, например, Киндаити Харухико, который противопоставление форм вежливости

трактует аналогично противопоставлению форм современного языка, старописьменного языка (бунго) и эпистолярного стиля (соробуна) [см. 69, 172]. Близкую к указанной точку зрения (при всем различии методологии) высказывали у нас Е. Л. Наврон-Войтинская [22, стр. 41, 56, 98] и Н. И. Фельдман [35, 954; 38, 28]. По их мнению, формы вежливости относятся к грамматике лишь тогда, когда они связаны с категорией лица; функция передачи общественных отношений — чисто стилистическая.

Наконец, особая точка зрения у Токиэда Мотоки, согласно которой формы вежливости — лексическое явление. Это аргументируется тем, что ошибки в употреблении форм вежливости не нарушают грамматической правильности, а лишь воспринимаются как несоответствие обстановке или шутка [см. 124, 452—455].

Для того чтобы определить, под каким углом зрения следует рассматривать формы вежливости японского языка, нужно выделить определенные критерии, которые позволяли бы отграничить грамматическое явление от неграмматического. Такого рода критерии, достаточно строгие и определенные, выдвинуты, например, А. А. Зализняком, который пишет: «Чтобы элемент значения был признан грамматическим, он должен прежде всего удовлетворять требованию обязательности, которое состоит в следующем. Ряд однородных элементов значения считается обязательным для некоторого класса словоформ, если в любой словоформе этого класса содержится какой-нибудь из членов данного ряда. Элемент значения считается обязательным для некоторой словоформы, если его ряд обязателен для класса словоформ, в который он входит... Если принять в качестве выделенного класса совокупность всех словоформ русских существительных, то, например, для словоформы *волчицам* обязательными следует признать, в частности, синтаксический элемент «женский род» и номинативный элемент «множественность» (поскольку всякая словоформа русского существительного относится к какому-то роду и имеет значение либо одного предмета, либо нескольких); напротив, номинативный элемент «женский пол» для этой словоформы не обязателен (не всякое русское существительное означает либо самца, либо самку) [124, 24—25].

Далее А. А. Зализняк отмечает, что для номинативных элементов значения, т. е. элементов, обозначающих внеязыковую действительность, «кроме того, необходимо соблюдение требования регулярности, которое состоит в следующем. Ряд однородных номинативных элементов значения считается регулярным для некоторого класса словоформ, если все словоформы этого класса (или по крайней мере подавляющее их большинство) можно разбить на группы, такие, что в каж-

дую входит столько словоформ, сколько номинативных элементов содержит данный ряд, и внутренняя сторона этих словоформ различается только номинативными элементами данного ряда. Номинативный элемент значения считается регулярным для словоформ, если его ряд регулярен для класса словоформ, в который она входит... Если рассматривать, как и выше, класс, состоящий из всех словоформ русских существительных, то, например, номинативный элемент „множественность“ будет признан регулярным для словоформы *волчицам* (поскольку практически для любой словоформы существительного можно построить словоформу противоположного числа); напротив, номинативный элемент „одушевленность“ нерегулярен для этой словоформы (поскольку для словоформы существительного обычно нельзя построить словоформу, отличающуюся от нее только по признаку одушевленности)» [14, 25—26].

Аналогичный критерий (без выделения требования регулярности) выдвигался И. А. Мельчуком не только для словоформ, но и для сочетаний знаменательных форм со служебными [см. 8, 34—35].

Если применить такие критерии к формам вежливости японского языка, то по крайней мере у глагольных форм данные элементы значения окажутся грамматическими (с именными формами дело обстоит несколько сложнее, см. гл. 5). В самом деле, от любого глагола можно образовать, хотя бы потенциально, форму с суффиксом *-мас-* и без него (случаев, когда реально существует только одна форма, очень мало, см. гл. 2, § 1). Для каждого глагола формы с *-мас* и без *-мас* противопоставляются по значению, причем это противопоставление (в одной и той же синтаксической позиции) однотипно для всех глаголов. Формы с суффиксом *-рэ-/ -рарэ-* (для простоты отвлекаемся от аналитических форм) тоже могут быть, хотя бы потенциально, образованы от любого глагола, так что требование регулярности и здесь выполняется. Сложнее обстоит дело с требованием обязательности, но исследование материала показывает, что и в этом случае формы, не имеющие данного суффикса, обладают определенным значением и четко противопоставляются формам с суффиксом (подробнее об этом см. гл. 3). Это противопоставление однотипно для всех глаголов.

Все это дает возможность, как нам кажется, рассматривать японские формы вежливости как грамматическое явление (при этом нужно, конечно, учитывать, что аналогичные значения могут выражаться и лексически, ср. систему местоимений).

Точку зрения Токиэда вряд ли можно считать правомерной, учитывая, что грамматическую правильность не нару-

шают и ошибки в употреблении любых несинтаксических категорий; например времени глагола, однако вряд ли разумно рассматривать глаголы в форме разных времен как отдельные лексические единицы.

Что же касается отнесения форм вежливости к стилистике, то, с одной стороны, если под стилями понимать определенные подъязыки, нельзя отрицать, что какие-то формы вежливости свойственны одним подъязыкам и несвойственны другим (ср. специфически «мужские» или «женские» формы). Но, с другой стороны, как правило, различные формы, противопоставленные по вежливости, могут употребляться одним и тем же лицом в аналогичной, а иногда и в той же самой ситуации; вряд ли здесь можно говорить о разных подъязыках.

Во всяком случае, исходя из сказанного выше, нам не кажется правомерным исключение форм вежливости японского языка из грамматики.

§ 2. Значение форм вежливости японского языка

Необходимо выяснить, какое грамматическое значение передается в формах вежливости. Распространено мнение, что здесь представлена категория лица (в смысле противопоставления 1-го, 2-го и 3-го лица). Эта точка зрения еще в конце XIX в. была высказана первыми западными исследователями японского языка Б. Х. Чемберленом [148, 92], У. Г. Астоном [144] и др. Она была воспринята большинством европейских и американских японистов первой половины XX в.: А. Роз-Иннесом [168, 76], О. В. Плетнером и Е. Д. Поливановым [26, 101—103], Х. Гендерсоном [153, 157] и др. Лишь немногие лингвисты за пределами Японии не связывали формы вежливости с выражением категории лица. К ним относятся, например, Д. Д. Смирнов [30] и Е. Г. Спальвин [31].

В Японии под влиянием работ Чемберлена его представление о категории лица одно время было распространено довольно широко. Оно нашло отражение в работах Ямада Ёсио [141, 15—16], Киэда Масуити [15, 215—219]. Однако уже в 20—30-х годах XX в. такие лингвисты, как Мацусита Дайсабуро, Кобаяси Есихару, Токиэда Мотоки, отказались от попыток находить в формах вежливости категорию лица. В последнее время указанная концепция о категории лица не находит отражения в японских исследованиях. Отказались от нее и американские японисты, начиная с Б. Блока.

Эта точка зрения в той или иной мере поддерживается целым рядом советских японоведов, она содержится в грамматиках японского языка [см. 35, 949; 36, 846], в учебной ли-

тературе [см. 29, ч. 3, 1], в словарях [см. 10]. В наиболее категоричной форме данная концепция выражена в работах Е. Л. Наврон-Войтинской [см. 21; 22]. В отличие от других исследователей, которые, как правило, сопровождали утверждения о существовании в японском языке категории лица существенными оговорками, Е. Л. Наврон-Войтинская, исходя из представления об универсальности грамматических категорий, в частности лица [см. 22, 47], считает, что в японском языке эта категория существует точно в таком виде, в каком она представлена в европейских языках [см. 22, 45—46].

На первый взгляд, такая точка зрения имеет основания. Действительно, так называемые почтительные формы глагола не могут употребляться по отношению к действиям 1-го лица, а так называемые «скромные» формы в большинстве случаев (но не всегда!) употребляются по отношению к действиям 1-го лица. Верно и то, что в некоторых контекстах употребление форм вежливости может указывать на говорящего или собеседника и восполнять отсутствие личных местоимений.

Но, во-первых, противопоставление ряда форм явно не связано с противопоставлением трех лиц. Так, и формы с *-мас-*, и формы без *-мас-* могут использоваться в речи о любом лице, что признают фактически все. Во-вторых, на наш взгляд, когда утверждают, что в японском языке существует категория лица, пусть даже факультативная, происходит смешение противопоставления лиц, находящихся в сфере говорящего и вне ее (что действительно существенно в японском языке), с обычным для многих языков противопоставлением трех лиц. Последнее не выражено в японском языке. Это видно уже из того, что все формы, употребляемые в отношении действий 2-го лица, употребляются и в отношении действий 3-го лица, разграничить формы 2-го и 3-го лица не смог никто из исследователей. Что же касается «скромных» форм, то они могут употребляться в речи как о 2-м, так и о 3-м лице, если эти лица тесно связаны с говорящим (примеры см. в тл. 3, § 6). Данный факт отмечал еще Ямада [141, 144]. Показательно и то, что «скромные» формы могут употребляться и тогда, когда говорят о себе в 3-м лице: *Дэмо Юмико ва наннэн дэмо о-мати ситэ имасу* (И, т. I, 247) 'Но Юмико будет ждать [тебя], сколько бы лет ни прошло' (женщина по имени Юмико говорит о себе).

Особую концепцию по вопросу о категории лица в японском языке недавно высказал А. А. Холодович [40]. По его мнению, в японском языке нет личного спряжения, но есть категория лица [см. 40, 252]. «Почтительные» формы трактуются А. А. Холодовичем как формы «непервого лица», а «скромные» — как формы «невторого лица» [см. 40, 253—257]. Однако и с такой точкой зрения вряд ли можно согласиться..

Во-первых, формы «невторого лица» могут, хотя, по-видимому, и не очень часто, относиться ко 2-му лицу (пример см. в гл. 3, § 6). Во-вторых, такая оценка «почтительных» и «скромных» форм дает лишь очень приближенное понятие об их значении. На самом деле, как будет показано ниже, не ко всякому 2-му и не ко всякому 3-му лицу могут относиться формы «непервого лица»; та или иная ситуация требует выбора между «почтительными», «скромными» и нейтральными формами, которые в большинстве случаев не могут быть употреблены одна вместо другой (пример из Мусякодзи Санэацу, приводимый А. А. Холодовичем [40, 259], не вполне показателен).

Таким образом, в японских формах вежливости нельзя обнаружить категорию лица в обычном ее понимании. Здесь можно усмотреть противопоставление не трех, а двух «лиц» — лица, находящегося в сфере говорящего, и лица вне этой сферы. Подобная точка зрения высказывалась в прошлом Д. М. Позднеевым [см. 27, 101], а недавно она нашла отражение в «Самоучителе» Б. П. Лаврентьева [см. 20, 122]. Однако данное противопоставление, как будет показано ниже, лишь частично определяет значение той или иной формы вежливости.

С чем же связаны противопоставления форм вежливости? Рассмотрим отрезок японского текста, например, диалог из романа Мацумото Сэйтё «Кю:кэй-но арано» (стр. 279—300). Разговор ведут двое мужчин, один из которых намного старше другого (младший — муж племянницы старшего). На протяжении всего диалога вне зависимости от того, о чем идет речь, младший из собеседников употребляет глаголы с суффиксом *-мас-*, связку в форме *дэсу*, а старший — глаголы без данного суффикса и связку в форме *да*: — *Боку да то сугу ва катта ка нэ? Ядо-но котодзукэ да га...—...Соря, вакаримасита* (МII, 280) '[Ты] сразу понял, что [это] я? [Тебе] передали в гостинице...—...Понял'; *Ватаси ва кими-о ёнда но-о ко:кай сихадзимэтэ и ру...— Дарэ-ни мо йу:на, то оссярэба, соно якусоку ва маморимасу* (МII, 294) 'Я начинаю жалеть, что тебя вызвал...— Раз [вы] сказали никому не говорить, я выполняю уговор'. Такое употребление нельзя считать индивидуальной особенностью говорящих, младший из собеседников в разговоре с женой употребляет формы без *-мас-* (жена — формы с *-мас-*): *Этэ й-до:ри-ни о-каэри-ни на рэ масу? — Каэру* (МII, 276) 'Приедешь домой, как условились? — Приеду'. Из этих примеров видно, что употребление разных форм — с *-мас-* и без *-мас-* — связано с тем, в каких отношениях находятся между собой говорящий и его собеседник.

Наряду с этим противопоставлением существует проти-

вопоставление нейтральных форм, т. е. форм, называемых «почтительными» или «вежливо-почтительными», и форм, именуемых «скромными» или «вежливо-скромными». В приведенном выше диалоге, где речь идет о самих собеседниках и членах их семей, старший собеседник (он старше всех упоминаемых людей) употребляет только нейтральные формы глагола, младший же в большинстве случаев также использует нейтральные формы, но когда он говорит о старшем собеседнике или его бывшей жене, неизменно появляются «почтительные» формы: *Такако-обасан-ни ва, о-а-и-ни на рана й н дэсу ка?* (МII, 284) '[Вы] не встречались с тетей Такако?'; *Такако-обасан мо гэнки дэ ирассяру кото дэсу си* (МII, 286) 'Тетя Такако тоже здорова'. Когда же речь идет о собственных действиях по отношению к старшим, в речи младшего собеседника появляются «скромные» формы: *Сакки о-ханаси сита Сасадзима-гахаку дэсу...* (МII, 292) 'Художник Сасадыма, о котором [я вам] только что говорил...'

Противопоставление данных форм существует самостоятельно, не совпадая с противопоставлением форм с *-мас-* и без *-мас-*. Выше представлены примерами три (из четырех логически возможных) сочетания в одной глагольной форме: разных членов двух противопоставлений: «формы с *-мас-* — формы без *-мас-*» и «нейтральные формы — почтительные формы». Встречается и четвертая из них — «почтительная» форма без *-мас-*: *Ото:сама ва дзундзун о-аруки-ни натта* (К, 106) 'Твой папа быстро ходил'. Здесь мать обращается к дочери, поэтому не выражена вежливость в отношении собеседника, но речь идет о муже, поэтому употреблена «почтительная» форма. Все члены противопоставлений «формы с *-мас-* — формы без *-мас-*» и «нейтральные формы — скромные формы» также сочетаются в одной глагольной форме.

Различие в передаче отношения к собеседнику и отношения к лицам, о которых идет речь, не замеченное первыми японскими исследователями форм вежливости, в том числе Ямада Есио [141, 53; 141, 146], было впервые обнаружено и исследовано в работах Мицуя Сигэмацу [87, 202—229], а затем Мацусита Дайсабуро [80; 81; 82], который впервые четко указал на значение суффикса *-мас-* [см. 82, 172]. Следует отметить, что из известных нам работ наиболее ранней работой, в которой указывается на то, что «почтительные» и «скромные» формы связаны с выражением отношения к лицам, о которых идет речь, а формы с *-мас-* — с выражением отношения к собеседнику, является вышедшая ещё в 1890 г. грамматика Д. Д. Смирнова [31, 133—136]. В дальнейшем такое разграничение стало в Японии общепризнанным, оно принято и в школьном обучении [см. 139]. В лингвистике за пределами Японии такое разграничение до самого последнего време-

ни обычно не производилось, что вело к трудностям в определении значения форм, особенно *-мас-*, и к нечеткости описания. Не разграничивали разные типы форм вежливости Б. Х. Чемберлен [148, 91—92], Р. Ланге [159, 182—183] И. Куроно и В. П. Панаев [19, 8], О. В. Плетнер и Е. Д. Поливанов [26, 91—92], Н. И. Фельдман [36, 858—859], Ш. Агеноэр [152, 57—59], Б. Блок [146, 163—164], Э. Х. Джорден [157, 73], М. Куайо [149, 100] и др. Некоторые ученые, видевшие отличие форм с *-мас-* от «почтительных» и «скромных» форм, пытались объяснить их разницу тем, что формы с *-мас-* употребляются в речи о лицах, а формы без *-мас-* — в речи о предметах (что приводило к трудностям в объяснении реальных фактов языка) — см., например, работу Н. И. Конрада [18, 70—79]. Другие лингвисты утверждали, что *-мас-* вообще не имеет значения, — см., например, работы И. И. Хоффмана [154, 275—276], Д. М. Позднеева [27, 103]. К числу немногих авторов, выделявших два класса форм вежливости, кроме Д. Д. Смирнова следует отнести Е. Г. Спальвина [31, 52], А. Роз-Иннеса [168, 79]. Лишь в работах самого последнего времени эти классы форм дифференцируются столь же четко, как и в японских исследованиях. Отметим в этой связи книгу Р. Э. Миллера [163, 269—289].

Такое четкое противопоставление двух типов форм в японском языке дает возможность говорить о двух различных, но близких по значению грамматических категориях (термин «категория» здесь и далее понимается в том смысле, в котором говорят: «категория лица», «категория падежа», а не в том смысле, в котором говорят: «категория 1-го лица», «категория творительного падежа» и т. д.).

Первая из них выражает отношение говорящего к собеседнику, назовем ее категорией адрессива — неадрессива или сокращенно — категорией адрессива². В этой категории мы будем выделять адрессивные (с суффиксом *-мас-* и соответствующие им по значению) и неадрессивные (без суффикса *-мас-* и соответствующие им по значению) формы.

Вторая категория выражает отношение говорящего к лицу, о котором идет речь в предложении, назовем ее категорией гоноратива — негоноратива или сокращенно — категорией гоноратива. Здесь, как уже говорилось выше, существуют три группы форм, разграничение которых является общепризнанным, начиная еще с автора первых грамматик японского языка Ж. Родригеса (начало XVII в.) [167, 101]. Мы будем говорить о нейтральных, гоноративных («почтительных») и депрециативных («скромных»)

² Термин «адрессив» предложен В. Котаньским [158, 360], который употреблял его в значении, соответствующем нашему понятию «адрессивная форма».

формах³. Они вступают в два противопоставления: «гоноративные формы — негоноративные формы» и «депрециативные формы — недепрециативные формы» (нейтральные формы одновременно негоноративны и недепрециативны; форм одновременно гоноративных и депрециативных не существует, если не считать редкие случаи, о которых говорится в гл. 3, § 10).

Подобная терминология при всей ее непривычности, на наш взгляд, удобнее, чем, например, предложенные А. А. Холодовичем для аналогичных явлений корейского языка термины «категория личного отношения» и «категория ориентации» [41, 119—120], ввиду возможного многозначного понимания последних. По этой же причине неудобен предложенный С. Э. Мартином [162] и Р. Э. Миллером [163, 269] термин «уровни речи» (связанный к тому же с подходом, выделяющим не грамматические категории, а классы ситуаций). По нашему мнению, следует отказаться и от терминов типа «почтительные формы», «скромные формы» (или «вежливо-почтительные формы», «вежливо — скромные формы», как у Н. И. Конрада), применявшиеся первоначально и нами [см. 3; 4], поскольку они легко могут быть поняты в обиходном, а не терминологическом значении; к тому же они тесно связаны со стилистическим подходом. Аналогичные трудности порождает и принятый термин «формы вежливости», который в дальнейшем изложении будет использоваться только для недифференцированного обозначения любых (не обязательно грамматических) явлений японского языка, связанных с передачей общественных отношений между людьми.

Категории адрессива и гоноратива относятся к числу категорий, отражающих субъективное отношение говорящего к объективной действительности, их можно соотносить с такой категорией, как наклонение. Токиэда Мотоки, рассматривавший формы вежливости сквозь призму своей теории, по которой все элементы языка делятся на обозначающие действительность («си») и передающие личное отношение говорящего к действительности («дзи») (ср. понятия «диктума» и «модуса» у Ш. Балли [9]), считал гоноративные и депрециативные формы отражающими реальное положение говорящего в обществе, а адрессивные — передающими субъективную оценку общественных отношений говорящим [см. 123, 68—73; 124, 486—487]. Эти положения вызвали справедливую, на наш взгляд, критику ряда ученых, которые в целом согласны с теорией Токиэда [см. 59, 303—305; 96; 131, 12—16], однако отмечают, что все формы вежливости передают субъективные оценки.

³ Данная терминология близка к терминологии, предложенной П. Дж. О'Нейлом [164].

§ 3. Дифференциальные признаки значения и их интерпретация

Теперь нам нужно определить некоторые термины, связанные со значением категориальных форм. При этом следует четко разграничивать значение той или иной формы, относящееся к системе языка, и правила ее употребления, зависящие от экстралингвистических факторов. Эти две различные вещи часто смешиваются в работах, посвященных формам вежливости. Исследователи, особенно японские, чаще всего идут по пути изучения условий употребления тех или иных форм. Однако необходимо идти дальше и за разнообразием ситуаций видеть общие закономерности, вскрывать отношения, существующие в системе языка.

Следует выяснить, чем отличаются по своему значению те или иные формы, выявить, из каких компонентов складывается их значение. В данном параграфе мы введем дифференциальные признаки, которые характеризуют грамматическое значение форм категорий адрессива и гоноратива (при этом следует допустить возможность того, что та или иная форма связана с несколькими наборами дифференциальных признаков).

Как явствует из определения категорий адрессива и гоноратива, для выражения категориального значения необходимо какое-то определенное лицо: собеседник — для адрессива и лицо, о котором говорится, — для гоноратива. Однако не всегда речь идет о лицах и не всегда обращаются к определенному собеседнику. В случаях подобного рода можно ожидать нейтрализацию противопоставления форм (или использование противопоставлений для передачи другого содержания), что действительно происходит в японском языке (см. гл. 2, § 4 и гл. 3, §§ 4 и 8). Поэтому прежде всего мы вводим следующие пары признаков:

«наличие собеседника» — «отсутствие собеседника»;

«наличие лица, о котором говорится» — «отсутствие лица, о котором говорится».

Все последующие признаки сочетаются только с признаком «наличие собеседника» — для адрессива или с признаком «наличие лица, о котором говорится» — для гоноратива.

По существу все авторы, описывающие формы вежливости, вводят в той или иной форме понятия «высший», «равный» и «низший», указывают, что по отношению к высшим используются более вежливые формы, чем по отношению к равным, а по отношению к равным — более вежливые, чем по отношению к низшим.

Отношение «высший — равный — низший» носит очень общий характер, его можно выявить в любой ситуации. Весьма

разнообразные отношения между людьми можно рассматривать таким образом.

Многие случаи различия форм можно объяснить (как для адрессива, так и для гоноратива), исходя из данного отношения (ср. приведенные выше примеры из романа Мацумото Сэйтё). Поэтому на него так или иначе ссылаются при классификации языковых форм или стилей речи. Исходя из принятой здесь точки зрения, мы будем считать, что в число признаков значения форм адрессива и гоноратива входит триада: «высший — равный — низший».

Для категории адрессива эти признаки указывают на отношение говорящего к собеседнику, для гоноратива — к лицу, о котором идет речь.

Следует сказать об интерпретации данных признаков. Она связана с социальными отношениями, существующими в современной Японии. В оценке того или иного человека как высшего, равного или низшего находят выражение те отношения, которые существуют между ним и говорящим.

В отношении выяснения того, кого и в каких случаях считают высшим, равным или низшим, и в каких случаях в зависимости от этого употребляются те или иные формы, многое сделано японскими лингвистами, занимающимися исследованием так называемого языкового существования (гэнго-сэйкацу). Общую характеристику этого направления в японском языкознании см. в статье Н. И. Конрада [17]. Существует большое количество работ, где рассматриваются вопросы об употреблении тех или иных форм в зависимости от социального положения говорящего и других лиц, их пола, возраста и т. д. В этой связи прежде всего следует назвать обширное исследование «Кэйго то кэйго-исики» [76], выполненное на основе большого материала, собранного в городах Уэно (префектура Миэ) и Окасаки (префектура Айти) путем записи бесед разного характера со специально подобранными информантами, а также записи устной речи. Большое количество материалов такого рода публикуется в журнале «Гэнго-сэйкацу» и других изданиях.

При оценке говорящим того или иного лица как высшего, равного или низшего прежде всего играют роль отношения лиц в зависимости от их социального положения [см. об этом. 120]. Надо всегда учитывать, что здесь отражается не реальная классовая структура общества, а представления о ней в сознании говорящих, которые могут быть и искаженными.

Однако при такой оценке учитывается не только социальное положение. Противопоставление «высший — равный — низший» связано и с возрастными различиями, старшие считаются высшими, младшие — низшими. Показателен приве-

денный выше диалог из романа Мацумото Сэйтё, где между собеседниками нет особой разницы в социальном положении, но сказываются различия в возрасте [о связи возраста с употреблением форм вежливости см. 103].

Кроме того, мужчина рассматривается обычно как высший по отношению к женщине (см. выше диалог мужа с женой). Здесь трудно отграничить факторы, связанные с неравноправным положением женщины в обществе, от факторов, связанных с существующей традицией, по которой женщины должны разговаривать подчеркнуто вежливо (что считается атрибутом «женственности»). О стойкости этой традиции пишут многие авторы [см., например, 83] и свидетельствует, в частности, опрос информантов, проведенный в 1964 г. (61,4% информантов высказались за то, что женщины должны говорить вежливее мужчин [см. 121, 26]). В последнее время, однако, мужская и женская речь заметно сблизились [см. 46]. Все же и поныне отношения мужчины и женщины при прочих равных условиях рассматриваются в языке как отношения высшего и низшего (подробнее о различии мужской и женской речи, которое дает возможность говорить о двух подъязыках японского языка, см. специальную статью [7]).

Существуют и другие причины, определяющие отношения тех или иных людей как отношения высшего и низшего. Об этом много пишут японские авторы, выделяющие наряду с социальными факторами также и психологические [см. 94, 35; 131, 210—211]. Особенно детально этим вопросом занимался Оиси Хацитаро [106, 86—104]. Отмечают, что в случае просьбы, одолжения и т. д. между участниками создаются отношения неравенства. С этим связано частое использование вежливых форм в сфере обслуживания вне зависимости от социального положения и возраста покупателя, клиента и т. д. [см. об этом 106, 99—104; 127]. Показательно, что в годы войны, когда в силу нехватки продуктов покупка не могла рассматриваться как одолжение, степень вежливости речи продавцов была более низкой [см. 131, 211]. Оценку отношений в таких ситуациях как отношений высшего и низшего можно подтвердить и результатами опросов информантов [см. 121, 27].

Если различия по каким-нибудь параметрам вступают в противоречие между собой, главную роль играет то, что воспринимается как наиболее значимое. Например, при обращении сына к матери она обычно рассматривается как лицо высшее, тем самым возраст оказывается более значимым, чем пол.

Признаки «высший», «равный», «низший» нельзя считать единственными, определяющими отношение к тому или иному лицу. Так, в отношении разных лиц одного и того же

социального положения и возраста — друзей и незнакомых людей — применяются различные формы вежливости; в отношении первых — менее вежливые. В связи с этим в большинстве работ в том или ином виде выделяется еще пара признаков, которые также можно считать дифференциальными признаками категорий адрессива и гоноратива. Это следующие признаки: «свой — чужой».

Они также указывают на отношение говорящего к собеседнику (для адрессива) или к лицу, о котором идет речь (для гоноратива).

На уровне интерпретации это противопоставление связано (если говорить в самом общем виде) с тем, принадлежит ли данное лицо к той же общности людей, что и говорящий. Как свой может рассматриваться член семьи, друг, сослуживец и т. д. На рассмотрение лица как своего или чужого может влиять участие в ситуации других лиц. Например, если братья говорят об отце, он будет «чужим», так как он стоит дальше от говорящего, чем собеседник, но в разговоре с посторонним отец — «свой» (примеры см. в § 2 гл. 3).

Выделение признаков значения «высший», «равный», «низший», «свой», «чужой», фактически (конечно, в других терминах) производилось еще в 20-х годах Кобаяси Ёсихару [72, 119]; часто говорят о них и в современной литературе [см. 74, 60; 74, 232; 131, 211—213]. Однако подход, использующий в явном виде дифференциальные признаки значения, насколько нам известно, встречается лишь в работе П. Дж. О'Нейлла [164, 6—14], у которого выделяются несколько иные признаки, чем у нас.

Введенных выше признаков достаточно для описания большинства форм адрессива и гоноратива. Их оказывается недостаточно для описания так называемых «сверхвежливых» форм и «грубых» форм императива. Поэтому необходимо ввести еще две пары дифференциальных признаков, имеющих ограниченную сферу действия. При наличии признака «высший»⁴ дополнительно вводится следующая пара признаков: «подчеркнуто-вежливое отношение» — «нейтрально-вежливое отношение», а при наличии признака «низший» дополнительно вводится другая пара признаков: «подчеркнуто-грубое отношение» — «нейтральное отношение»⁵.

Определив общий подход, принятый в настоящей работе, и основные термины, мы можем более конкретно исследовать категории адрессива и гоноратива. Вначале рассмотрим категорию адрессива для глагольных частей речи — 1) гла-

⁴ Возможно, только при комбинации признаков «высший — чужой».

⁵ Первая пара признаков имеет очень ограниченное отношение к формам гоноратива, а вторая относится только к адрессиву.

гола, 2) связки и 3) предикативного прилагательного, причем императивные формы, представляющие особые трудности, мы пока затрагивать не будем, отложив их рассмотрение до главы 4.

Глава 2

КАТЕГОРИЯ АДРЕССИВА ДЛЯ СПРЯГАЕМЫХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

§ 1. Формы адрессива. Их образование

Как уже отмечалось выше, основное противопоставление для категории адрессива у глагола — противопоставление форм с суффиксом *-мас-* и форм с нулевым суффиксом. Всеми признано и не нуждается в доказательстве то, что формам с *-мас-* (адрессивным) соответствует связка в форме *дэсу*⁶, в отрицательных предложениях — *дэ аримасэн* (о *дэ аримасу*, а также о *дэ годзаимасу* см. гл. 2, § 5), а формам с нулевым суффиксом (неадрессивным) соответствуют связки в формах *да* и *дэ ару*⁷, в отрицательных предложениях — *дэ най*.

Отметим некоторые морфологические особенности адрессивных и неадрессивных форм. Отрицательные адрессивные и неадрессивные формы глагола образуются по-разному: первые после *-мас-* принимают особый суффикс *-эн*, вторые образуются при помощи суффикса *-най*. Суффикс *-мас-* имеет алломорфы *-мас-* и *-мас'-*, последний встречается перед *и*, а также в пригласительных формах перед суффиксом *-о*: (аналогичная форма от *дэсу* образуется также путем смягчения согласного). Показатели времени и наклонения в адрессивных формах стоят после *-мас-*, а показатели залога — перед ним.

Встречаются нерегулярные случаи. У *ару* 'быть' при регулярной адрессивной отрицательной форме *аримасэн* соответствующей неадрессивной формой служит супплетивная форма *най* (возможна также адрессивная форма *най дэсу*)⁸. От *насару* 'делать', *оссяру* 'говорить', *ирассяру* 'быть, идти, приходиться', *кудасару* 'давать' адрессивные формы образуют-

⁶ Цуруда Цунэкичи даже рассматривает *дэсу* как соединение *дэ* (срединная форма связки) и *су* — элемента, аналогичного *масу* [см. 135, 35—37].

⁷ Это разные связки, так как их противопоставление уникально в системе языка.

⁸ Обычно *най* рассматривается как самостоятельное слово, но при выделении категории адрессива, на наш взгляд, его правомерно считать членом парадигмы, как трактовал его А. Роз-Иннес [168, 25].

ся с выпадением *p* — *насаимасу* и т. д. (так же образуется *годзаимасу* 'быть' — от исходной формы *годзару*).

От любого глагола обычно образуются и адрессивные, и неадрессивные формы. Лишь *годзаимасу* в современном языке употребляется только в адрессивных формах, так как одним из компонентов его лексического значения является выражение вежливости по отношению к собеседнику (впрочем, *годзару* как словарная форма имеет ограниченное употребление [см. 10, т. I, 107]). Аналогичные указания делаются и в отношении еще нескольких глаголов (см. гл. 3, § 10). Возможно, некоторые грубые по значению глаголы употребляются только в неадрессивных формах [см. 119, 197]. Таким образом, все возможные исключения связаны с семантикой основ.

Особо следует сказать о третьей глагольной части речи — предикативных прилагательных. Они, хотя и близки к глаголам, имеют особенности, в том числе в адрессиве. Они не присоединяют *-мас-* и вообще не имеют синтетических адрессивных форм. Если же нужно выразить соответствующее значение, к предикативному прилагательному присоединяется *дэсу*. Например, от *такай* 'высокий' образуется *такай дэсу*. Такие формы, до войны не всегда считавшиеся литературными [см. 15, 355], не всегда признаются и сейчас. Так, при опросе, проведенном в 1964 г., лишь 49,6% информантов вполне приняли формы типа *такай дэсу* [см. 121, 33]. Однако они весьма употребительны (в то время как сочетания неадрессивных форм связок с прилагательным не встречаются в текстах и отвергаются информантами).

Противопоставление типа *такай* — *такай дэсу* можно рассматривать как противопоставление неадрессивной и адрессивной форм для предикативных прилагательных [см. 52, 186; 69, 181]. Поэтому *такай дэсу* — не сочетание прилагательного со связкой, а аналитическая форма прилагательного. Отчасти сходную точку зрения высказывали И. В. Головнин [12, 91], отмечавший, что *дэсу* здесь не связка, а служебно-предикативное слово, выражающее степень вежливости, а также Б. Сен-Жак [169, 88].

Адрессивные формы предикативных прилагательных образуют прошедшее время двумя способами: форму прошедшего времени может принимать либо прилагательное, либо *дэсу*. До последнего времени основными обычно считались формы типа *такай дэсита*, однако сейчас они вытеснены формами типа *такакатта дэсу*, на что указал Цудзимуря Тосики [131, 170—185; 135]; это отметил и И. В. Головнин [12, 91]. В исследованном материале нам не встретилось ни одного примера форм типа *такай дэсита*, их считают неприемлемыми и все наши информанты. На формы типа *такакатта дэсу*

имеются примеры: *Нихон-но сайго-но хи-ни, одзё:сан-но ё:на ката-ни аэта но ва, аригатакатта дэсу* (МII, 387) 'Хорошо, что в последний день пребывания в Японии [я] смог встретиться с такой девушкой, как вы'. Отметим, что гораздо чаще употребляются конструкции типа *такакатта н(о) дэсу* [но не такой н(о) дэсита].

§ 2. Значение адресивных и неадресивных форм

Сначала мы рассмотрим вопрос о значении этих форм в устном варианте речи и только в позиции заключительного сказуемого.

В разговоре с лицами, рассматриваемыми как высшие (с людьми более высокого социального положения, со старшими, с мужьями, иногда со старшими братьями и т. д.), обязательно употребление адресивных форм: *Ха:*, *вакаримасита* (МII, 166) 'Слушаюсь' (журналист начальнику); *Мада ато, итидзикан-идзё: арамасу ё* (МII, 167) 'Еще [придется ждать] больше часа' (начинающий корреспондент тому же журналисту); *Утта нингэн ва инаку наримасита* (МII, 215) 'Людей, которые стреляли [здесь] уже нет' (слуга в гостинице постояльцам); *Мукасимукаси, иппики-но нэко-га иимасита* (АII, 185) 'Давным-давно одна кошечка сказала...' (девочка взрослому); *Осоку наримасита* (МII, 12) 'Так вышло, что [я] опоздала' (жена мужу); *Кё: рэнтогэн-ни татиаттэ иппэн-дэ вакаримасита* (К, 177) 'Сегодня, присутствуя на рентгене, [я] кое-что понял' (младший брат старшему).

Так же нормативным следует считать употребление адресивных форм в разговоре с людьми, рассматриваемыми как равные и чужие. К малознакомому или незнакомому человеку примерно равного социального положения и возраста, а также к лицу, о котором ничего не известно, принято обращаться, употребляя форму с *-мас-*: *Еваримасита на* (МII, 240) '[Он] ослабел' (директор больницы богатому посетителю); *Биккури симасита. Икинари о:кина ото-га сита н дэсу кара нэ. — Тасикани писутору-но ото дэсё: нэ?* (МII, 214) '[Я] испугался, потому что вдруг послышался громкий звук. — По-моему, это не иначе, как пистолетный выстрел, не правда ли?' (разговор незнакомых людей, живущих в одной гостинице). Характерный признак разговора равных и чужих — употребление адресивных форм обоими собеседниками.

В то же время по отношению к лицам, рассматриваемым как равные и свои (близкие друзья, иногда братья и сестры) или как низшие и свои (жена, дети, своя прислуга, иногда

младшие братья и сестры, подчиненные), употребляются, как правило, неадресивные формы: *О доройта. Дзя, кими...— Со: на н да. Боку-га утарэта кото мо ситтэ иру хадзу да* (МII, 242—243) '[Я] изумлен. Ну, ты...— Это так. И то, что в меня стреляли, [она] должна бы знать' (разговор друзей примерно одинакового социального положения); *Дзя отя ирэру ва* (Ф, 134) 'Наливаю чай' (мать детям); *Сорэ дзя, сассоку, мэси-ни си ё:* (МII, 12) 'Раз так, давай ужинать' (муж жене); *Эйко, шцу кита?* (К, 107) 'Эйко, [ты] когда пришла?' (старший брат спрашивает у младшей сестры); *Кокони ита но?* (К, 107) '[Ты] была здесь?' (хозяйка прислуге); *Сорэ-дэ кокусай-кайги-ни дэтэ ита Ямагути дайхё:-га каэттэ куру* (МII, 166) 'На нем (самолете) вернется делегат Ямагути, участвовавший в международной конференции' (начальник журналисту); *Отя дэмо номо: ка?* (МII, 167) 'Не выпить ли нам чаю?' (этот же журналист начинающему корреспонденту).

Труднее всего установить правила употребления форм в речи по отношению к лицам, которые могут рассматриваться как низшие и чужие (при обращении к лицам более низкого социального положения, непосредственно не подчиненным; при обращении мужчин к малознакомым женщинам; при обращении к малознакомым младшим по возрасту; при обращении клиентов к обслуживающему персоналу и т. д.). Здесь встречаются как адресивные, так и неадресивные формы: *Ёкү хатарайтэ курэмасу ё* (Ф, 138) 'Хорошо работаете' (сотрудник компании прислуге начальника); *Матти аримасу ка?* (МII, 274) 'Спички есть?' (пожилой мужчина молодой продавщице); *Сукоси, хадзуситэ ита дакэмасу ка?* (МII, 241) 'Не выйдете ли [вы] на минутку?' (просьба посетителя к медсестре); Но: *Соко-но, гю:сядзё:-но мо:сикоми, коко-дэ ацукаттэ иру но?* (AI, 142) 'Заявления на пользование той стоянкой здесь принимают?' [спрашивает клиент (мужчина) кассиршу]; *Ано отоко ва синда ё* (МII, 309) 'Тот человек [уже] умер' (служащий министерства молодому человеку, навещающему справки). Характерно, что именно в таких случаях чаще всего используются то адресивные, то неадресивные формы (см. ниже). Видимо, здесь вступают в противоречие две тенденции, требующие соответственно употребления адресивных форм по отношению к чужим и неадресивных форм — по отношению к низшим. Форма выбирается в зависимости от того, какой из признаков считается более важным.

Таким образом, на наш взгляд, адресивные формы связаны с наборами признаков: «высший — свой», «высший — чужой», «равный — чужой», неадресивные — с наборами признаков: «равный — свой»; «низший — свой»; с набором при-

знаков «низший — чужой» могут быть связаны и те и другие в зависимости от того, какой из признаков оказывается важнее.

Все эти наблюдения во многом подтверждаются проведенными обследованиями, результаты которых опубликованы в книге «Кэйго то кэйго-исики». Например, 89,82% испытуемых указывали, что служащему в разговоре с клиентом нужно употреблять форму с *-мас-*, форму без *-мас-* они признали слишком грубой [см. 76, 178 и 302]. Предпочиталась форма с *-мас-* и в разговоре с незнакомым старшим, но здесь оценка не была столь однозначной: 91,12% испытуемых признали подходящей форму с *-мас-*, а 23,9% (включая признавших обе формы) — неадресивную форму [см. 76, 178 и 302]. Подавляющее большинство испытуемых сочло также, что к незнакомому человеку одного возраста лучше обращаться посредством формы с *-мас-* [см. 76, 179 и 306]. Большинство информантов считало, что взрослому мужчине в разговоре с ребенком следует употреблять форму без *-мас-* [см. 76, 181—182 и 310], однако, когда их спросили, как в данной ситуации (т. е. в разговоре с ребенком) должна говорить женщина, лишь 42,6% заявили: нужно употреблять форму без *-мас-* [см. 76, 182 и 312]. Это связано с традиционными представлениями о том, что для женщины в любом случае обязательна вежливость. В отношении ситуации, когда начальник обращается к подчиненному, большинство испытуемых высказалось в пользу адресивных форм: 65,87% — для ситуации, когда подчиненный мужчина [см. 76, 179—180 и 308], 53,85% — для ситуации, когда подчиненной женщина [см. 76, 183 и 316]. Еще больший процент информантов высказался за формы с *-мас-* при обращении учителя к ученику [см. 76 и 180, 308]. Что касается обращения к незнакомому младшему, то здесь большинство высказалось за применение формы с *-мас-* [см. 76, 179 и 306].

Еще один путь проверки выдвинутых нами положений — изучение употребления форм вежливости в переводах с европейских языков, в частности с русского, поскольку употребление этих форм здесь минимально связано с языком оригинала, а в основном вытекает из оценки ситуации переводчиком. Даже употребление разных русских местоимений 2-го лица не всегда влияет на выбор японской формы, хотя есть определенная аналогия в значении местоимений *ты* и *вы* и соответственно неадресивных и адресивных форм (ср. правила употребления *ты* и *вы*, сформулированные в статье А. Жолковского и И. Мельчука [13], и выявляемые здесь правила употребления форм адресива). Например, в пьесе М. Горького «Васса Железнова» Васса говорит с управляющим на «вы», а со старшим братом на «ты», в переводе же

при разговоре с управляющим, лицом подчиненным, используются неадрессивные формы: *Соко-га мэ-но цукэдокоро да ё, симбун-ни кидзи-о какасэру но са* (Г, 35) 'Вот вам бы на это обратить внимание, статейку в газеты заказать', а в разговоре со старшим братом — адрессивные: *Ната:рия-то иссёна но ва вакаттэ масу ё* (Г, 42) 'Вижу, что тут и с Натальей'. Подобные примеры подтверждают наши положения.

Исследуя японские формы адрессива, замечаешь, что разговорная речь далеко не всегда отличается строгой определенностью с точки зрения выбора адрессивных или неадрессивных форм; зачастую говорящий использует по отношению к одному и тому же собеседнику то одни, то другие формы. На это явление уже обращали внимание исследователи японского языка [см. 86, 23—24; 99; 111; 157, 73]. В связи с этим следует выяснить, в каких случаях возникают колебания в выборе форм, попытаться определить их причины. Решение этого вопроса сопряжено с большими трудностями. Мы можем высказать лишь некоторые замечания. Из рассмотрения исключим случаи, когда переход от одних форм к другим может быть объяснен изменением отношения к собеседнику.

Во-первых, в длинных периодах речи, где преобладают адрессивные формы, особенно если говорящий рассказывает о чем-то, прямо не связанном с собеседником, зачастую появляются неадрессивные формы: *Соря ёку вакару н дэ су... Да га, корэ-га Ногами-сан-но вадзаваи-ни натта. Вадзаваи то иттэ мо футато:ри дэ су. Хитоцу ва, мэй-но Асимура Сэцуко-сан-ни хаккэн-сарэтэ гиваку-о мотарэта кото дэ су. Сикаси, мотто варуй кото-га атта. Ито:-сан-га сорэ-о кидзуйтэ сугуни дзё:кё:-сита кото дэ су... Боку ва Мурао-сан-кара кийтэ хадзимэтэ сорэ-о сиримасита* (МII, 372) 'Это я хорошо понимаю... Но это стало несчастьем для Ногами-сан. Несчастье было двойким. Прежде всего [это] было обнаружено [его] племянницей Сэцуко Асимура и вызвало подозрения. Но произошло и худшее. Ито-сан это обнаружил и сразу приехал в Токио... Я впервые узнал об этом от Мурао-сан'. В данном куске текста, состоящем из семи фраз, две не имеют адрессивных форм. Такого рода случаи встречаются довольно часто. Это можно, видимо, объяснить тем, что здесь диалогическая речь начинает приближаться к монологической и связь с собеседником ослабевает.

Во-вторых, колебания, проявляемые при выборе адрессивных или неадрессивных форм, иногда, по-видимому, можно объяснить и тем, что некоторые фразы, хотя синтаксически и независимы, но по смыслу тесно примыкают к последующим и

во многом несамостоятельны. Их несамостоятельность проявляется и в других отношениях, например в том, что, как показал Н. А. Сыромятников [33, 244—278], выбор формы времени зависит от временной соотнесенности действий, выраженных в данных фразах, с действиями, выраженными в последующих фразах. Таким образом, здесь позиция сказуемого в какой-то степени сходна с незаклЮчительной, где, как будет показано в § 3, противопоставление адрессивных и неадрессивных форм выражено менее четко. Появление двух неадрессивных форм в тексте, приведенном в предыдущем абзаце (по крайней мере второй из них), можно объяснить и этим. Ср. также в том же диалоге: *Сикаси, мо: хитори пурэ-суман-то кё:рёку-га атта. Сорэ-га аната дэсу* (МII, 372) 'Но содействовал [этому] еще один человек, журналист. Это вы'.

В-третьих, имеет место разное соотношение между употреблением адрессивных и неадрессивных форм в зависимости от части речи, а в глаголе — в зависимости от склонения и т. д. Собранный материал позволяет установить следующий порядок расположения адрессивных форм по признаку убывания относительной частоты их употребления: 1) формы предположительного склонения; 2) утвердительные категорические формы глагола и формы связки; 3) отрицательные формы глагола; 4) непредположительные формы предикативного прилагательного. Противопоставление адрессивных и неадрессивных форм наиболее четко выражено в случае 2, это центр категории адрессива. Остальные случаи представляют собой периферию, где противопоставление адрессивных и неадрессивных форм менее четко.

Относительно чаще по сравнению с соответствующими неадрессивными формами встречаются адрессивные формы предположительного склонения типа *ёму дэсё:*. Неадрессивные формы с *даро:* встречаются реже адрессивных, особенно в женской речи. Эти формы в речи женщин нам встретились, не считая переводов с русского, всего два раза (в обращении матери к детям): *Юмико-ни до: даро:?* (И, т. II, 280) 'Хорошо ли это будет для Юмико?' В остальных случаях, даже при постоянном использовании во всех других случаях неадрессивных форм, употребляются адрессивные формы с *дэсё:* : *...Мо: каэру дэсё:* (И, т. I, 74) '...Скоро придет' (старшая сестра младшей); *До:сита но дэсё: нэ?* (МII, 205) 'В чем дело?' (мать спрашивает у дочери). Считается, что формы с *даро:* не присущи женской речи [см. 86, 130]; это подтверждают и информанты. Бывают случаи употребления *дэсё:* наряду с неадрессивными формами и в речи мужчин: *Таваинай кэмбуцусю: да. Анатагата ва има, ни:сан-но Фудзи-ко:дзё:-но сэцумэй-о кийта дэсё:* (К, 123)

‘Глупое зрелище. Вы теперь, наверное, слышали рассказ брата о заводе «Фудзи»’.

Аналогичным образом (как форма с *дэсэ*:) ведут себя пригласительные формы типа *ёмимасэ*: [см. об этом 122, 43].

В других же случаях заметна обратная тенденция: чаще употребляются неадресивные формы. Это имеет место в предложениях со сказуемым-прилагательным или со сказуемым-глаголом, имеющим вид прилагательного (в том числе в отрицательных предложениях). В этих случаях неадресивные формы возможны в самой вежливой речи: *Корэ, Асидзава-сан ва го-дзондзи най но ё* (И, т. I, 108) ‘Асидзава-сан об этом не знает’ (жена мужу); *Го:рика-сокусицугё:-э-то му-субицукэрарэтэ иру дзя най ка?* (X, 172) ‘Не связано ли [это] с потерей работы из-за рационализации?’ (подчиненный начальнику); *Дэмо, обасама, хонто:ни о-ёросий но?* (MII, 302) ‘Все же, тетя, это действительно хорошо?’ (племянница тетке); *О мосирокатта ва* (MII, 79) ‘Было интересно’ (женщина малознакомому мужчине); *Соно ими-ни ойтэ, ото:сан-но тайдо-о компонтэкини арамамэтэ и та да ки тай* (И, т. I, 186) ‘В этом смысле прошу вас, отец, коренным образом изменить вашу позицию’ (сын отцу). То, что формы прилагательного с *дэсу* встречаются относительно реже, чем *дэсу* как связка, также говорит в пользу того, что формы типа *такай дэсу* следует рассматривать как аналитические формы прилагательного, а не как сочетания прилагательного и связки. Однако у предикативного прилагательного категория адресива не получила такого развития, как у глагола и связки.

Отметим, что относительно еще более часто используются неадресивные формы при некоторых концовках, например перед частицей *касира*. Можно считать, что тут мы имеем дело с синтаксической позицией, отличной от позиции заключительного сказуемого [см. 86, 27]. Но *касира* не член предложения, к тому же перед другими частицами, например *ка*, адресивные формы употребляются, по-видимому, относительно столь же часто, как и без частиц. Перед *касира*, как правило, бывают неадресивные формы: *Кино: мо ёцу датта касира?* (И, т. II, 233) ‘Вчера [ты] тоже, кажется, [поймал] четыре [рыбы]?’ (жена мужу); *Иттай нани па:сэнто-гурай-ни на ру касира?* (Ф, 138) ‘Сколько примерно выходит процентов?’ (вопрос подчиненного начальнику).

Таким образом, при определении того, какое отношение к собеседнику передается, не все случаи следует считать показательными. Формы типа *ёманай, ёмитай, такай, ёму дэсэ*: могут встретиться в самых различных ситуациях, их можно в какой-то степени рассматривать как немаркированные члены оппозиций. В то же время противопоставленные им

ёмимасэн, ёмитай дэсу, такой дэсу, ёму даро: имеют совершенно определенное значение с точки зрения адрессива, сфера их употребления уже.

В-четвертых, можно отметить, что иногда при преобладании адрессивных форм неадрессивные формы появляются там, где имеются гоноративные формы, применяемые по отношению к собеседнику. Это, видимо, связано с тем, что употребление адрессивных форм здесь оказывается избыточным: *Соно бан, ватакуси, коно фурансу фудзин-кара, сёкудзи-но сё:тай-о укэмасита ва... Ара, о-ёми-ни наттэрасита но?.. О-намаэ ва дзондзимасэн ва* (МII, 255) 'В тот вечер я получила от этой француженки приглашение на ужин... Ах, [вы] читали об этом?.. [Его] имени [я] не знаю'.

Наконец, в-пятых, на употребление адрессивных и неадрессивных форм в одной и той же ситуации могут, видимо, влиять и отношения говорящего к собеседнику в данном конкретном случае. В случае отчетливого противопоставления этих лиц в отношении признаков «высший», «равный», «низший», «свой», «чужой», как правило, формы одного типа употребляются более последовательно.

Например, в повести Абэ Кобо «Моэцукита тидзу» последовательно выдерживается употребление форм в диалогах агента частного сыскного бюро и его шефа (агент всегда использует адрессивные формы, шеф — неадрессивные). В разговоре с молодым служащим коммерческой фирмы этот агент употребляет только неадрессивные формы, а его собеседник чаще употребляет адрессивные формы, но встречаются и неадрессивные формы. А в разговоре агента с нанявшей его женщиной все время встречаются и адрессивные, и неадрессивные формы, причем в начале повествования адрессивные формы преобладают, но по мере сближения героев все труднее становится определить, какие формы встречаются чаще.

В романе Мацумото Сэйтё «Кю:кэй-но арано» герой романа и его невеста разговаривают друг с другом посредством адрессивных форм, но встречаются и неадрессивные формы, особенно в речи молодого человека. В разговоре последнего с матерью невесты адрессивные формы строго выдерживаются обоими собеседниками. В диалоге героя романа и крупного чиновника министерства иностранных дел дипломат использует и адрессивные, и неадрессивные формы, тогда как герой, молодой журналист, употребляет только адрессивные формы. В разговорах близких друзей в этом романе, как и в других источниках, адрессивные формы почти никогда не встречаются.

Таким образом, на использование адрессивных или неадрессивных форм в конкретной ситуации влияют многие фак-

торы, как языковые, так и внеязыковые. Не все из этих факторов легко выделить. Однако указанные трудности не должны заслонять главного — противопоставления адрессивных и неадрессивных форм и различий в их значениях.

§ 3. Влияние синтаксической позиции на противопоставление адрессивных и неадрессивных форм

В предыдущем параграфе мы рассматривали адрессивные и неадрессивные формы в позиции заключительного сказуемого. В японском языке это позиция, где в максимальной степени противопоставляются глагольные формы. Это проявляется и в категории адрессива. Во всех же других позициях противопоставление адрессивных и неадрессивных форм в значительной степени нейтрализуется, употребляются в большинстве случаев лишь неадрессивные формы, а адрессивные формы меняют свое значение. Причину этого можно объяснить тем, что значение категории адрессива не зависит от темы высказывания, поэтому его достаточно выразить в предложении один раз.

В разных позициях противопоставление адрессивных и неадрессивных форм проявляется по-разному. Миками Акира дал классификацию позиций и соответствующих форм, исходя из признака уменьшения возможностей использования форм с *-мас-*: заключительные формы; заключительные формы с концовками (см. выше о *касира*); заключительные формы перед союзами типа *нодэ, нони*; условные формы; срединные формы [см. 86, 27; ср. также 85, 146—150]. Он указывает также, что форму с *-мас-* трудно использовать там, где нельзя сделать паузу [86, 29].

Собранный нами материал показывает, что наиболее широко адрессивные формы употребляются перед сочинительными союзами типа *га, си*. Например, на первых двухстах страницах романа Мацумото Сэйтё «Дзикан-но сю:дзоку» в ситуациях, где используются адрессивные формы, перед союзом *га* 76 раз встречаются формы с *-мас-* и только шесть раз формы без *-мас-*. Реже встречаются адрессивные формы перед союзом *кара*, нередки случаи, когда перед *га* говорящий использует адрессивные формы, перед *кара* — неадрессивные (см. в том же романе стр. 250 и сл., стр. 290 и сл.). Еще реже адрессивные формы появляются перед союзом *то* [см. 106, 155—156].

В срединных позициях чаще всего используются неадрессивные формы, даже в тех случаях, когда в заключительной позиции стоят адрессивные формы (в том числе и в разговоре с высшими): *Ватакуси ва, Химико-га коноката-ни атта-*

ра, Химико-ни тоттэ наника ий кото-га ару ё:на ки-га сита н дэсу (МII, 164) 'Мне казалось, что для Химико будет все же лучше, если Химико встретится с ней' (женщина жениху своей дочери); Катё:-сан ва, бё:ин-но ися-ни аттэ, Ногами-сан-но сайки-но моё:-о кикарэмасита ка? (МII, 34) 'Вы, господин начальник отдела, встретившись с врачом больницы, расспрашивали о состоянии Ногами в последние дни его жизни?' (журналист спрашивает у крупного чиновника).

Однако в срединных позициях можно встретить и адресивные формы: Дэва нотиходо онака-га о-суки-ни на рима ситарэ, оссяттэ кудасай (К, 132) 'Если потом изволите проголодаться, скажите' (служанка хозяйке); Кэйдзи-сан нанка-га нандо мо миэмаситэ, нэ, ироиро кикарэмасита (МII, 84) 'Какие-то полицейские агенты несколько раз приходили, спрашивали о различных вещах' (хозяин гостиницы журналисту). Встречаются и срединные адресивные формы связи: Нанисиро дэутто маэ-кара-но бё:ки дэситэ, мо: кю:ё:-сасэнакутэ ва икэнакатта н дэсу га... (И, т. I, 385) '[Отец] был болен уже давно, ему следовало бы отдыхать и лечиться...' (сын владельца типографии пожилому директору издательства); Фукуока дэситара ути-но гэндзо:дзё-га Фукуока-ни мо аримасу... (MI, 338) 'Если [речь идет о] Фукуока, то и в Фукуока есть наша лаборатория для проявления фотопленок...' (фотограф полицейскому офицеру).

Как видно из примеров, адресивные формы в срединных позициях употребляются, как правило, в речи по отношению к высшим чужим и связаны с высокой степенью вежливости. Исходя из системы дифференциальных признаков, введенной нами в первой главе (§ 3), считаем, что адресивные формы в этой позиции связаны с признаком «подчеркнуто-вежливое отношение». С признаком «нейтрально-вежливое отношение» связаны: в заключительных позициях — адресивные формы, в срединных — неадресивные формы.

Отметим, что адресивные формы на -тэ могут быть и заключительными: Цурэмаситэ? (И, т. I, 36) 'Поймали [что-нибудь]?' (молодая женщина пожилому мужчине); Сэйкаку-ни ва мусуко-но хо:-га саки дэситэ нэ (Ф, 138) 'Точно говоря, сын был первый' (подчиненный начальнику). В такой позиции адресивные формы встречаются довольно часто, особенно в женской речи (в романе «Дзюкан-но сю:дзоку» на триста страниц — 14 примеров). Значение этих форм в заключительной позиции, видимо, то же, что и в срединной позиции (исключая штампы типа до: итасимаситэ 'не стоит', употребляемые в самых разнообразных ситуациях).

Редко встречаются адресивные формы при сближении. Значение их, видимо, то же, что и в срединных позициях.

ях: *Ватаси-но мо:симасу но ва, со:йу: котогара дэ годзай-масу ё* (Кё, 168) 'Я скажу вот что' (подчиненный начальнику); *Тада дзибун-га мауримасита но ва... дзицува Ясу Кэнтаро:-си-но фурё:-но дзико-ни цукимаситэ...* (К, 125) 'То, что я [сюда] пришел... связано с несчастным случаем, внезапно происшедшим с господином Ясу Кэнтаро...' (офицер говорит о смерти крупного капиталиста членам его семьи).

Исключительно редки адрессивные формы в определительной позиции, мы смогли найти лишь единичные примеры: *Тада, ко:фу-итасимасита дзинсу:-ни цукимаситэ⁹ ва, икан нагара, тадаима коко-дэ сэйкакунa котэ-о итасиканэмасу-ру...*¹⁰ (Я, 82) 'К сожалению, относительно количества людей, которое я [вам] передавал, [я] сейчас точного ответа дать не могу...' (ответ министра в парламенте на запрос депутата); *Маэ-ни дэмасита «о-хия» ва фуруку ва «о-хияси» то итта расий н дэсу* (Гс, 1969, № 6, 43) 'Появившееся раньше слово «о-хия» (холодная кипяченая вода.—В. А.) первоначально, видимо, произносилось «о-хияси»' (слова аристократа из старинного рода).

Такие примеры довольно редки, они отражают специфические ситуации. В парламентских выступлениях приняты довольно архаичные формы обращения (см. *-масуру* в первом примере). Речь же некоторых представителей старой аристократии имеет довольно большие отличия от литературной нормы [см. об этом 63]¹¹. Специфический характер этих примеров подтверждает тот факт, что норма языка состоит в употреблении в определительной позиции лишь неадрессивных форм, противопоставление которых адрессивным формам таким образом нейтрализуется.

§ 4. Нейтрализация противопоставления при отсутствии собеседника

Мы рассматривали категорию адрессива в том виде, в котором она существует в устной речи. Те разновидности письменной речи, где предполагается определенный собесед-

⁹ *Цукимаситэ* и около десятка имеющихся у нас аналогичных примеров не подтверждают мнения И. В. Головина о том, что отглагольные послелоги не принимают *-мас-* [см. 11, 22]. Отметим, что Киндайти Харухико, ссылаясь именно на примеры такого рода, отрицает существование отглагольных послелогов [см. 66, 191].

¹⁰ Отметим существование архаических адрессивных форм, где суффикс *-мас-* имеет вид *-масур-*. В современном языке они редки (у нас четыре примера); ср. также: *Со:йу: кото дэ ари масу рэба, ватаси ва ко-коро-кара сансэй-итасимасу* (Кё, 154) 'Если так, я от всей души одобряю [это]'.

¹¹ Последовательное употребление адрессивных форм во всех позициях, включая определительную, в научно-популярной статье по вопросам

ник, например письма, обладают некоторой спецификой. Отмечают, что в письмах степень вежливости обычно несколько выше, чем в устной беседе [см. 47, 9—10]. Это можно подтвердить многочисленными примерами. Так, например, один из персонажей романа Исикава Тацудзо «Кадзэ-ни соёгу аси» в разговоре с невестой использует неадрессивные формы, а в письмах к ней прибегает к адрессивным формам. Однако такое использование категории адрессива не представляет собой принципиально особого случая, отличия от устной речи здесь скорее связаны с изменением оценки собеседника, а значение форм остается тем же: *Ватаси ва, дзэхи, анатасама-ни о-аи ситэ, соно дэссан-о о-каэси ситай то омоимасу* (МII, 162) 'Я хочу встретиться с вами и вернуть эти эскизы' (письмо женщины незнакомой женщине), но: *Найкаку-га кавару ё:на уваса мо ару* (И, т. II, 235) 'Ходят также слухи, будто произойдет смена кабинета' (письмо другу).

По-иному обстоит дело тогда, когда пишущий не связан с определенным собеседником (научная литература, газетная информация, авторский текст художественных произведений). Здесь, за некоторыми исключениями, о которых речь ниже, употребляются только неадрессивные формы. Это внешне похоже на использование в определительной позиции только одних неадрессивных форм, но причины тут разные. Если в определительной позиции это происходит из-за того, что значение адрессива выражено в заключительной позиции и его вторичное выражение в том же предложении, как правило, избыточно, то в случаях, когда вообще отсутствует определенный собеседник, отношение к нему не нужно выражать.

Если исчезает различие в значении форм, то отсутствует и противопоставление форм. У глагола и предикативного прилагательного используются лишь неадрессивные формы, которые, будучи проще по строению, выступают в качестве немаркированного члена. Что же касается связок, то здесь дело обстоит несколько по-другому. При отсутствии собеседника, как правило, употребляется связка *дэ ару*, тогда как неадрессивной связкой при наличии собеседника будет *да*.

Вместе с тем, если имеется в виду реакция читающих, даже если это не какие-то определенные люди, противопоставление адрессивных и неадрессивных форм вновь вступает в силу. Отношение говорящего к лицам, о которых ему ничего не известно, как уже отмечалось, следует рассматри-

форм вежливости Экояма Цунэаки [136], написанной в виде беседы учителя и ученика, вряд ли показательна, так как это — искусственный текст. Сражающийся лишь взгляд автора.

вать как отношение к равным чужим. Поэтому здесь появляются адрессивные формы. Это (помимо публичных выступлений, бесед по радио и т. д.) проявляется в рекламе: *Аната-но о-кинишири-га о-киниширу-но нэдан-дэ китто мицу-ка рима сү* (А, 27.X.1970) 'Непременно учитываются ваши вкусы при доступной цене'; при прямом обращении к читателям: *Хондзицу ва То:кё:тава:-ни ёку оидэ кудаса имасита* (Тт, I) 'Добро пожаловать на токийскую телебашню' (из проспекта для посетителей башни); в литературе для детей и женщин (где четко представляется читатель): *Кодомо-но сёкудзи-ни ва ки-о кубари, мэню: ва мотирон, басё я сэкки-ни хэнка-о мотасэтэ имасү* (А, 26.VII.1970, статья о домоводстве) '[Вам следует] обращать внимание на питание ребенка, разнообразить не только меню, но и место [приема пищи], посуду'.

В номере газеты «Асахи» за 6.II.1970 г. адрессивные формы используются, не считая передачи прямой речи, в большинстве рекламных объявлений (кроме части книжной рекламы), в большинстве статей по домоводству, в отделе рыболова, в материалах для детей. В остальных случаях (статьи политического, экономического, культурного характера, текущая информация), где нет непосредственного обращения к читателю или расчета на определенные группы читателей, адрессивные формы не употребляются.

В то же время в органе ЦК КПЯ, газете «Акахата», адрессивные формы используются во всех материалах, подготовленных редакцией газеты (неадрессивные формы встречаются лишь в цитатах и перепечатках из других изданий): *Нихон-кё:санто:-коккай-гииндан ва нидзю:нинити. Окинава-кё:тэй-но кокай-сё:нин-ни ататэ сэймэй-о ханпё:-симасита. Сэймэй-дзэмбун ва цуги-но то:ри дэ сү* (Ак, 23.XII.1971) 'Парламентская фракция Коммунистической партии Японии 22 [декабря] выступила с заявлением в связи с одобрением парламентом соглашения об Окинаве. Ниже приводится полный текст заявления'; *Нэммацу-о хикаэтэ сэйсэн-сёкурё:хин-но нэгаги-га хисси-то наттэ имасү* (Ак, 4.XII.1971) 'К концу года становится неизбежным повышение цен на свежие (т. е. неконсервированные. — В. А.) продукты'. Причину широкого употребления адрессивных форм, видимо, следует усматривать в стремлении установить более непосредственный, тесный контакт с читателем.

Но не всегда легко обосновать появление адрессивных форм в письменных текстах. Отмечаются случаи употребления адрессивных форм и в авторских текстах художественных произведений, и в научных текстах. Адрессивные формы употребляются, например, в лингвистических работах Сакума Канаэ [114 и др.] и Цудзимура Тосики [131; 132; 133; 134].

Возможно, что употребление адрессивных форм здесь не связано с отношением к предполагаемому собеседнику, а представляет собой индивидуальную особенность пишущего [ср. 99, 108—109]. Это можно объяснить тем, что, если снимается различие в значении между формами, говорящий может использовать либо одни, либо другие в зависимости от каких-то других причин. Показательно, что, например, в переводе на современный язык памятника конца X—начала XI в. «Гэндзи-моногатари» некоторые переводчики в речи от автора используют адрессивные формы, некоторые — неадрессивные [58, 184—186]. Мы не останавливаемся подробнее на этом вопросе, так как он требует самостоятельного изучения.

§ 5. *Да аримасу* и *дэ годзаимасу*

Суффикс *-мас-* — единственный показатель адрессивных форм в японских глаголах (исключая императив).

Адрессивных форм связки (или адрессивных связок) несколько: наряду с *дэсу* употребляются *дэ аримасу* и *дэ годзаимасу*. Необходимо установить их значение.

О *дэ аримасу* высказываются разные мнения. Существует мнение, что *дэ аримасу* — более вежливая форма, чем *дэсу* [см. 114, 299]. Такую точку зрения высказал и один из наших информантов. Но чаще их различие видят в другом.

Во-первых, форма *дэ аримасу* употребляется в речи военных: *Хого дэ аримасу* (К, 126) '[Это] охрана' (речь офицера); *Ха, минами дэ аримасу* (И, т. I, 386) 'Да, на юге' (последний пример весьма показателен: так отвечает демобилизованный на вопрос «Где вас ранило?», хотя обычно он употребляет *дэсу*).

Во-вторых, *дэ аримасу* используется в официальном обращении, особенно в публичных выступлениях: *Сикасинагара цуми ва докомадэмо цуми дэ аримасу* (И, т. II, 241—242) 'Тем не менее вина все же всегда остается виной' (речь прокурора на суде); *Ватаси ва ридзитё: дэ ва аримасэн. Кандзи дэ аримасу* (Кё, 134) 'Я не директор, а инспектор' (публичная речь). Такое употребление *дэ аримасу* отмечают ряд авторов [см., например, 131, 198], на это указывают и информанты.

Иногда *дэ аримасу* встречается в радиопередачах [см. 143, 55].

У нас нет оснований считать, что *дэ аримасу* с точки зрения адрессива чем-то отличается от *дэсу*, они могут использоваться в одних и тех же ситуациях (см. выше, пример из рассказа демобилизованного). Скорее следует полагать, что в значении *дэ аримасу* присутствуют некоторые дополнительные компоненты. Противопоставление *дэсу* и *дэ аримасу*

нельзя приравнивать к противопоставлению *да* и *дэ ару*, оно, как и противопоставление *дэ ару* и *дэ аримасу*, уникально, поэтому *дэ аримасу* — особая связка (тогда как *дэсу* и *да* входят в одну парадигму).

Связка *дэ аримасу* встречается довольно редко (в обследованном нами материале около тридцати примеров).

Более распространенной является связка *дэ годзаимасу*. Обычно считается, что *дэ годзаимасу* — более вежливая форма, чем *дэсу*; она рассматривается зачастую как представитель особого класса форм вежливости [см. 65, 174; 68, 58; 74, 214; 111, 63; 122, 45]. Это подтверждается соответствующими примерами: *Хэ;* *Эйкити дэ годзаимасу* (МII, 345) 'Да, это [я], Эйкити' (служащий гостиницы ее владельцу); *Саё: дэ годзаимасу* (MI, 28) 'Да' (горничная гостиницы постояльцу); *Субэтэ, ватаси-но сэкинин дэ годзаимасу* (Кё, 153) 'Я отвечаю за все [это]' (подчиненный начальнику).

В отношении к равным и чужим (например, в разговоре малознакомых и незнакомых мужчин) *дэ годзаимасу*, как правило, не употребляется.

В мужской речи *дэ годзаимасу*, как и другие формы с *годзаимасу* (исключая штампы вроде *аригато: годзаимасу* 'спасибо'), употребляется только в отношении к высшим.

В женской же речи *дэ годзаимасу* довольно часто используется и в отношении к равным и чужим: *Имаи дэ годзаимасу...* (Ф, 138) '[Это] Имаи...' (женщина говорит по телефону, не зная собеседника).

В отношении к своим, даже высшим, *дэ годзаимасу* употребляется очень редко, у нас имеется единственный пример: *Саё: дэ годзаимасу* (MII, 276) 'Да' (жена мужу).

Таким образом, *дэ годзаимасу* используется при очень вежливом обращении, главным образом женщинами и работниками сферы обслуживания. По своему значению *дэ годзаимасу* и *дэсу* противопоставлены друг другу по следующим признакам: «подчеркнуто-вежливое отношение» — «нейтрально-вежливое отношение».

Это подтверждается тем, что существует корреляция:

между использованием *дэ годзаимасу* и использованием адрессивных форм глагола в срединных позициях (характерно, что формы вроде *дэ годзаимаситэ* не зафиксированы): *О-тати дэ годзаимасу ка?.. Маёнака-ни кю:кю:ся-га кимаситэ, бё:ин-но хо:-ни о-уцуси итасимасита* (MII, 232—233) 'Вы уезжаете?.. Глубокой ночью приехала машина скорой помощи, [мы] перевезли [его] в больницу';

между употреблением *дэ годзаимасу* и употреблением адрессивных форм при субстантивизации: *Ватаси-но мо:сима-*

су но ва, со:йу: котогара дэ годзаимасу ё (Кё, 168)
'Я скажу вот что'.

На это явление обратил внимание Киндаити Харухико [см. 69, 160].

Данную трактовку подтверждают и результаты обследований, проведенных в Уэно и Окасаки. Более 60% испытуемых сочли наиболее подходящим для разговора молодой женщины со своим пожилым учителем *дэ годзаимасу* [см. 76, 182 и 310]. Когда испытуемым предложили выбрать форму, которую они употребили бы в разговоре со своим бывшим учителем, *дэ годзаимасу* выбрали около 75% женщин и около 50% мужчин [см. 76, 175 и 296]. Когда информантов опрашивали, можно ли считать нормальным использование *дэ годзаимасу* в речи знакомой им женщины в возрасте 30—40 лет, обращенной к ним, утвердительно ответили 57,58% испытуемых, причем количество оценок такого обращения как нормального возрастало с увеличением возраста информанта [см. 76, 177—178 и 300]. Но лишь около трети испытуемых одобрили использование *дэ годзаимасу* в обращении подчиненных к начальнику и в обращении служащих на вокзале к пассажиру [см. 76, 179—180 и 308]. Здесь явно отразилось представление о *дэ годзаимасу* как о «женской» связке.

Форму, сходную с *дэ годзаимасу*, имеют и прилагательные. Она образуется присоединением вспомогательного глагола *годзаимасу* к особой форме прилагательного, образуемой от основы путем фонетических изменений: конечный гласный основы удлиняется, а в некоторых случаях меняет и свое качество (а переходит в о, и — в у). Значение этих форм, по-видимому, такое же, как у *дэ годзаимасу*: *Сорэ ва ё ро-сю: годзаимасита* (К, 129) 'Это было хорошо' (служанка хозяину); *Ара, кися-но нака ва, соннани саму: годзаимасу ка?* (МІ, 16) 'В поезде так же холодно?' (горничная гостиницы постояльцу) [см. также 52, 185—186]. Сходство прилагательных и связки по их значению позволяет считать, что *дэ годзаимасу* — форма связки *да*, а не особая связка.

У глаголов имеется лишь одно противопоставление рассматриваемого типа: *ару* — *годзаимасу* 'быть'¹². В других же случаях признак «подчеркнуто-вежливое отношение» связан не со специальными формами, а, как уже говорилось выше, с употреблением адрессивных форм в срединных позициях и при субстантивизации.

В разговорной речи иногда проявляется тенденция к передаче подчеркнуто вежливого отношения при помощи комби-

¹² В современном языке часто смешивают *годзаимасу* и *ирассяру*: первую форму употребляют вместо второй и наоборот [см. 100; 136, 100], тем самым смешиваются адрессив и гоноратив.

нированных форм, например путем присоединения *дэсу* к адрессивной форме глагола и даже к *дэ годзаимасу*, но такие формы не считаются литературными [см. 92].

Формы с *годзаимасу* употребляются довольно часто, особенно женщинами (в исследованном нами материале более ста таких примеров).

Выводы к главе 2

1. В современном японском языке существует категория адрессива, значение которой состоит в выражении отношения говорящего к собеседнику.

2. У глаголов, предикативных прилагательных и связки *да* противопоставлены друг другу адрессивные и неадрессивные формы. У глаголов показатель адрессивных форм — суффикс *-мас-*, неадрессивные формы имеют нулевой суффикс. У предикативных прилагательных синтетические формы неадрессивны, адрессивные формы образуются аналитически — присоединением *дэсу* или *годзаимасу*. Из трех связок лишь одна (исходная форма *да*) имеет как неадрессивные (*да* и др.), так и адрессивные (*дэсу* и др., *дэ годзаимасу* и др.) формы. Связка *дэ ару* не имеет адрессивных форм, а связка *дэ аримасу* — неадрессивных.

3. При отсутствии определенного собеседника (научная литература, газетные информационные тексты и др.) употребляются, как правило, неадрессивные формы (из связок — *дэ ару*), их противопоставление адрессивным формам нейтрализуется.

4. При наличии собеседника (диалог, письма, реклама и др.) неадрессивные и адрессивные формы связаны с определенными комбинациями признаков: первые — с комбинациями признаков: «равный — свой», «низший — свой», вторые — с комбинациями признаков «высший — свой», «высший — чужой», «равный — чужой»; с комбинациями признаков «низший — чужой» могут быть связаны и адрессивные, и неадрессивные формы в зависимости от того, какой из признаков более значим.

5. У прилагательных и связки есть два типа адрессивных форм: к первому относятся *дэсу* и прилагательные с *дэсу*, ко второму — *дэ годзаимасу* и прилагательные с *годзаимасу*. Формы первого типа связаны с комбинациями признаков «высший — свой», «равный — чужой», «низший — чужой», «высший — чужой — нейтрально-вежливое отношение», формы второго типа — с комбинацией признаков «высший — чужой — подчеркнуто вежливое отношение». У глаголов такого противопоставления форм нет, но при комбинации признаков «высший — чужой — подчеркнуто вежливое отношение» адрессив-

ные формы употребляются в заключительных и срединных позициях, при прочих комбинациях — только в заключительных позициях.

6. Категория адрессива имеет свой центр и периферию. У глаголов и у связки противопоставление адрессивных и неадрессивных форм более четко и последовательно, чем у прилагательных, а у утвердительных изъявительных форм глагола — более четко и последовательно, чем у отрицательных или предположительных форм глагола. В позиции заключительного сказуемого адрессивные и неадрессивные формы более четко противопоставлены, чем перед союзами и некоторыми частицами. В определительной позиции противопоставление адрессивных и неадрессивных форм нейтрализуется. Помимо синтаксической позиции в предложении на противопоставление адрессивных и неадрессивных форм, возможно, влияют и связи между предложениями.

Глава 3

КАТЕГОРИЯ ГОНОРАТИВА ДЛЯ ГЛАГОЛА

§ 1. Противопоставление гоноративных и негоноративных форм

При рассмотрении категории гоноратива у глагола сразу бросается в глаза, что здесь нейтральным формам противопоставляется два различных класса форм: гоноративные («почтительные») и депрециативные («скромные»). На это указывают все исследователи. В литературном языке разграничение этих классов форм выдерживается четко (о случаях их смешения см. гл. 3, § 11). Наиболее заметное их отличие состоит в том, что гоноративные формы не употребляются тогда, когда речь идет о действиях говорящего, в то время как депрециативные формы чаще всего встречаются именно в таком случае.

В данном и четырех последующих параграфах мы будем говорить лишь о противопоставлении гоноративных и негоноративных форм, не разграничивая нейтральные и депрециативные формы.

Обычно пишут, что гоноративные формы употребляются для характеристики действий уважаемых с точки зрения говорящего лиц, по отношению к которым нужно выразить почтение или вежливость. С этим можно согласиться, но необходимо уточнить значение гоноративных и противопоставленных им нейтральных форм.

Прежде всего отметим, что данное противопоставление связано с отношением говорящего к субъекту действия, т. е. лицу, осуществляющему данное действие¹³. Это видно, в частности, из того, что по нормам литературного языка гоноративные формы могут употребляться лишь тогда, когда говорится о действиях людей. Фразы типа *Минасама-но дзэйкин мо хэра рэру кото дзэсэ*: 'И ваши налоги, вероятно, уменьшатся' (пример из работы Миядзи Ацуко [88, 45]) считаются нелитературными, поскольку по смыслу получается, что вежливость выражается по отношению к налогам и т. д. [см. 23, 86; 88, 45; 89, 194; 97; 118, 99]. Таким образом, признаки «наличие лица, о котором идет речь» и «отсутствие лица, о котором идет речь» для данного случая принимают следующий вид: «наличие лица — субъекта действия» и «отсутствие лица — субъекта действия». При отсутствии такого лица происходит нейтрализация противопоставления форм и употребляются только негоноративные формы (и даже только нейтральные формы, наиболее простые по своему строению). На этот факт обратил внимание А. А. Холодович [40, 258].

В случае наличия лица — субъекта действия гоноративные формы противопоставляются негоноративным формам, которые приобретают определенную значимость. Субъектом действия может быть и собеседник, однако выражение отношений между ним и говорящим принципиально не отличается от ситуации, когда действие производится третьим лицом. В этом коренное отличие категории гоноратива от категории адресива.

Выбор той или иной гоноративной или негоноративной формы зависит не только от отношений говорящего и субъекта действия. Если лицо, производящее действие, не является ни говорящим, ни собеседником, то при выборе формы играют роль как отношения говорящего и собеседника, так и отношения субъекта действия и собеседника. Определенную роль могут играть и отношения с какими-нибудь другими лицами. Однако можно считать, что участие в ситуации других лиц не меняет значение форм, а лишь изменяет отношение говорящего к субъекту действия. Например, когда жена говорит о действиях мужа с ним самим, он оценивается как лицо высшее, но когда она говорит о нем с высшим чужим, муж уже не будет рассматриваться как высший. Такой способ описания, видимо, проще.

¹³ Не следует отождествлять субъект действия с подлежащим. То, что здесь значимо именно отношение к субъекту действия, подтверждается тем, что гоноративные формы невозможны в страдательном залоге (см. гл. 3, § 5).

§ 2. Значение гоноративных и негоноративных форм

В японском языке не принято употреблять гоноративные формы в речи о лицах, рассматриваемых как свои (по крайней мере как свои равные или свои низшие). Пример этого — невозможность в литературном языке употребления гоноративных форм в речи о себе, какое бы высокое положение ни занимал говорящий, который для себя, естественно, есть «равный» и «свой»¹⁴. Далекое не всегда используются гоноративные формы и по отношению к лицам, которые могут рассматриваться как высшие свои. Например, когда говорят о членах семьи в разговоре с посторонним, о сослуживце в разговоре с человеком, не работающим вместе с говорящим, нормой считается употребление негоноративных форм вне зависимости от отношений лица, о котором идет речь, с говорящим (впрочем, как отмечалось выше, это лицо в подобных ситуациях может и не рассматриваться как высшее). Этот факт отмечается многими авторами как особенность японского языка [см. 94, 39—40; 101, 4; 118, 100—101; 131, 19—20; 136, 83—85]. Например: *Ока:сан ва го-симпай насарана катта дэсу ка?..—Ииз, сассоку, каэттэ ханаситара, тотэмэ ёрокондэ имасита ва* (МII, 110) 'Ваша мать не волновалась?..—Нет, я, вернувшись, сразу все рассказала, [она] была очень довольна' (дочь о матери чужому человеку); *Сонна гуаи-дэ, доко-но рёкан-ни то маттэ иру яра, саппари кэнтё:-га цукимасэн* (МII, 131) 'Таким образом, [у нас] нет никаких сведений о том, в какой гостинице [он] живет' (сотрудник учреждения о своем начальнике, отвечая на вопрос журналиста, разыскивающего того).

Эти наблюдения подтверждаются данными об исследованиях, проведенных в Уэно и Окасаки. Информантам, в частности, было предложено ответить, как они должны говорить с начальником о своем отце. Гоноративную форму выбрало лишь около четверти испытуемых [см. 76, 298—299 и 308—309].

Гоноративные формы зачастую не употребляются и в тех случаях, когда речь идет о своих высших и субъект действия — собеседник; здесь уже нельзя считать, что это лицо не рассматривается как высшее: *Ёку сонна рэйкокуна котога иэта мон дэсу нэ, ни:сан* (K, 135) 'Вам, брат, легко бы-

¹⁴ Киндаити Кёсукэ указывал на это как на основную типологическую особенность японского языка в отличие от европейских языков, а также от корейского, маньчжурского, монгольского и т. д., в которых общественные отношения людей передаются без учета конкретной ситуации; например, о высокопоставленных лицах всегда говорят почтительно [см. 65, 18—20].

ло говорить такие жестокие слова'. В данном примере говорящий рассматривает старшего брата как лицо высшее, о чем свидетельствует наличие адресивной формы [об этом см. 119, 221]. Однако в таких случаях нередки и гоноративные формы: *Они:сама ва о-вараи-ни нару камо сирэ-масэн кэдо...* (К, 146) 'Вы, брат, вероятно, будете смеяться, но...' (сестра старшему брату).

Можно считать, что при комбинации признаков «высший — свой» возможны как гоноративные, так и негоноративные формы — в зависимости от того, какой признак более значим.

Значительно чаще используются гоноративные формы по отношению к лицам, рассматриваемым как чужие. Чем дальше данное лицо от говорящего в плане «чужой — свой», тем, при прочих равных условиях, шире употребляются гоноративные формы [см. 76, 251—264 и 376; 94, 36; 131, 212]. Исходя из принятых нами установок, следует заключить, что с комбинациями признаков «высший — чужой» и «равный — чужой» связаны гоноративные формы, а с комбинацией признаков «низший — чужой» — негоноративные: *Оя, до: на-сатта н дэ годзаимасу ка?* (МI, 16) 'Ах, что [вы] делали?' (горничная в гостинице постояльцу); *Курума-о о-моти-ни нару то, дзинсэй-га какудзицу-ни нибай-ни ва о-цукаи-ни нарэмасу ё* (АI, 78) 'Если [у вас] есть машина, жизнь и вправду может быть вдвое удобнее' (женщина незнакомому мужчине); *О-каки-ни натта моно, хайкэн-сасэтэ итада-кимасита...* — *Хо:тай, го-дзibun-дэ, о-тори-ни нарэмасу ка?* (АII, 31—35) 'Я видел написанное [вами]... — Бинты [вы] сами можете снимать?' (разговор малознакомых мужчин примерно одинакового возраста и социального положения); *но: Сорэкара до: симасита?* (МII, 140) 'После этого что [вы] сделали?' (журналист горничной гостиницы); *Кимитати ва, Ито:-мото-тю:са-то сэнсо:го мо дзутто рэнраку-о тоттэ ита вакэ да нэ?* (МII, 350) 'Значит, вы и после войны были связаны с бывшим подполковником Ито?' (мужчина незнакомым мужчинам много моложе его).

Интересно проследить употребление гоноративных форм в переводах с русского языка. Так, в переводе пьесы М. Горького «Васса Железнова» гоноративные формы используют: горничная — по отношению к хозяевам; находящаяся в услужении у Вассы Анна — по отношению к хозяйке и ее брату; прокурор Мельников и его сын — по отношению к Вассе; невестка Вассы Рашель — по отношению к Вассе и ее брату. В то же время дочери Вассы не употребляют по отношению к ней гоноративных форм, сама Васса не использует гоноративных форм ни по отношению к мужу, ни по отношению к брату, ни по отношению к прокурору Мельникову, социаль-

ное положение которого ниже (подробнее об этом см. нашу статью [3]; там же см. примеры). Употребление гоноративных и негоноративных форм в данном переводе можно считать соответствующим сформулированным в этом параграфе правилам.

§ 3. Влияние синтаксической позиции на противопоставление гоноративных и негоноративных форм

С синтаксической точки зрения гоноративные формы, как и негоноративные, свободно употребляются в любой позиции, что отличает их от адрессивных форм: *Нани, камэра-дэ о-тори-ни натта?* (MI, 72) 'Что, [вы] фотографировали?' (заклЮчительная позиция); *Цумари, хитори-дэ Кё:то-ни о-яри-ни наттэ мо дайдзё:бу то омоу но дэсу* (MII, 165) 'В конце концов [я] думаю, что, хотя [она] и поехала в Киото одна, все будет хорошо' (срединная позиция); *Дэмпо:о утарэта ката ва, до:ситэ дэнва-о о-какэ-ни наранакатта но дэсё: ка?* (MI, 76) 'Почему человек, отправивший телеграмму, не позвонил по телефону?' (определительная позиция); *Коно тэгами-но то:рини, коко-дэ Нандзэндэра-кара о-каэри-ни нару но-о маттэ имасу* (MII, 174) 'В соответствии с этим письмом [я] жду здесь, пока [вы] не вернетесь из храма Нандзэн' (при субстантивизации).

Причина этого в том, что гоноративные формы употребляются в речи по отношению к субъекту действия, обозначенного данным глаголом. Поэтому в сложном предложении гоноративные формы, если они относятся только к действиям субъекта не последнего предложения, употребляются не в конечной, а в другой позиции: *Боку мо анатагата-га дзё:кё:сарэру то кийтэ, соно тэн ва кангаэта но дэсу* (MI, 266) 'Услышав, что вы приедете в Токио, я тоже подумал об этом'. Если же субъект один, то достаточно поставить в гоноративной форме только заклЮчительное сказуемое: *Сорэдэ, акуру аса хаяку о-сёкудзи-о сасиагэта токи мо, наника сианситэ иру ё:на као-дэ дамарикокуттэ, асагохан-о хамбун бакари о-табэ-ни наримасита* (MII, 141) 'Затем, когда [я] на другой день рано утром принесла еду, [он] молчал с таким видом, будто что-то обдумывал, и съел только половину завтрака'. Возможно в этом случае и употребление в гоноративной форме нескольких глаголов, но употребить в гоноративной форме только незаклЮчительное сказуемое, если заклЮчительное сказуемое обозначает действие того же лица, видимо, невозможно [см. 131, 66].

Гоноративные формы не употребляются в форме пригласительного наклонения, что связано с тем, что оно предпо-

лагает участие в действии говорящего [см. 67]. Не встречаются гоноративные формы и тогда, когда глагол имеет форму страдательного залога, что, возможно, отчасти связано с омонимией форм страдательного залога и одного из классов гоноративных форм. Хотя Г. Д. Придо допускает возможность существования форм вроде *ёмарэрарэру* [см. 166, 55], они, как и другие гоноративные формы страдательного залога, не встречаются в текстах и отвергаются информантами.

Отметим, что гоноративные формы могут употребляться при обозначении любых действий, а не только таких, которые непосредственно связаны с говорящим (это важно отметить для сопоставления их с депрещиативными формами): *Кю:сю: ва, го-сюттё: датта н дэсу ка?* (М1, 53) '[Вы] были на Кюсю в командировке?' (вопрос человека, которого говорящий давно не видел); *Рикон-на сатта н дзя най н дэсу ка?* (Кё, 135) '[Вы] ведь, кажется, разводились?' (вопрос студентки профессору, о прошлом которого она не знает).

§ 4. Влияние отсутствия собеседника на противопоставление гоноративных и негоноративных форм

Все сказанное выше относится прежде всего к устной речи и тем видам письменной речи, которые непосредственно связаны с реакцией собеседника (см. гл. 2, § 4). В других случаях, несмотря на то, что категория гоноратива непосредственно не связана с отношением к собеседнику, гоноративные формы, не только используются реже, но и правила здесь иные.

Единственный случай, когда употребление гоноративных форм — норма в любом тексте, это традиционное их применение в речи об императоре и членах его семьи. Такая традиция поддерживается правящими кругами Японии. Существуют определенные правила, закрепленные в инструкциях государственных органов [об этом см. 52, 181—184; 112, 122; 131, 130—133]. До войны в речи об императорской семье использовались специальные слова и прагматические формы, которые выражали чрезвычайную почтительность, не применялись в других случаях и брались, как правило, из старописьменного языка (бунго). Сейчас принято их избегать, пользуются обычными гоноративными формами [см. 52, 181—184; 106, 46—48; 131, 130—132]: *Насю-дэ сэйё:-сарэтэ ита тэнно:*, *ко:го: рё-хэйка ва нидзю:кунити-гого-рэйдзи-дзиппун...токубэцу-дэнся-дэ кикё:*, *ко:кё-ни модорарэта* (А., 29.VIII.1970) 'Отдыхавшие в Насю их величества император и императрица 29-го в 12.10 специальным поездом прибыли в

Токио и возвратились в свою резиденцию»; *Ко:тайси го-фу:фу-га го с ю с сэ ки-ни на ри, мадзу тэнно:-хэйка-кара нэгирай-но котоба-га ари, тю:сёку-о томо-ни сарэ, го-кондан-ни натта* (А, 26.IX.1970) 'Присутствовали также наследный принц с супругой; вначале [они] передали слова благодарности от его величества императора, [а затем] были на приеме'; *Ко:мия-сама-га, харуясуми-о риё:-ситэ, банкокухаку-дэ фуцукан-но кю:дзицу-о таносимарэта... Хатигацу-ни мо Норимия-то о-сорои-дэ оидэ-ни натта* (А, 11.IX.1970) 'Комия-сама во время летних каникул провел на всемирной выставке два дня... В августе он также приезжал [на выставку] вместе с Норимия' (в последнем примере речь идет о внуках императора). Как можно видеть из примеров, по отношению к разным членам императорской семьи, независимо от их положения внутри нее, применяются одни и те же формы вежливости.

В других случаях (не по отношению к японскому императору и членам его семьи) в газетных, научных и прочих текстах гоноративные формы, как правило, не употребляются [см. 112, 120]. Они не применяются, в частности, ни по отношению к иностранным монархам, ни по отношению к членам правительства и другим высокопоставленным лицам: *Коно ханпё:-ни ёру то Фусэин-кокуо: ва... фусё: ва манука рэта* (А, 2.IX.1970) 'Согласно этому опубликованному в печати сообщению, король Хусейн... не получил ранений'; *Мата сюсё: ва ... корэ-ни нодзому тэйдо-ни цуйтэ мо кангаэ-о но бэру* (А, 9.X.1970) 'Кроме того, премьер-министр... излагает свое мнение и по вопросу о положении, создавшемся в связи с этим'.

Встречаются все же случаи употребления в речи, не связанной с собеседником, гоноративных форм и по отношению к лицам, не принадлежащим к императорской семье, например в научных текстах, в которых речь идет об авторитетных ученых: *Токиэда-си-но кэйи то иварэру но мо соноё:на ими-ни ойтэ кангаэру кото ва дэкиру то омоимасу* (Ц, 209) 'По-видимому, и то, что г-н Токиэда называет вежливостью, можно понимать в этом смысле'. Однако в материалах информационного характера такое употребление гоноративных форм не встречается (ср., например, употребление гоноративных форм в статьях, посвященных памяти лингвиста Токиэда Мотоки, помещенных в № 72 журнала «Кокугогаку», и отсутствие таковых в информационных сообщениях о смерти в газете «Асахи-симбун»).

Таким образом, признаки «наличие собеседника» и «отсутствие собеседника» оказываются значимыми и для категории гоноратива.

§ 5. Гоноративные формы японского языка

В современном языке существуют следующие гоноративные формы глагола: одна синтетическая, характеризующаяся суффиксом *-рэ-/рарэ-*, и несколько аналитических, образуемых путем присоединения к отглагольному имени (в форме так называемой второй основы) префикса *о-* и добавления либо показателя *-ни* и вспомогательного глагола *нару*, либо вспомогательного глагола *насару* или *асобасу* (последние две формы, особенно с *асобасу*, в настоящее время редки), либо связки. Если глагольная форма состоит из китайских корней *+суру*, элемент *суру* при образовании аналитических форм отбрасывается, а префикс *о-* выступает в своем варианте *го-*. Однако в случае присоединения *суру* к одному корню, который образует с *суру* более тесное единство, чем последовательность из двух и более корней, возможны случаи, когда *суру* сохраняется: *Со: о-кандзи-ни наттэ?* (X, 149) 'Вы так чувствуете?' К гоноративным обычно относят также конструкцию, состоящую из деепричастной формы и вспомогательного глагола *кудасару*.

Из всех гоноративных форм наиболее распространенными, по крайней мере в устной речи, являются формы, образованные по модели «*о-...-ни нару*». Например, в пьесе «Акума ва кимбэн» на 50 страниц текста формы данного типа употреблены 38 раз, а формы с суффиксом *-рэ-/рарэ-* — четыре раза (один раз — комбинированная форма *о-...-ни нарарэру*), формы типа *о-... насару* — ни разу. На наибольшую распространенность форм типа *о-...-ни нару* указывают многие авторы [см., например: 94, 42; 131, 137]. Эти формы применяются в самых разнообразных ситуациях. Нам встретились формы подобного рода, образованные более чем от ста глаголов.

Однако формы типа *о-...-ни нару* практически не образуются от ряда очень распространенных глаголов: *суру* 'делать', *куру* 'приходить', *ику* 'идти', *иру, ору* 'быть', *йу:* 'говорить', *миру* 'видеть'. На это указывают многие исследователи [см. 59, 280—281; 65, 167—169; 72, 335—336; 119, 9—12; 164, 44], это подтверждают и информанты. О причинах будет сказано ниже.

Вместо соответствующих форм некоторых из этих глаголов используются формы, построенные по той же модели, но с заменой корня: *горан-ни нару* 'видеть', *оидэ-ни нару* 'идти', 'приходить', 'быть'. Эти формы по значению в плане гоноративности не отличаются от других форм типа *о-...-ни нару*. Их следует рассматривать как супплетивные гоноративные формы соответствующих глаголов, как это делает А. А. Холодович [40, 256], тем более что *горан, оидэ* исполь-

зуются и в других случаях, занимая в системе место реально не существующих *о-ми, о-ики, о-ки, о-и* [см. 69, 177]. Отсутствие последних, возможно, связано с омонимией, избавление от которой приводит к применению форм типа *горан-ни нару* [см. 119, 9].

Гоноративные формы, образованные при помощи суффикса *-рэ/-рарэ-*, ряд авторов, исходя из морфологических и этимологических соображений, рассматривают как формы страдательного залога [см. 18, 199; 128, 134—135]. Однако, учитывая (при морфологическом тождестве) различное значение этих форм, разный характер синтаксических связей в предложениях, содержащих эти формы, возможность их различения путем трансформаций, эти исторически родственные формы следует считать омонимичными для современного языка.

Формы с *-рэ/-рарэ-* в устной речи встречаются реже, чем формы типа *о-...-ни нару*. Обычно это объясняют тем, что существует опасность их смешения с формами страдательного залога [см. 111, 65; 131, 188], иногда — тем, что эти формы имеют книжный оттенок [см. 143, 57]. Однако они все же встречаются достаточно часто. Возможно, на их употребление повлияло то, что они признаны наиболее желательными в правилах под названием «Корэкара-но кэйго» («Формы вежливости отныне»), принятых японским министерством просвещения в качестве норм для школьного преподавания¹⁵. Во время опроса, проведенного в 1964 г., информантам предложили ответить на вопрос, какая гоноративная форма более желательна. Информанты-мужчины в ряде случаев называют чаще всего форму с *-рэ/-рарэ-* [см. 121, 33—35].

Следует выяснить, каково различие в значении форм типа *о-...-ни нару* и форм с *-рэ/-рарэ-*. Многие считают, что формы типа *о-...-ни нару* более вежливые [см., например: 65, 165; 131, 188; 163, 270]. Однако встречаются и указания на то, что в современном языке эти формы в плане вежливости практически не различаются [см. 57; 101, 9]. На основе исследованного материала мы пришли к заключению, что значение этих форм с точки зрения категории гоноратива одинаково; различаются они тем, что, во-первых, в устной речи от большинства глаголов обычно образуются формы типа *о-...-ни нару*, а от небольшого количества глаголов — только формы с *-рэ/-рарэ-*; во-вторых, первые употребляются в речи по отношению к своим и чужим, а вторые — обычно только по отношению к чужим, имея при этом несколько официальный оттенок [см. 3, 67—70]. Данный вывод подтверждают и информанты.

¹⁵ Эти правила приведены в книге Киндайти Кёсукэ [65, 209—223]. О дискуссии в связи с ними см. статью Миякэ Такэро [93].

Несколько иные правила соблюдаются в ситуациях, когда не выражается непосредственная связь со слушающим. В таких случаях формы с *-рэ/-рарэ-* употребляются довольно часто, возможно, даже чаще, чем формы типа *о-...ни нару* (примеры см. выше). Здесь, видно, отсутствуют особые ограничения и в отношении присоединения *-рэ/-рарэ-* к глаголам. В речи об императорской семье формы с *-рэ/-рарэ-* считаются нормой, что закреплено соответствующими инструкциями [см. 131, 132]. Однако, как видно из приведенных в предыдущем параграфе примеров, в данном случае употребляются и формы типа *о-...ни нару*.

Наряду с двумя классами форм, рассмотренными выше, встречаются формы, представляющие собой сочетание форм этих двух классов: *Ото:сама о-модори-ни на рарэ масита ка на?* (К, 120) '[Ваш] отец не вернулся?' Они связаны с признаком «подчеркнуто вежливое отношение», но, как правило, не считаются литературными [см. 52, 200; 106, 159; 131, 44]. Однако у информантов они не вызывают протеста.

Еще один распространенный класс гоноративных форм образуется по модели «*о-* + отглагольное имя + связка». Эти формы довольно употребительны. По значению в плане гоноратива они также не отличаются от форм типа *о-...ни нару* [см. 3, 71]. В то же время значение таких форм можно считать соответствующим значению форм длительного вида. Они, по-видимому, не употребляются в речи о будущем, а в формах настоящего времени могут иметь перфектное значение: *Дзидзё: ва Таки-сан-кара о-кики дэсё?* (МII, 102) '[Вы], видимо, слышали о положении дел от Таки-сан?' Близость этих форм по значению формам длительного вида подтвердили все информанты.

По той же модели образована форма «*го-* + *дзон-дзи* + связка». Ее можно рассматривать как сушлетивную гоноративную форму от глагола *сиру* 'знать' (соответствующая регулярная форма от этого глагола, видимо, не употребляется). На это указывает Киндайти Харухико [см. 69, 177].

Формы типа *о-...насару* считаются устаревшими [см. 106, 134; 131, 134]. Иногда на этом основании они даже исключаются из ряда гоноративных форм [см. 65, 166]. Информанты в ответ на вопрос об употребительности этих форм в настоящее время отвечали: «так обычно не говорят»¹⁶. Однако примеры с такими формами все же встречаются: *Сэнсэй, кино: Мибо:-сан-то дзуйбун таносисо:ни о-хана сина саттэ ирассяимасита нэ* (Кё, 157) '[Вы], сэнсэй, вчера с чрезвычай-

¹⁶ А еще до войны эти формы были очень распространенными. Е. Л. Наврон-Войтинская [22] считала их основными среди форм, рассматриваемых в данном параграфе.

но радостным видом разговаривали с Мибо-сан'. Чаще всего они встречаются в тех случаях, когда глагол представляет собой сочетание корня китайского происхождения с *суру*: *Сэнсэй ва, надзэ, го-кэккон насаимасэн но?* (МII, 106) 'Почему [вы], сэнсэй, не женаты?'; *Ма: го-кикоку насару н дэсу ка?* (МII, 387) '[Вы] вернетесь в свою страну?' По значению в плане гоноратива эти формы, по-видимому, не отличаются от всех предыдущих [подробнее об этом см. 3].

В отличие от всех указанных выше форм формы типа *о-... асобасу*, как отмечают все исследователи, передают очень высокую степень вежливости. В соответствии с принятой нами терминологией можно утверждать, что они включают в свое значение признак «подчеркнуто вежливое отношение». Однако в современном языке они встречаются очень редко. Считают, что эти формы выходят из употребления [см. 65, 165; 131, 142]. В материалах обследования, проведенного в Уэно и Окасаки, они не встретились ни разу [см. 131, 142]. Тем не менее отмечают, что такие формы иногда содержатся в речи людей старше 60 лет [см. 101, 9]. Это подтверждают и информанты, которые утверждают, что подобные формы они сами не употребляют, но пожилые люди применяют их. Нам встретился всего один пример: *Тоникаку ано о-футагата да ка, о-мигата да ка сиранай кэдо, имагоро Сё:сэнкё:-но онсэнъядо ка нанка-дэ номбири го-сэй ё: асобаситэру ва* (К, 131) 'Во всяком случае они, я уж не знаю двое их или трое, сейчас беззаботно отдыхают на водах в Сёсэнкё' (медсестра о членах семьи врача, у которого она работает).

Бывают случаи, когда гоноративное значение выражается непосредственно в корне глагола. В современном языке можно выделить целый ряд гоноративных эквивалентов глагола:

Глагол	Значение	Гоноративный эквивалент
<i>суру</i>	делать	<i>насару</i>
<i>суру</i>	делать	<i>асобасу</i> (редко)
<i>иру, ору</i>	быть	<i>ирассяру</i>
<i>куру</i>	приходить	<i>ирассяру</i>
<i>ику</i>	идти, уходить	<i>ирассяру</i>
<i>табэру</i>	есть	<i>агару, мэсиагару</i>
<i>ному</i>	пить	<i>агару, мэсиагару</i>
<i>омоу</i>	думать	<i>обосимэсу</i> (редко)
<i>йу:</i>	говорить	<i>оссяру</i>
<i>курэру</i>	давать	<i>кудасару</i>
<i>куру</i>	приходить	<i>миэру</i>

(*кудасару* и *миэру* иногда трактуются и по-другому, см. ниже)¹⁷.

Встает вопрос о том, как интерпретировать эти гоноративные эквиваленты. Традиционно их считают самостоятельными глаголами, в лексическое значение которых входит значение вежливости. Однако многие исследователи в парадигмах спряжения соответствующих глаголов фактически помещают их на место форм типа *о-...-ни нару*, которые от этих глаголов (кроме *табэру*, *ному*, *омоу*) не образуются [см. 59, 280—281; 65, 169—170; 119, 166—167; 164, 44 и 47]. Существует и мнение, что *ирассяру*, *оссяру* и т. п. — супплетивные формы. Такой точки зрения придерживаются А. А. Холодович [42, 23], Е. Л. Наврон-Войтинская [22, 59], а в последнее время — Г. Д. Придо [166, 42].

Данную точку зрения можно считать правомерной, поскольку формы типа *о-...-ни нару* от большинства соответствующих глаголов не образуются, а *оссяру*, *ирассяру* и т. п. и формы типа *о-...-ни нару* от других глаголов имеют одинаковое значение в плане гоноратива, на что указывают японские исследователи [см., например, 57]; это подтверждается и нашими наблюдениями [см. 3, 75].

Надо учитывать и то, что эти формы могут быть эквивалентами соответствующих глаголов во всех значениях, включая служебные: *Ииз, Ёсиока-сама то оссяимасу* (МII, 200) 'Нет, [его] зовут Ёсиока-сама' (*оссяру* здесь заменяет *йу*: в значении 'называться'); *Кирисуто-сэнсэй ва дайромбун-о о-каки-ни наттэ ирассяру н дэсу ё* (Кё, 142) '[Вы], Кирисуто-сэнсэй, написали большую статью' (*ирассяру* заменяет *иру* при образовании длительного вида); *Рикон-на-сатта н дзя най н дэсу ка?* (Кё, 135) 'Не развелись ли [вы]?' (*насару* заменяет *суру* при образовании глаголов от слов китайского происхождения).

Характерна трактовка глагольных эквивалентов в трансформационной грамматике японского языка Иноуэ Кадзуко, где регулярные гоноративные формы порождаются в результате особых, «гонорифических», трансформаций [см. 155, 126—127], а формы типа *оссяру* появляются в результате применения морфонологических правил, преобразующих первоначально порожденные формы вроде *о-ии-ни нару* [см. 155, 138]. Такой подход несомненно рационален.

¹⁷ Отметим, что эти гоноративные эквиваленты, несомненно однотипные по своему значению, в «Большом японско-русском словаре» описываются по-разному. Распространенная двойная трактовка форм вежливости как «почтительных» и как форм лица привела к тому, что при *оссяру* имеется помета «вежл., о 2-м и 3-м лице» [10, т. I, 753], при *насару* — «вежл.» [10, т. I, 678], при *горан-ни нару* — «о 2-м и 3-м лице» [10, т. I, 112]; иногда помет нет вовсе. Так же непоследовательны пометы и при «скромных глаголах».

Таким образом, по крайней мере *оссяру*, *ирассяру*, *насару* (как и упоминавшиеся выше *горан-ни нару*, *оидэ-ни нару*, а также *годзондзи* + связка) можно считать супплетивными членами парадигмы соответствующих глаголов. Все они широко распространены в языке.

Отметим, что при образовании длительного вида от гоноративных форм гоноративную форму может принимать либо знаменательный, либо вспомогательный глагол. Например, от глагола *ёму* 'читать' образуются соответственно *о-ёми-ни наттэ иру* и *ёндэ ирассяру*. В обоих случаях передается одно и то же значение, но второй способ более распространен [см. 54, 22; 62, 102—103]. Гоноративную форму могут принимать и оба глагола одновременно (пример см. выше), однако существует мнение, что это противоречит нормам литературного языка [см. 52, 200].

Оссяру, *ирассяру*, *насару* имеют некоторые особенности в спряжении (см. гл. 2, § 2). *Ирассяру*, кроме того, имеет несколько синонимичных форм прошедшего времени: наряду с регулярным *ирассятта* употребляются также *ирасятта*, *ирассита*, *ираситта*, *ирасита*, встречающиеся в разных ситуациях, но чаще всего в речи молодых женщин [см. 107].

Встречается и связка в форме *дэ ирассяру*: *Сэнсэй ва докусин дэ ирассяимасу ка?* (Кё, 134) '[Вы], сэнсэй, не женаты?' (студентка профессору); *Хэйки дэ ва ирассяранай ё: ё* (МII, 205) '[Он] не спокоен' (мать дочери о полицейском). Последний пример свидетельствует, что данная форма связки относится к гоноративным, а не к адресивным формам [см. 104, 98]. Вместе с тем *ирассяру* не может здесь считаться эквивалентом *иру* или *ору*. Возможно, в значении *дэ ирассяру* входит признак «подчеркнуто вежливое отношение» (см. примеры). Категорически утверждать это нельзя, так как данная форма встречается довольно редко (у нас всего шесть таких примеров).

В отличие от *оссяру*, *ирассяру* и *насару* формы *агару* и *мэсиагару* встречаются наряду с синонимичными регулярными формами *о-табэ-ни нару* и *о-номи-ни нару*. При этом регулярные формы встречаются чаще (у нас более двадцати примеров, тогда как на *агару* — два, а на *мэсиагару* — три) и, по-видимому, вытесняют нерегулярные формы из системы языка. Информанты отмечают, что форма *мэсиагару*, возможно, несколько вежливее формы *о-табэ-ни нару*. Это подтверждается соответствующими примерами: *До:дзо корэ, мэсиагаттэ кудасаимаси* (Ф, 138) 'Пожалуйста, кушайте вот это' — хозяйка гостю (ср. очень вежливую императивную форму).

Форма *асобаёу* по своему значению аналогична формам типа *о...асобасу* и также выходит из употребления. У нас

имеется всего один пример: *О-таку-но, го-тё:нан-но ката, до: асобасимаситэ?* (И, т. I, 168) 'А ваш старший сын что делает?' (хозяйка ресторана клиенту).

Из языка исчезает и форма *обосимэсу*. Нам не встретилось ни одного примера на эту форму, хотя отмечают, что *обосимэсу* еще встречается изредка в письмах [см. 164, 47]. Господствует регулярная форма *о-омои-ни нару*.

Иногда указывают на *миэру* как на эквивалент *куру* и *ику* [см. 164, 44], однако форму *миэру*, по-видимому, можно считать эквивалентом лишь *куру* [см. 10, т. I, 611]. Форма *миэру* как эквивалент *куру* имеет гоноративное значение: *Ко-но маз, Кё:то-дэ-но гаккай-дэ ва миэнакатта га, кондо ва гэнки-ни на рарэтэ, вадзавадза Кю:сю:-мадэ корарэта но да* (МII, 303) '[Он] не приезжал на предыдущую конференцию в Киото, но на этот раз поправился и специально приехал на Кюсю'. Но чаще используется *о-миэ-ни нару*: *Кодама-сан-но одзё:сама-га о-миэ-ни на римасита* (И, т. I, 72) 'Барышня Кодама пришла'; *Сибараку о-миэ-ни на римасэн дэсита кара, хаха мо о-мати ситэмасу ва* (МII, 316) '[Вы] давно не приходили, и мама тоже [вас] ждет'.

Наконец, следует остановиться на *кудасару* и конструкции *-тэ/-дэ + кудасару*. Значительное количество исследователей рассматривает *кудасару* как гоноративный эквивалент глагола *курэру* [см. 39, 186; 62, 102; 164, 44; 165, 22]. Ряд исследователей высказывают близкую точку зрения [см. 18, 72; 414, 195; 141, 44]. Другое мнение у Токиэда Мотоки, считавшего *кудасару* представителем класса форм, выражающих действие, направленное от высшего к низшему [см. 124, 470].

Последнее утверждение вряд ли можно признать правомерным, так как, во-первых, если действие направлено от высшего к низшему, а направленность в отношении говорящего неясна, *кудасару* и конструкции с *кудасару* не употребляются; во-вторых, *кудасару* и конструкции с *кудасару* могут обозначать и действия равных: *Ия, боку мо, конна-ни хаяку, аната-га сё:даку-ситэ кудасару то ва омованакатта но дэсу ё* (МII, 103) 'Нет, я не думал, что вы так быстро согласитесь' (мужчина малознакомой женщине). В то же время *кудасару*, как и *курэру*, указывает на направленность действия от лица, более далекого от говорящего в плане «свой — чужой», к лицу, находящемуся ближе в этом плане к говорящему (в том числе при направленности действия на самого говорящего): *Со-йу: го-ко:и-о, тоцудзэн, мисэтэ кудасару ката-га ару н дэсу* (МII, 53) 'Есть человек, который неожиданно проявил [по отношению ко мне] такую благожелательность'; *Окуттэ кудасатта ката ва, гайму-сё:но доната дэсу?* (МII, 53) 'Кто из министерства иностранных дел послал [вам билеты]?'. Сходство *кудасару* и *курэру*

по значению говорит в пользу того, чтобы считать *кудасару* гоноративным эквивалентом *курэру*. Тогда конструкция *тэ/-дэ- + кудасару* не должна рассматриваться как особая гоноративная форма, ее можно отнести к одному из случаев, когда гоноративный эквивалент используется в служебном значении (ср. *-тэ/-дэ + ирассяру*).

По значению в плане гоноратива *кудасару*, по-видимому, не отличается от других гоноративных форм: *О-суми-ни наримаситэ?.. Ато-дэ киттэ ираситэ кудасаимасу нэ* (МII, 368—369) '[Вы] кончили?.. Потом {вы} обязательно придете [ко мне]'

Признанию *кудасару* эквивалентом *курэру* в какой-то мере мешает наличие особой конструкции «*о- + 2-я основа + кудасару*» (у *курэру* нет ничего подобного). В ее значение, возможно, входит признак «подчеркнуто вежливое отношение»: *Нандзэндэра-но ситэй-но басё-ни ва, канарадзу аната-сама о-хитори-дакэ о-коси кудасару ё: о-нэгаи итасимасу* (MII, 162—163) 'Прошу, чтобы вы пришли, обязательно одни, в указанное место храма Нандзэн' (из вежливого письма).

Таким образом, все формы, в значение которых входит признак «подчеркнуто вежливое отношение», в современном языке либо редки (*о-...асобасу, о-...кудасару, дэ ирассяру* и т. д.) и зачастую воспринимаются как устаревшие, либо не вполне литературны (вроде *о-...-ни нарарэру*); они еще с большим основанием, чем соответствующие адресивные формы, должны быть отнесены к периферии системы. Наиболее же распространенные гоноративные формы в современном языке имеют, по-видимому, одинаковое значение в плане гоноратива [см. 57].

§ 6. Противопоставление депрециативных и недепрециативных форм

Под недепрециативными здесь понимаются как нейтральные, так и гоноративные формы.

Важная особенность депрециативных форм — их употребление только в тех случаях, когда речь идет о собственных действиях или о действиях лица, являющегося своим для говорящего (исключение — речь о действиях по отношению к императорской семье, см. § 8). Такой факт отмечался всеми исследователями, многие из которых именно в этом видят сущность данных форм [см. 59, 308—310; 131, 17]. Иногда их считают даже формами 1-го лица (см. гл. 1, § 2). Действительно, в большинстве случаев депрециативные формы используются в речи о себе, но довольно часто — в речи о лицах, являющихся своими для говорящего: *Ути-ни каэру со:со:*,

сугуни о-дэнва сита н дэсу но ё (МII, 304) 'Как только [он] вернулся домой, сразу позвонил [вам]' (речь о муже); *Хаха мо о-мати ситэ масу ва* (МII, 264) 'И мать [вас] ждет'. Как явствует из этих примеров, не всегда лицо, о котором идет речь, является низшим по отношению к говорящему. В речи о действиях собеседника примеры на депрециативные формы очень редки: *Сэйдзи, ока:сама-о о-нэма-ни о-цурэ суру н да* (К, 125) '[Ты], Сэйдзи, проводишь мать в спальню' (старший брат младшему).

Однако можно заметить, что большинство депрециативных форм (об исключениях см. § 10) употребляется не во всех случаях, когда речь идет о собственных действиях или действиях лиц, являющихся своими для говорящего. Вот разговор женщины с женихом ее дочери, где ясно видно, в каких случаях она употребляет депрециативные формы, говоря о собственных действиях и действиях своей дочери Химики, а когда не употребляет их: *Има сорэ-о го-хо:коку сиё: то омоттэ ита токоро дэсу... Ю:бэ, То:кё:ни цукимаситэ, кэса мо итидзикан маэ-мадэ ва, цукарэта то иттэ ясундэ имасита но... Химики ва, има Сэцукано токоро-ни иттэ имасу. Созда-сан-ни о-дэнва сима-сэн дэсита касира?.. Созда-сан-ни о-дэнва-о сасиагэру моно то бакари, омоттэ имасита ва... Ватакуси мо со: да то омоимасу ва... А:, соно кото ва о-ханаси симасэн дэсита ва нэ* (МII, 247—248) '[Я] как раз намеревалась [вам] сообщить это... Вернувшись вчера вечером в Токио, [Химики] и сегодня утром отдыхала, сказав, что устала, и встала только час назад... Сейчас Химики пошла к [двоюродной сестре] Сэцуко. Разве она не звонила вам, Созда-сан?.. Она только и думала о том, чтобы вам позвонить... И я так думаю... Ах, я [вам] этого еще не *рассказала*' [в переводе курсивом выделены глаголы, соответствия которым в оригинале выступают в депрециативных формах)]. Отсюда видно, что депрециативные формы употребляются только тогда, когда речь идет о собственных действиях говорящего или действиях лица, являющегося своим для говорящего, по отношению к какому-нибудь другому лицу (к какому именно — будет выяснено в следующем параграфе). Такая точка зрения далеко не нова. На это обращали внимание Мацусита Дайсабуро [72, 286], Мацуо Сутэдзиро [79, 842—843], Мусиаки Китидзиро [95, 27—28], Оиси Хацутаро [106, 123—124], Миядзи Ютака [91, 94] и др., а из европейских авторов — П. Дж. О'Нейлл [164, 42 и 61].

Этим депрециативные формы резко отличаются от гоноративных форм, которые, как отмечалось выше, употребляются в речи о любых действиях того или иного субъекта. Поэтому следует считать, что противопоставление депрециатив-

ных и недепрециативных форм связано с отношением говорящего к объекту действия. Объект не надо понимать как дополнение: ср. *Ока:сама-мо о-сасои ситара?* (МII, 362) 'А если [я] и маму приглашу [поехать с вами]?' — обычно данное лицо не употребляет депрециативных форм и в речи о своих действиях по отношению к матери, но здесь действие связано с собеседником, к которому говорящий постоянно обращается вежливо.

С этим связано и то, что по сравнению с гоноративными формами депрециативные формы образуются от меньшего числа глаголов. Если гоноративные формы могут быть образованы от любого глагола, который может обозначать действия или состояния людей, то депрециативные формы образуются лишь от таких глаголов, которые могут иметь определенный объект — лицо. На этот факт впервые обратил внимание П. Дж. О'Нейлл [164, 66]. Действительно, депрециативные формы не образуются, например, от глаголов, обозначающих мысленные процессы и чувственные восприятия (*омоу, кангаэру* 'думать', *вакару* 'понимать', *кандзиру* 'чувствовать' и т. д.; о *дзондзиру* и *дзондзиагэру* см. гл. 3, § 10), от глаголов вроде *нэмуру* 'спать' и др.; отвергают их и информанты. Ср. *Сэнсэй-но го-тю:коку ва ёку вакари-масита* (Кё, 138) '[Я] хорошо поняла ваш совет, сэнсэй' (студентка профессору).

§ 7. Значение депрециативных и недепрециативных форм

Из сказанного в предыдущем параграфе следует, что для депрециативных и недепрециативных форм значимы признаки «наличие лица, о котором говорится» и «отсутствие лица, о котором говорится». Однако в отличие от случаев применения гоноративных и негоноративных форм здесь должно наличествовать по крайней мере два лица: субъект действия и объект действия. Если хотя бы одно из этих лиц отсутствует, то противопоставление форм нейтрализуется: употребляются только недепрециативные формы (а так как здесь происходит и нейтрализация противопоставления гоноративных и негоноративных форм, то употребляются лишь нейтральные формы). Если присутствуют оба лица, то вступают в силу остальные признаки. Когда субъект действия отвечает признаку «чужой», противопоставление форм также нейтрализуется, употребляются лишь недепрециативные формы. Когда субъект отвечает признаку «свой», противопоставление реализуется и в значении форм входят признаки, связанные с отношением говорящего к объекту действия.

Как свидетельствует анализ нашего материала, депрециа-

тивные формы употребляются в тех случаях, когда объект действия рассматривается как лицо высшее чужое или равное чужое: *Сорэ нара, мэссэджи-о о-адзугари ситэ има-су* (МII, 363) 'Если так, то [я от вас] приму записку' (дежурный гостиницы клиенту); *Ия, о-гомэ сурү но-о котаварү но да* (МII, 344) 'Нет, [мы его] отказываемся принять' (хозяин гостиницы о клиенте); *Соно кото-дэ, ватакуси-кара мо аната-ни го-со:дан ситакатта н дэсу кэрэдо...*— *О-котавари ситэ икэба ёкатта но дэсу га, цуи, даматтэ иттэ симаттэ, сумимасэн дэсита* (МII, 160—161) 'Я хотела посоветоваться с вами по этому делу...— Лучше бы [мне] отказаться, но раз уж получилось так, что я молчал, прошу извинить меня, пожалуйста' (разговор матери с женихом своей дочери).

Встречаются депрециативные формы и в речи о высших своих: *Бокүтати коно маэ мо о-ханаси симасита нэ:* (К, 108) 'Мы говорили [ему] перед этим' (племянник в речи о дяде). Но в таком случае возможны и недепрециативные формы: *Даттэ, каэру ттэ йу: но* (И, т. I, 199) 'Но, говорю [тебе], ухаживаю' (дочь матери); *Нэ:сан, боку ва канарадзү нэ:сан-о тасүкэдаси-ни куру кара нэ* (К, 141) 'Сестра, я приду, чтобы непременно спасти тебя' (младший брат старшей сестре).

В отношении низших чужих, низших своих или равных своих употребляются недепрециативные формы: *То:кё:-о нэгаимасу* (МII, 202) 'Прошу Токио' (заказ телефонистке); *Ватаси ва кими-о ёнда но-о ко:кай-сихадзимэтэ иру* (МII, 294) 'Я начинаю жалеть, что тебя вызвал' (мужу племянницы).

В целом значение депрециативных форм оказывается аналогичным значению гоноративных форм (хотя при употреблении депрециативных форм передается отношение к объекту действия). В этом мы согласны с Оиси Хацутаро [106, 124]. Депрециативные формы, как правило, употребляются в речи по отношению к тем же лицам, что и гоноративные формы, однако гоноративные формы используются тогда, когда это лицо — субъект действия, а депрециативные — когда это лицо объект действия.

Вновь проверим выдвинутые нами положения на материале обследования, проведенного в Уэно и Окасаки, и на материале переводов с русского.

Информанты в Уэно и Окасаки признали желательным использование депрециативных форм в разговоре между незнакомыми людьми одного возраста [см. 76, 179 и 306], при обращении врача к пациенту [см. 76, 176 и 298—300]. Но лишь около 20% испытуемых согласилось с употреблением депрециативных форм в речи начальника, обращенной к подчи-

ненному, здесь обычно предпочитались нейтральные адресивные формы [см. 76, 180 и 308]. В ответ на вопрос, какие формы следует употребить по отношению к своему отцу при разговоре с вышестоящим, мужчины предпочли нейтральные формы, женщины — депрециативные формы [см. 76, 298—299 и 308—309].

В цитируемом нами переводе пьесы М. Горького «Васса Железнова» депрециативные формы употребляют: горничная — в речи по отношению к хозяевам: *Атаси ва одзё:саматати-ни о-цукаэ суру дакэ дэ, окусамадзуки-но комадзукаи ва бэцуни иру то омотта н дэсу* (Г, 48) 'Я думала, что мне только девицам служить, а у хозяйки своя будет горничная'; Рашель — в разговоре с Вассой: *Доко-дэ я сума-сэтэ итадакэмасу?* (Г, 64) 'Где я могу отдохнуть?'; Мельников — при обращении к Вассе: *О-итома сасэтэ итадакэмасу* (Г, 37) 'Разрешите откланяться'. В случаях, когда не используются гоноративные формы, как правило, не используются и депрециативные формы. Можно считать, что и этот материал подтверждает наши наблюдения.

В отношении использования депрециативных форм в различных синтаксических позициях можно сказать то же самое, что и в отношении гоноративных форм (см. § 3). Это обусловлено их принципиальным сходством.

§ 8. Влияние отсутствия собеседника на противопоставление депрециативных и недеpreciативных форм

В речи, не предполагающей определенного собеседника, противопоставление депрециативных и недеpreciативных форм (как и гоноративных и негоноративных) выражено слабо, депрециативные формы, как правило, не употребляются. Депрециативные формы, как и гоноративные, используются преимущественно тогда, когда речь идет об императорской семье. Однако если значение гоноративных форм здесь принципиально не отличается от их значения в других случаях, то значение депрециативных несколько другое: здесь значимо лишь отношение к объекту действия вне зависимости от того, кем является субъект. Депрециативные формы употребляются здесь в тех случаях, когда речь идет: о действиях лиц, не принадлежащих к императорской семье, по отношению к членам императорской семьи: *Ко:тайси-го-фу:фу-о о-мукаэ си дайсю:кай* (А, 9.VIII.1970, заголовок) 'Митинг приветствует наследного принца с супругой'; о действиях низших членов императорской семьи по отношению к высшим: *Ку:ко:-ни ва Титибумия-хира ко:дзоку я Сато:-сюсё:-га о-миокури сита* (А, 24.II.1970) 'На аэродроме [младше-

го сына императора] провожали принцесса Титибумия и другие члены императорской семьи, а также премьер-министр Сато'. Такое особое значение депрециативных форм здесь, по-видимому, во многом пережиток более ранних состояний языка [см. 65, 18—20].

Встречаются случаи употребления депрециативных форм в научной литературе, публицистических статьях и т. д.: ...*Дзю:гофун-гурай о-ханаси ситэ... хикиагэта* (А, 19.X.1970) 'Я], поговорив около пятнадцати минут... ушел' (воспоминания о встрече с Н. И. Конрадом). В таких случаях значение депрециативных форм не отличается от их значения в устном варианте языка.

§ 9. Депрециативные формы японского языка

Все депрециативные формы (в отличие от гоноративных) аналитические. Среди них прежде всего называют формы, образованные путем присоединения к отглагольному имени в форме так называемой второй основы префикса *о-* и вспомогательного глагола *суру*, *итасу*, *мо:су* или *мо:сиагэру* (формы с *итасу* и *мо:су* не всегда относят к депрециативным, формы с *мо:су* и *мо:сиагэру* редки)¹⁸, а также формы, образованные путем присоединения к знаменательному глаголу в деепричастной форме побудительного залога вспомогательного глагола *итадаку*. К депрециативным обычно относят и некоторые имеющие дополнительные компоненты значения формы: «деепричастная форма + *агэру*», «деепричастная форма (или *о-* + вторая основа) + *итадаку*», «*о-* + вторая основа + *нэгау*», «*о-* + вторая основа + *дэкиру*».

Из этих типов форм наиболее распространен, по-видимому, тип *о-...суру*. В нашем материале он встречался чаще всего, в самых различных ситуациях и от самых различных глаголов (около семидесяти). Данные формы можно считать аналогами форм типа *о-...-ни нару*.

Обращает на себя внимание отсутствие форм типа *о-...суру* от некоторых глаголов, причем примерно тех же, что и в случае с формами типа *о-...-ни нару*, например от глаголов *ику*, *куру*, *йу:*, *суру*, *сиру*, *миру*, а также *морау* 'получать', *яру* 'давать'; возможно, и от некоторых других¹⁹. Впрочем, от некоторых глаголов этого списка образовать депре-

¹⁸ Глаголы, составленные из китайских корней, образуют эти формы так же, как и соответствующие гоноративные.

¹⁹ На это указал П. Дж. О'Нейлл, список которого близок к нашему. Однако нами зафиксирована соответствующая форма от глагола *мисэру* 'показывать', присутствующего в списке О'Нейлла.

циативные формы, видимо, невозможно уже в связи с их значением (см. выше, § 6).

Формы типа *о-...итасу* трактуются по-разному. Иногда считают, что они более вежливые, чем формы типа *о-...суру* [см. 111, 63; 164, 63]. Но, по мнению Миядзи Ютака, они не различаются по степени вежливости, особенность форм типа *о-...итасу* состоит в том, что здесь передается вежливость не только по отношению к лицу, о котором говорится, но и по отношению к собеседнику, т. е. эти формы, по нашей терминологии, одновременно адрессивны и депрециативны; это аргументируется тем, что данные формы не употребляются без *-мас-* [см. 90, 94]. Собранный нами материал, несмотря на его ограниченные размеры (14 примеров), подтверждает мнение о том, что такие формы связаны с подчеркнуто вежливым отношением: *Соно кавари, боку ва боку тоситэ, дзи-рёку-о цукуситэ, кокка-ни го-хо:ко: итасимасу* (И, т. II, 70) 'А я со своей стороны обещаю отдать все силы для служения отечеству'; *Го-сё:тай-о о-укэ суру то томони дзэнринъя-ро:до:кумиаи-кара-но кокоро-кара-но о-рэй-о о-цу таэ итасимасу* (из официального письма) 'Получив [ваше] приглашение, передаем сердечную благодарность от имени профсоюза рабочих лесной промышленности'. Как видно из примеров, эти формы имеют явный официальный оттенок, они не встретились в речи о своих. На то, что формы типа *о-...итасу* вежливее форм типа *о-...суру*, указывают и информанты. В то же время формы типа *о-...итасу* нам встретились только с *-мас-*.

Формы типа *о-...мо:су* иногда считаются еще более вежливыми, чем формы типа *о-...итасу* [см. 40, 255; 111, 63], но Миядзи Ютака трактует их аналогично последним [см. 90, 94]. Ряд авторов утверждают, что они могут относиться к любым действиям своего лица, не обязательно имеющим какое-то лицо в качестве объекта [см. 82, 386; 164, 93]. Как свидетельствует языковой материал, формы типа *о-... мо:су* связаны с выражением подчеркнуто вежливого отношения (не встречаясь в тех же ситуациях, в которых применяются формы типа *о-... суру* или *о-... итасу*): *До:сэ ватасидомо ва хока-ни нанимо дэкиясимасэн кара, сэнсо: дэмо оваримаситара мата о-хиики-ни о-нэгаи мо:симасу* (И, т. II, 190) 'Все равно мы к другому ремеслу непривычны, поэтому, когда война кончится, прошу [нас] вспомнить' (хозяйка ресторана клиентам). Однако у нас имеется всего семь примеров на эти формы (все с *-мас-*), причем взяты они из книги, действие которой происходит еще во время второй мировой войны. Сейчас информанты оценивают эти формы как устаревшие.

Формы типа *о-...мо:сиагэру* интерпретируются, как и

предыдущие, как очень вежливые [см. 111, 63; 155, 127], что подтверждается примерами: *Кокоро-кара о-куя ми мо:си а-гэмасу* (К, 125) 'От всего сердца приношу [вам] свои соболезнования' (офицер сообщает семье крупных капиталистов о смерти ее главы). Эти формы также редки (у нас имеется шесть примеров) и оцениваются информантами как устаревшие.

Напротив, формы типа «глагол в побудительном залоге + *итадаку*» в современном языке являются более распространенными по сравнению с языком довоенного времени [см. 54, 25; 55, 151—153; 106, 169—170]. Они, видимо, не отличаются от форм типа *о-...суру* в плане гоноратива, употребляясь в тех же ситуациях: *Сукоси Сасадзима-сэнсэй-но кото-дэ о-тадзунэ ситай но дэсу... О-намаэ-о кика сэтэ итадакэмасу ка?* (MII, 116) '[Я] хотел бы немного спросить [вас] о том, что связано с Сасадзима-сэнсэй... Могу [я] спросить [ваше] имя?'. Однако они имеют некоторый оттенок просьбы: *Ия, боку ва мо: сукоси ивасэтэ итадакимасу* (MII, 297) 'Нет, позвольте мне еще кое-что сказать'; *Оросасэтэ итадакимасу ё* (К, 116) 'Разрешите помочь [вам] выйти' [ср. перевод русской фразы «Разрешите откланяться»: *О-итома-сасэтэ итадакимасу* (Г, 37)].

Формы типа *о-... дэкиру* имеют дополнительный компонент значения, указывая на возможность совершения действия. По значению в плане гоноратива они не отличаются от форм типа *о-... суру*: *Сандзикан-бакари Нандзэндэра-дэ о-мати сита н дэсу кэдо... О-аи дэкимасэн дэсита но* (MII, 205—206) '[Я] около трех часов прождала [ее] у храма Нандзэн... Но встретиться [с ней] не смогла'.

Общее значение форм типа *о-... нэгау* можно сформулировать так: «вызвать действие собеседника, выраженное основным глаголом» [88, 48]: *Соно тэн нара, о-мака сэ нэгаитай дэсу нэ* (AII, 41) 'Если так, то прошу [вас] довериться [мне]'; *Сорэмадэ го-энрё: нэгаитай но дэсу га* (X, 158) 'Прошу уж так не стесняться'. Строго говоря, эти формы не вполне депрециативны: действие, обозначенное знаменательным глаголом, должно выполняться не говорящим или своим для говорящего, а лицом, связь с которым передается. Однако здесь говорится не о реальном действии, а о действии, желаемом для говорящего, поэтому форму в целом можно считать депрециативной [см. 106, 134].

Как и в гоноративных формах, значение, соответствующее значению депрециативных форм, может выражаться в корне глагола. В работах современных авторов выделяется целый ряд депрециативных эквивалентов глагола (иногда представляющих собой фразеологические сочетания):

Глагол	Значение	Депрециативный эквивалент
<i>куру</i>	приходить	<i>маиру</i>
<i>ику</i>	идти, уходить	<i>маиру</i>
<i>йу:</i>	говорить	<i>мо:су, мо:сиагэру</i>
<i>суру</i>	делать	<i>итасу</i>
<i>миру</i>	видеть	<i>хайкэн-суру</i>
<i>сиру</i>	знать	<i>дзондзиру</i>
<i>сиру</i>	знать	<i>дзондзиагэру</i>
<i>табэру</i>	есть	<i>итадаку, тэ: дай-суру</i>
<i>ному</i>	пить	<i>итадаку, тэ: дай-суру</i>
<i>морау</i>	получать	<i>итадаку, тэ: дай-суру</i>
<i>яру</i>	давать	<i>агэру, сасиагэру</i>
<i>мисэру</i>	показывать	<i>горан-ни ирэру</i>
<i>мисэру</i>	показывать	<i>о-мэ-ни какэру</i>
<i>ау</i>	встречать	<i>о-мэ-ни какару</i>
<i>тадзунэру</i>	посещать	<i>укагау</i>
<i>кику</i>	слушать	<i>укагау</i>
<i>кику</i>	слушать	<i>хайтэ: -суру (редко)</i>
<i>кику</i>	слушать	<i>укэтамавару (редко)</i>
<i>кариру</i>	брать в долг	<i>хайсяку-суру</i>

Маиру, мо:су, итасу, дзондзиру, итадаку, агэру иногда рассматриваются по-другому (см. ниже).

Депрециативные эквиваленты, как и гоноративные, обычно квалифицируются как особые глаголы. Однако на основании тех же критериев, что и для гоноративных форм, по крайней мере часть из перечисленных выше эквивалентов можно отнести к супплетивным формам (хотя в некоторых случаях такую точку зрения обосновать труднее, чем для гоноративных форм). Во-первых, от многих соответствующих им нейтральных глаголов не образуются формы типа *о-... суру*. Во-вторых, и здесь мы сталкиваемся с заменой соответствующих глаголов в самых различных значениях: *Мо:су-мадэ мо наку коно то:кё:-тава: ва... какусю:-дэмпа-но со:син аруйва дзюсин-но тамэ-ни татэрарэта со:го-дэмпато: дэ аримасу* (Тт. 1) 'Нечего и говорить о том, что токийская телебашня — это башня, построенная для того, чтобы излучать и принимать любого рода волны'; *Ватаси ва кокоро-кара сансэй-итасимасу* (Кё, 154) 'Я от всей души одобряю [это]'.
 Наиболее четко супплетивный характер выражен у *мо:сиагэру, хайкэн-суру*, а также у *итасу, мо:су, маиру* (однако интерпретация последних трех сопряжена с некоторыми трудностями, о которых будет сказано в следующем параграфе). Они все употребляются наряду с формами типа *о-... суру*, образованными от глаголов: *Тайхэн сицурэйна кото-о о-та-дзунэсуру кото-ни наримасу га...* *Моси, о-сасицукаэ даттара,*

мурины то ва мо:си агэмасэн (МII, 237) 'Получается, что [я вас] очень невежливо расспрашиваю... Если это [вам] неприятно, то [я] не буду говорить, что это неблагоприятно'; ...*Хонно вадзукана дзикан-дакэ, о-мэ-ни какари-ни маири-масита...* *Ицука, аната-ни о-ханаси сита то омоимасу...* (МII, 326—327) '...[Я] пришел, чтобы увидиться [с вами]... [Я] как-то уже с вами говорил...'. Возможны случаи, когда в одной ситуации применяются и *мо:су*, и *мо:сиагэру*: *Хонто:ни нанто мо:ситара ий ка?.. Мада о-мимаи мо мо:сиагэмасэн* (Ф, 147) 'Действительно, что можно сказать?.. [Я] еще не выразил [вам] соболезнования'. Вместе с тем (как будет показано в следующем параграфе) *мо:су* имеет более широкое значение, чем форма *мо:сиагэру*, которая выступает только как депрециативный эквивалент. Возможно, что *мо:сиагэру* постепенно вытесняет *мо:су* из системы депрециативных форм [см. 131, 30]. Однако информанты высказывают мнение, что *мо:сиагэру* — более вежливая форма.

Наряду с *хайкэн-суру* имеются и другие депрециативные эквиваленты, в состав которых входит морфема *хай-*. Из них чаще всего встречается *хайсяку-суру*: *Конойда, хайсяку-сита о-сясин ва, гэнти-э тоиавасэмасита...* (MI, 81) 'Недавно относительно [ваших] фотографий, которые [я] взял на время, был послан запрос туда, [где вы фотографировали]...' Однако встречается и соответствующая регулярная форма, которая, по утверждению информантов, употребляется чаще. Редка форма *хайтё:-суру*, у нас имеется один пример: ...*Бурэн-си-но о-сэ-цу-о хайтё:-ситэ митай моно дэ ару* (AII, 85) '...[Я] хотел бы послушать про теорию Блана'. Изредка встречаются и другие формы: *Го-хайсацу мо:сиагэмасу* (K, 111) '[Я [вам] сочувствую]'. Еще ряд форм см. в словаре [10, т. II, 413—417]. Видимо, *хай-* можно квалифицировать как непродуктивный словообразовательный префикс.

Некоторые трудности возникают в связи с интерпретацией *укагау*. Форма *укагау* может выступать как депрециативный эквивалент *тадзунэру* (в значениях 'посещать' и 'спрашивать') и *кику*: *Тада, боку-га укагаитай но ва, Кадота-сан-но сэйкаку нан дэсу га* (MII, 329) 'Я только хочу спросить, какой характер у Кадота-сан'; *Ватаси... сэнсэй-но токоро-ни укагаттэ го-со:дан сита н дэсу* (Kё, 136) 'Я... зашла к сэнсэю и посоветовалась [с ним]'. Но возможно и *о-укагаи суру*: *Тётто, о-укагаи симасу га* (MII, 347) 'Разрешите спросить'. *Тадзунэру* и *кику* образуют также и регулярные формы: *Сорэдэва, хока-но кото-о о-тадзунэ симасу* (MII, 331) 'В таком случае спрошу о другом'; *Мацумото-сичутё:-но кодзинтэкина кэнкай-о о-кики ситай но дэсу га* (X, 172) 'Я хочу узнать личное мнение начальника лаборатории Мацумото'. Все эти регулярные формы могут употреб-

ляться в тех же ситуациях, в которых встречаются нерегулярные формы: *Тётто укагаитай кото-га аримасу...* *О-укагаи ситай то омоимасу* (МІ, 176—177) 'Хочу [вас] кое о чем спросить... Хочу [вас] спросить'. Информанты затруднялись определить, чем различаются эти формы, отмечая лишь, что наиболее обычной является форма *о-укагаи суру*.

Очень редка и воспринимается информантами как старомодная форма *укэтамавару*, связанная с выражением подчеркнуто вежливого отношения: *Укэтамаваттэ кэнтэ: итасимасё*: (Ф, 131) 'Изучив (букв. выслушав) [ваше мнение], рассмотрим [его]' (ответ на жалобу).

Депрециативными эквивалентами являются и фразеологические сочетания, которые не могут рассматриваться как супплетивные формы в обычном их понимании, но сходны с ними. Например, сочетание *о-мэ-ни какару* выступает как эквивалент *ау*: *Дзутто о-мэ-ни какаттэнай ва* (МІІ, 21) '[Я с ним] давно не встречалась'; сочетания *о-мэ-ни какэру* и *горан-ни ирэру* выступают как эквиваленты *мисэру*: *Сонэтоки-но даку-о о-мэ-ни какэмасё: ка?* (МІ, 116) 'Показать [вам мои] тогдашние стихи?'; *Еросикаттара сукоси одоттэ горан-ни ирэмасё: ка?* (Б, 137) 'Хотите, я вам потанцую'.

От всех этих глаголов образуются и регулярные формы; они могут встретиться в тех же ситуациях, что и нерегулярные формы: *Конъя, о-мэ-ни какарэнай дэсё: ка?.. Итидо, аната-ни о-аи ситакатта моно дэсу кара* (МІІ, 335—339). 'Не мог бы [я с вами] встретиться сегодня вечером?.. [Мне] хотелось бы как-нибудь встретиться с вами'; *О-мисэ симасу ва... О-мэ-ни какэмасу* (МІІ, 51) '[Я вам] покажу [их]... [Я вам] покажу [их]'. Вместе с тем информанты считают, что нерегулярные формы, возможно, несколько вежливее. Цудзимура Тосики пишет, что *о-мэ-ни какару*, как и другие нерегулярные депрециативные формы, вытесняется из системы языка, заменяясь на *о-аи суру* [см. 131, 77 и 124]. Здесь мы имеем дело с процессом выравнивания парадигм. Этот процесс идет по-разному. *Итасу, маиру* и т. п. не имеют регулярных параллелей и устойчивы; *укагау, о-мэ-ни какару* и т. п. еще довольно распространены, но достаточно распространены и их регулярные параллели; *укэтамавару* и т. п. совсем редки: кое-что вообще выпало из языковой системы, довоенные авторы перечисляют некоторые формы, которые сейчас нигде не встречаются; вроде *макариидэру* 'уходить', *фусэ-ру* 'лежать'.

Депрециативные формы, как и гоноративные, могут быть эквивалентами форм, передающих направленность действия. К таким формам относят *агэру* и *сасиагэру*.

Агэру чаще всего рассматривают как форму, в некотором смысле противоположную *кудасару*. Обычно *агэру* считают

депрециативным эквивалентом глагола *яру*, показывающего направленность действия от лица, являющегося в плане «свой — чужой» более близким к говорящему, к лицу, являющемуся в этом плане более далеким от говорящего [см. 39, 182; 61, 102; 164, 64]. Иную точку зрения высказывает Токиэда Мотоки, также относивший *агэру* к вежливым формам [см. об этом 124, 475].

Анализ материала подтверждает, что *агэру* используется в тех случаях, когда действие направлено от лица, являющегося в плане «свой — чужой» более близким к говорящему, к лицу, являющемуся в этом плане более далеким от говорящего (примеры см. ниже). Но обычно *агэру* используют в ситуациях, где употребляются нейтральные формы (а если речь идет о действии, направленном на собеседника, то зачастую и в ситуациях, где употребляются неадресивные формы): *Ёси, сорэ дзя, сорэ-то соккури онадзи яцу-о, одзисан-га каттэ агэё: ка* (АII, 186) 'Ну ладно, дядя купит [тебе] точно такой же' (взрослый мужчина о себе, обращаясь к девочке); *Кийтэ митэ агэё:* (MII, 267) '[Я] попробую спросить' (разговор товарищей); *Коно цуги, кикай-га аттара, цурэтэ китэ агэё:* (MII, 277) 'В следующий раз, если будет возможность, возьму [тебя] с собой' (муж жене); *Кими-о уцуситэ агэё:...* *То:кё:-ни каэттара, сугу окуттэ агэру ё* (MI, 19—20) 'Давай [я] тебя сфотографирую... Когда вернусь в Токио, сразу вышлю [тебе фотографии]' (постоялец гостиницы горничной). Из примеров видно, что *агэру* в современном языке уже не относится к депрециативным формам. Это подтверждают и информанты, которые отмечали, что *агэру* можно употребить в речи по отношению к матери, но нельзя употреблять в речи по отношению к учителю. Этот факт отмечается в некоторых работах [см. 106, 32 и 207]. Возможно, *агэру* занимает место *яру* в системе гоноратива (для информантов глагол *яру* в данном значении представляется очень «грубым»).

Депрециативным эквивалентом *яру* следует считать не *агэру*, а *сасиагэру* [см. 106, 123]: *Ю:сёку-о сасиагэру токи то, юка-о тору токи гурай дэсита* (MII, 86) '[Я заходила к нему] только тогда, когда приносила ужин и когда подметала пол' (горничная гостиницы о своих действиях по отношению к постояльцу); *Дзикан-га юрусэба, соно химэй-но ими-о, итиши кайсёцу-ситэ сасиагэтай курай дэсу* (AII, 365) 'Если бы позволило время, [я тебе] объяснила бы значение каждого стона' (жена мужу).

Особый характер имеют *итадаку* и *тё:дай-суру*. Все исследователи отмечают сходство *итадаку* с глаголом *морау* как в собственном значении 'получать', так и в служебном значении: конструкции с *морау* и *итадаку* показывают направ-

ленность действия на подлежащее. Различие между *морау* и *итадаку* обычно видят в степени вежливости, причем *итадаку* относят к депрециативным формам [см., например: 62, 102; 109, 91; 164, 64]. Однако Миядзи Ютака считает, что между *итадаку* и *кудасару* (как и между *морау* и *курэру*) нет различия по значению, они лишь входят в состав по-разному оформленных конструкций [см. 91, 30]. Сходство *итадаку* и *кудасару* проявляется в том, что в современном языке зачастую путают конструкции, в состав которых они входят, используя одну в значении другой, но чаще *итадаку* используется вместо *кудасару* [см. 54, 24; 88, 47; 131, 34]. Действительно, действие, обозначенное *итадаку* и конструкциями с ним, совершается именно тем лицом, отношение к которому говорящего передается: *Сорэ-ёри мо, соно юби-о, иппон, юдзуттэ итадаку ва вакэ-ни ва иканай дэсё: ка?* (АII, 41) 'Не могли бы [вы] лучше уступить [мне] этот [искусственный] палец?' (разговор мужчин примерно одинакового возраста и социального положения); *Ноами-сан-но «сибо:»-но синсо: ва, Мурао-сан-кара осиетэ итадакимасита* (MII, 373) 'Мурао-сан объяснил [мне] истинное положение дел в связи с мнимой смертью Ногами-сан' (журналист о своей беседе с крупным чиновником). Характерно, что в конструкции с *итадаку* могут входить гоноративные формы: *Ма:, со: оссяттэ итадакэ та нараба, окумэн мо науку мосиагэмасё:* (MI, 120) 'Если [вы мне] могли так сказать, и [я с вами] буду говорить не стеснясь'. Поэтому, исходя из принятых нами установок, следует согласиться с Миядзи Ютака и признать такие конструкции гоноративными.

Следует отметить, что конструкции с *итадаку* иногда включают в свое значение дополнительный компонент — желание говорящего, чтобы данное действие было совершено (ср. первый из приведенных выше примеров). Отмечаются случаи, когда *итадаку* принимает форму желательного наклонения: *Тада, боку-но татиба-о вакаттэ итадакитай, сорэдакэ дэсу* (Ф, 154) 'Я только хочу, чтобы [вы] поняли мое положение, и больше ничего другого'. Такие конструкции следует отнести к депрециативным (ср. схожие формы типа *о-... нэгау*). Известная близость *итадаку* к депрециативным формам позволяет ему входить в состав форм вроде *сасэтэ итадаку*, которые обозначают действия говорящего и лиц, являющихся своими для говорящего.

Как и в случае с *кудасару*, возможны формы типа «о- + вторая основа + *итадаку*», также обозначающие действия лица, отношение к которому передается: *Са, корэдэ го-ансин итадакэмаситэ...* (K, 106) 'А теперь успокойтесь...'

Значение, такое же, как у *итадаку*, передает специфиче-

ски «женская» форма *të:дай-суру*, которую также можно считать эквивалентом *морая: Има-мадэ, мэтгани табисаки-кара сонна о-дэнва-о тэ:дай-сита кото най ва* (МII, 277) 'До сих пор [вы] редко так вот звонили [мне] во время путешествий'²⁰.

Об *итадаку* и *të:дай-суру* в значении 'есть', 'пить' (их следует считать омонимами) см. в следующем параграфе.

§ 10. Особый класс депрециативных форм

Как уже отмечалось, депрециативные формы передают отношение говорящего к объекту действия. Но есть случаи, когда формы, обычно относимые к депрециативным, употребляются без ограничений в отношении любых действий говорящего и лиц, являющихся своими для него. На это обратили внимание Миядзи Ютака [90, 94—96] и П. Дж. О'Нейлл [164, 92—105], которые выделили в связи с этим особый класс форм.

Из уже разобранных форм сюда относятся *итасу, мо:су* и *маиру*: *Кё:*, *сюдзин-га Сидзуока-э ню:та й-итасимасита* (И, т. I, 39) 'Сегодня [мой] муж отправился на военную службу в Сидзуока'; *Тайван-кара ото:то-фу:фу-га каэттэ маиримасу* (И, т. II, 296) 'Но с Тайваня вернулся [ко мне] брат с женой'; *Ногами Химико то мо:симасу* (МII, 385) '[Меня] зовут Химико Ногами'. Здесь никак нельзя усмотреть связь с каким-то «высшим» или «чужим» лицом. Более того, возможны примеры, в которых действие направлено от «своего» лица на говорящего: *Мата сюдзин мо итийти ватаси-ни ва мо:симасэн* (MI, 234) 'И муж мне опять ничего не говорит'. Субъектом действия (в отличие от случаев применения обычных депрециативных форм) может быть даже неодушевленный предмет: *Сю:сэн-итинэн-маэ-ни наттэ, муко:-дэ бё:ки-ни какари, котира-ни ва икоцу-дакэ каэттэ маиримасита ва* (МII, 111) '[Мой отец] за год до конца войны за границей заболел, и сюда вернулся только [его] прах'.

Вместе с тем следует отметить, что *итасу, мо:су, маиру* употребляется только в сочетании с *-мас-* (*маиру* употребляется без *-мас-* лишь в том случае, если имеет другое значение — «совершать паломничество»). Миядзи Ютака утверждает, что эти глаголы имеют дефектную парадигму [см. 90, 93—94]. Оиси Хацутаро считает, что словарная форма данных глаголов

²⁰ Еще одним аргументом в пользу того, что *итадаку* и *të:дай-суру* относятся к гоноративным формам, может служить тот факт, что показатели императива, как правило, восходят к гоноративным формам, а не к депрециативным, но существует показатель императива *të:дай* (см. гл. 4).

должна включать *-мас-* [см. 106, 127]. Это свидетельствует о том, что здесь передается отношение к собеседнику. *Итасу, мо:су, маиру* одновременно депрециативны и адрессивны [см. 106, 127].

Здесь же можно отнести и некоторые другие эквиваленты глаголов, например *итадаку* и *тё:дай-суру* 'есть', 'пить': *Соно бан ва, Кё:то-мэйбуцу-но «имобо:»-о итадакитакатта н дэсу* (МII, 259) 'В этот вечер [я] хотела отведать знаменитое киотское [блюдо] «имобо»' (рассказ девушки жениху о своей поездке в Киото).

К данному классу депрециативных форм следует отнести и *дзондзиру* — эквивалент *сиру* 'знать': *Нихон-га сэно:ситэ иру кото мо дзондзитэ имасу* (И, т. I, 40) '[Я] знаю то, что Япония ведет войну'. Наряду с *дзондзиру* существует более редкий эквивалент того же глагола — *дзондзиагэру*. П. Дж. О'Нейлл, относя *дзондзиру* к особому классу, считает *дзондзиагэру* обычной депрециативной формой [см. 164, 64]. Однако в силу значения этого слова здесь вряд ли допустим объект действия [как уже отмечалось (см. гл. 3, § 6), близкие по значению к *сиру* глаголы типа *вакару* 'понимать' вовсе не имеют депрециативных форм]: *Хай, о-намаэ ва ёку дзондзиагэтэ имасу* (MI, 234) 'Да, [я] хорошо знаю [его] имя'.

Все эти эквиваленты употребляются, как правило, с *-мас-*, без *-мас-* они могут встретиться лишь в незаключительной позиции, когда заключительное сказуемое той же фразы принимает адрессивную форму.

Наконец, сюда же, возможно, следует отнести и *ору* 'быть': *Гэндзицуни ватаси мо саё:ни омоттэ оримасу...* (Кё, 179) 'На самом деле и я так думаю...'; *Оримасита* (MI, 299) '[Он там] был' (полицейскому о своем друге); *Кандзи-сэнсэй, гакусэйтати-га кийтэ оримасу* (Кё, 166) 'Господин инспектор, студенты [вас] слушают' (преподаватель выступает от имени студентов). *Ору*, как правило, используется в предложениях, где заключительное сказуемое имеет адрессивную форму.

Однако отмечены такие случаи употребления *ору*, которые не соответствуют указанному правилу: *Рё:хэйка ва кёнэн аки... Асахи-дэнсо:симбун-о горан-ни наттэ ори, кондо-га нидомэ* (А, 18.VIII.1970) 'Их величества смотрели передачу по фототелеграфу газеты «Асахи»... прошлой осенью, сейчас [смотрели такую передачу] во второй раз'. Вопрос об *ору* требует дополнительного исследования, но несомненным является то, что *ору* в одном из своих значений входит в этот класс.

Таким образом, *итасу, маиру, мо:су, дзондзиру, дзондзиагэру, итадаку* ('есть', 'пить'), *тё:дай-суру* ('есть', 'пить'),

ору (в одном из своих значений) образуют особый класс форм, находящийся как бы на пересечении категорий адресива и гоноратива. В их значение входит и признак «свой», передающий отношение к субъекту действия, и признаки, передающие отношение к собеседнику (по-видимому, эти признаки соответствуют признакам, связанным с гоноративными и депрециативными формами: нами не зафиксированы случаи употребления форм этого класса в речи по отношению к низшим чужим, не всегда они употребляются и в речи по отношению к высшим своим).

Встает вопрос о том, можно ли считать это значение грамматическим. Регулярным способом образования форм с таким значением Миядзи Ютака, как уже отмечалось, считает образование форм типа *о...итасу* и *о...мо:су*. Однако у нас нет таких примеров, где эти формы нельзя было бы трактовать как депрециативные, к тому же они редки (тогда как *итасу*, *мо:су*, *ору* и т. п. встречаются часто). Если же оставить в стороне данные формы, то придется признать, что здесь не выполняется требование регулярности. Поэтому противопоставление *иру* и *ору*, *сиру* и *дзондзиру* и т. д. не может считаться относящимся к грамматике, это разные лексические единицы. В отношении *итасу*, *мо:су*, *маиру* могут быть два решения: либо придется различать самостоятельные глаголы и омонимичные им супплетивные формы, либо их надо рассматривать как самостоятельные глаголы, одно из значений которых равносильно значению неупотребительных форм *о-ики суру*, *о-ки суру*, *о-си суру*, *о-ии суру*.

Некоторые глаголы из описываемых в этом параграфе имеют еще одно отличие от депрециативных форм: к ним может присоединяться суффикс *-рэ-*, образующий гоноративные формы. Кроме формы *орарэру*, которая является чисто гоноративной и признается всеми как литературная, встречаются формы *маирарэру*, *мо:сарэру*. Последние иногда не считаются литературными [см. 115, 55], зачастую отвергаются и носителями языка [см. 106, 310]. Однако иногда приемлют эти формы, исходя из того, что *мо:су* и *маиру* это уже не вполне депрециативные формы [см. 131, 75—76]. Считают их правильными и информанты. Но в текстах они нам не встретились, хотя в устной речи они весьма распространены [см. 105].

Глагольные формы *мо:сарэру* и *маирарэру*, по-видимому, совмещают значения гоноративных и депрециативных форм, ср.: *Кёкутё:-га тайи-ни мо:сарэта* '[Наш] начальник управления сказал [это] известному врачу', где сочетается действие высшего и действие своего по отношению к высшему чужому. Исследованию этих двух форм посвящена работа Оиси Хацутаро [105], откуда взят пример.

§ 11. Тенденции к изменению системы

Нами была рассмотрена система глагольных форм категории гоноратива в литературном языке. Следует остановиться на некоторых явлениях, которые происходят за его пределами и могут свидетельствовать о тенденциях к значительному изменению этой системы.

Мы уже рассматривали некоторые особенности современного состояния языка, где происходят разного рода изменения в системе форм гоноратива. Речь шла об изменениях ее отдельных элементов, не затрагивающих самой системы (например, распространение форм вроде *ирасита*), и изменениях, затрагивающих некоторые фрагменты системы (замена нерегулярных гоноративных и depreciативных форм регулярными, смещение *кудасару* и *итадаку* и т. д.).

Однако в современном языке отмечаются явления, затрагивающие всю систему в целом. Речь идет о смешении гоноративных и depreciативных форм.

Это смешение может проявляться двумя способами: употребление гоноративных форм в значении depreciативных и употребление depreciативных форм в значении гоноративных. Первое встречается крайне редко. Отмечают лишь отдельные примеры [см. 45, 96; 125, 18], которые оцениваются как явно ошибочные. А depreciативные формы в значении гоноративных употребляются весьма часто. Пожалуй, нет ни одной современной японской работы, посвященной формам вежливости, где не был бы затронут этот вопрос. Данное явление квалифицируется всеми как особенность послевоенного разговорного языка [см. 46, 50—52; 52, 196—198; 54, 20—21; 62, 105—106; 88, 46—47; 89, 196; 91, 30; 94, 41—42; 106, 16—22; 111, 67; 112, 124; 115, 57; 131, 26—31 и 64—67; 136, 69—70]. Из советских лингвистов об этом упоминает С. В. Неверов [23, 87].

В устной речи имеют место случаи употребления в недеpreciативном значении практически всех depreciативных форм [см. 88, 47]. Большое количество материалов такого рода печатается в разделах «Мими» («Ухо») и «Мэ» («Глаз») журнала «Гэнго-сэйкацу».

Разные depreciативные формы все же ведут себя в этом отношении по-разному. Очень часто вместо гоноративных употребляются формы типа *о-...суру*. Во многих работах приводятся примеры типа: *О-ори симасу ка?* '[Вы] сейчас сходите?' (вопрос в автобусе; пример заимствован у Миядзи Ацуко [89, 196]). Примеры употребления depreciативных форм в значении гоноративных встречаются даже в газетах (в том числе в речи об императорской семье) [см. об этом 52, 196—197; 111, 67; 115, 57]. Как указывает Цудзимура

Тосики [131, 65], большинство людей моложе 30 лет не вкладывает в формы типа *о-...суру* депрециативного значения. Это подтверждают и опросы информантов [см. 88, 46]. Наши информанты также оценивали эти формы скорее как гоноративные. Некоторые лингвисты вовсе исключают их из числа депрециативных форм [см., например, 65, 172—173].

Довольно часто не используются в качестве депрециативных формы *итасу*, *маиру* и особенно *мо:су*. Это не воспринимается некоторыми лингвистами как нечто неестественное [см. 131, 30—31]. В отношении *мо:су* указывают, что данное явление замечено уже давно [см. 70, 130], иногда *мо:су* вовсе исключают из числа депрециативных или близких им форм [см. 131, 75—76].

Более устойчивы формы типа *о-... итасу* [см. 94, 41], хотя и они не всегда используются как депрециативные [см. 131, 45].

Наиболее устойчивы, по-видимому, формы типа «побудительный залог + *итадаку*» [135, 45].

Большинство авторов считает, что депрециативные формы действительно употребляются в качестве гоноративных. Особая точка зрения у Цудзимура Тосики, утверждающего, что они переходят в разряд так называемых форм «приукрашивания» (*бикаго*), повышающих общую вежливость речи независимо от того, с кем и о чем говорят [см. 131, 29—30].

Встает вопрос о причинах указанного смещения гоноративных и депрециативных форм. Многие авторы видят их в изменении социальных отношений в послевоенные годы, когда были устранены остатки феодальной сословности, что привело вообще к упрощению системы форм вежливости, причем депрециативные формы, наиболее сложные по своему значению, утрачивают его в первую очередь [см. 46, 49; 115, 58—59]. Иногда указывают на влияние диалектов [см. 46, 49]. Всегда отмечают, что забвение значения депрециативных форм свойственно в основном молодежи.

Другой вопрос, встающий перед исследователями японского языка, заключается в следующем: можно ли считать употребление депрециативных форм в значении гоноративных правильным. Как правило, такое употребление депрециативных форм квалифицируется как нелитературное, однако Цудзимура Тосики считает, что в некоторых случаях оно уже допустимо [см. 131, 27].

Употребление депрециативных форм в качестве гоноративных очень распространено. Пишут даже, что оно становится общественной привычкой [см. 88, 47]. Однако тот же Цудзимура Тосики указывает, что это явление все же ограничено и распространено главным образом в речи служащих-женщин [см. 131, 68]. Необходимо отметить следующий факт:

приводимые японскими авторами примеры относятся преимущественно к речи кондукторов, вокзальных дикторов и т. д.

Что же касается собранного нами материала из художественной литературы и газет, то у нас нет ни одного достоверного примера, который бы свидетельствовал о смешении гоноративных и депрециативных форм, хотя в нем часто встречаются нелитературные, а иногда и диалектные речения. Это показывает, что в современном литературном языке система форм категории гоноратива пока еще сохраняется, хотя за его пределами имеется тенденция к разрушению этой системы.

§ 12. Соотношение категорий адрессива и гоноратива

Мы рассмотрели категории адрессива и гоноратива (исключая отдельные частные вопросы, о которых речь пойдет в последующих главах). Встает вопрос о соотношении между ними.

Категории адрессива и гоноратива связаны с обозначением общественных отношений между людьми: адрессив — отношений говорящего и собеседника, гоноратив — отношений говорящего и лица, о котором идет речь. Поэтому любые формы адрессива могут свободно комбинироваться с любыми формами гоноратива. Исключение составляет лишь особый класс депрециативных форм, о котором говорилось в § 10 настоящей главы. Однако элемент значения, представленный в нем, не следует считать грамматическим, поэтому данный класс не входит в грамматическую систему.

Однако с точки зрения признаков значения категории адрессива и гоноратива оказываются сходными. Этим и можно объяснить тот факт, что многие исследователи, особенно за пределами Японии, не расчленяли данные две категории. В обоих случаях важны признаки, связанные с наличием или отсутствием лица, отношение к которому передается. Для адрессива это «наличие собеседника» или «отсутствие собеседника», для гоноратива — «наличие лица, о котором говорится» или «отсутствие лица, о котором говорится». В случае отсутствия соответствующего лица противопоставление форм данной категории нейтрализуется; в случае его присутствия — вступают в силу другие признаки. Следует обратить внимание на то, что признаки «наличие собеседника» и «отсутствие собеседника» релевантны и для категории гоноратива: при отсутствии собеседника также происходит нейтрализация противопоставления форм (с рядом исключений, главное из которых — речь о членах императорской семьи). В то же время признаки «наличие лица, о котором говорит-

ся» и «отсутствие лица, о котором говорится» для адрессива нерелевантны: адрессивные формы одинаково противопоставлены неадрессивным, независимо от того, о чем идет речь.

Отношение говорящего к собеседнику или лицу, о котором идет речь, определяется в обеих категориях признаками «высший», «равный», «низший», «свой», «чужой» (иногда — признаками «подчеркнуто вежливое отношение» и «нейтрально-вежливое отношение»). В отношении связи этих признаков с формами можно обнаружить определенную аналогию между адрессивными, гоноративными и депрециативными формами (а также между неадрессивными, негоноративными и недепрециативными формами). Однако мы не можем согласиться с Оиси Хацутаро, который считает, что значение гоноративных и адрессивных форм одинаково с точностью до того, отношение к кому (собеседнику или субъекту действия) передается, поскольку все они выражают отношение к социально и психологически высшему [см. 106, 128]. Можно утверждать, что значение адрессивных форм и значение гоноративных (депрециативных) форм с точки зрения набора их дифференциальных признаков несколько различаются.

Последнее положение легко подтверждается при анализе примеров, в которых речь идет о действиях собеседника. В данном случае довольно часто применяются адрессивные негоноративные формы. Это имеет место:

во-первых, когда собеседник — высший и свой: *Эку сонна рэйкокуна кото-га иэта мон дэсу нэ, ни:сан* (К, 135) 'Вам, брат, легко было говорить такие жестокие слова' (младший брат старшему);

во-вторых, когда собеседник — низший и чужой: *Аната ва, сорэкара хэя-но о-кяку-сан-то аванакатта н дэсу ка?* (МII, 140) 'После этого вы не встречались с постояльцем?' (журналист горничной гостиницы).

Как уже отмечалось, при первой комбинации признаков могут употребляться одни лишь адрессивные формы, но возможны и гоноративные, и негоноративные формы; при второй комбинации признаков могут употребляться одни лишь негоноративные формы, но возможны и адрессивные, и неадрессивные. Противоположный случай — употребление неадрессивных и гоноративных форм по отношению к одному и тому же лицу — также возможен, но встречается довольно редко, главным образом в связи с тем, что двойное выражение одного значения является избыточным (см. гл. 2, § 2).

Таким образом, адрессивные формы связаны с большим числом комбинаций признаков, чем гоноративные (депрециативные).

§ 13. Вопрос о «грубых» формах

Следует сказать несколько слов о «грубых» формах. Одни лингвисты исключают их из системы форм вежливости [см. 118, 451—452]. По мнению других, они входят в систему гоноратива, противопоставляясь нейтральным формам так же, как и гоноративные формы, но как бы с обратным знаком [см. 59, 276—278; 79, 842—843 и 851—852; 136, 62; 138, 177].

Если исключить единицы явно лексического характера, можно выделить группу форм этого рода — формы, образованные по модели «вторая основа + *-ягару*». Оставляя в стороне вопрос о том, насколько их можно считать литературными, отметим, что в собранном нами материале встретилось 15 таких форм, образованных от 10 глаголов: *Ано ку-сатта ё:на акамэ-дэ кэкко: ироирото митэ иягару* (А1, 44) 'Своими гноящимися красными глазками [он] так и шныряет по сторонам' (полицейский агент о стороже автостоянки); *Мата, бё:ин-ни, ма имодориягаттэ н да то са* (А1, 75) 'Опять угодил в больницу' (начальник сыскного бюро о своем агенте); *Окисима-сэнсэй окориягаттэ, гун ва синъэй-бэй-сисо:-о То:ё:-кара хидзё:-суру тамэ-ни татакаттэ иру н да то имасита ё* (И, т. I, 27) 'Тут Окисима окончательно разъярился и заявил, что армия сражается во имя того, чтобы искоренить англо-американские -идеи на Востоке' (рассказ журналиста о том, как во время войны его вызвал к себе высокопоставленный сотрудник военного министерства).

Эти примеры, прежде всего последний, показывают, что «грубые» формы не связаны с передачей социальных отношений, а показывают неуважительное отношение говорящего к лицу, о котором идет речь, независимо от того, высшее оно или низшее, свое или чужое. Поэтому их не следует рассматривать как формы категории гоноратива.

Может быть, их следовало бы выделить в особую категорию, но формы с *-ягару* явно относятся к далекой периферии языка и, как писал Н. И. Конрад, «не являются равноценными по своему распространению» [18, 77] с другими формами, рассматриваемыми нами. Указывают и на то, что они не могут быть свободно образованы [см. 53, 147].

В систему гоноратива включают и так называемые «высокомерные» формы (сондайго), как бы противоположные по отношению к depreciативным формам [см. 59, 277; 138, 177]. Однако все приводимые примеры только лексические.

Выводы к главе 3

1. В японском языке существует категория гоноратива, значение которой связано с передачей общественных

отношений между говорящим и лицом, о котором идет речь. В глаголе передается отношение говорящего: во-первых, к субъекту действия, обозначенного данным глаголом; во-вторых, к объекту действия, обозначенного данным глаголом.

2. В связи с этими двумя отношениями существует два противопоставления форм. Первое из них связано с отношением говорящего к субъекту действия, здесь противопоставляются формы, которые мы называем гоноративными и негоноративными. Второе связано с отношением говорящего к объекту действия, здесь противопоставляются формы, которые мы называем депрециативными и недепрециативными. Формы, одновременно негоноративные и недепрециативные, мы называем нейтральными. Формы, одновременно гоноративные и депрециативные, как правило, не встречаются.

3. Нейтральные формы не имеют специальных показателей. Среди регулярных гоноративных форм имеются синтетические формы, образуемые при помощи суффикса, омонимичного суффиксу страдательного залога; остальные регулярные гоноративные формы — аналитические, они образуются по следующим моделям: «о-...-ни нару», «о-...да», «о-...насару», «о-...асобасу» (последние две редки). Все депрециативные формы (регулярные) — аналитические, они образуются по следующим моделям: «о-...суру», «...сэтэ итадаку», «о-...ита-су», «о-...мо:су», «о-...мо:сиагэру» (последние две редки).

4. При признаке «отсутствие лица, о котором говорится» оба противопоставления нейтрализуются, используются только нейтральные формы.

5. Признаки «наличие собеседника» и «отсутствие собеседника» отчасти значимы и для гоноратива. Оба противопоставления форм полностью реализуются при наличии собеседника. При отсутствии собеседника они в значительной степени нейтрализуются, нейтрализация не допускается лишь в случае, когда речь идет об императорской семье.

6. При признаках «наличие лица, о котором говорится» и «наличие собеседника» вступают в силу остальные признаки. Гоноративные и депрециативные формы связаны с комбинациями признаков «высший — чужой», «равный — чужой», негоноративные и недепрециативные — с комбинациями признаков «равный — свой», «низший — свой», «низший — чужой»; с комбинацией признаков «высший — свой» могут быть связаны и те (гоноративные и депрециативные), и другие (негоноративные и недепрециативные) формы в зависимости от того, какой признак более значим. Для противопоставления гоноративных и негоноративных форм все признаки, перечисленные в данном пункте, связаны с оценкой говорящим субъекта действия, для противопоставления депрециативных

и недепрециативных форм — с оценкой говорящим объекта действия.

7. Для противопоставления депрециативных и недепрециативных форм значимо и отношение говорящего к субъекту действия. Здесь играют роль только признаки «свой» и «чужой». Противопоставление форм реализуется лишь при признаке «свой». При признаке «чужой» оно нейтрализуется (за исключением случая, когда речь идет об императорской семье).

8. Наряду с регулярными способами образования гоноративных и депрециативных форм существуют и нерегулярные способы. От ряда глаголов некоторые регулярные формы не образуются. Их место в системе занимают либо супплетивные формы, образованные по соответствующей модели (вроде *горан-ни нару*), либо супплетивные формы, где гоноративное или депрециативное значение выражается в корне (вроде *оссяру, мо:сиагэру*). Наряду со случаями, когда существуют только супплетивные формы, отмечаются случаи, когда от одного глагола образуются регулярная и нерегулярная формы (например, *о-табэ-ни нару* и *мэсиагару*).

9. Большинство гоноративных и депрециативных форм связано с комбинациями признаков «равный — чужой», «высший — свой» и «высший — чужой — нейтрально-вежливое отношение»; различие между ними с точки зрения категории гоноратива, существовавшее, видимо, в прежних состояниях языка, в современном языке не наблюдается. С признаком «подчеркнуто вежливое отношение» связаны гоноративные формы типа *о-... асобасу*, депрециативные формы типа *о-... мо:су* и *о-... мо:сиагэру*, а также некоторые нерегулярные формы. Все они занимают периферийное положение в системе и, видимо, вытесняются из нее. Их место, возможно, займут распространенные, но считающиеся нелитературными формы вроде *о-...-ни нарарэру*.

10. Некоторые депрециативные эквиваленты глаголов могут обозначать любые действия говорящего либо лиц, своих для него, и быть связанными с отношением к собеседнику. Такое значение выражается, по-видимому, нерегулярно и не носит грамматического характера.

11. В современном языке наблюдается тенденция к значительному изменению системы гоноратива. Депрециативные формы часто употребляются в значении гоноративных, утрачивая свое собственное значение. Противопоставление гоноративных и негоноративных форм устойчивее. Тенденция к изменению системы пока проявляется только в не литературного языка.

12. Противопоставление «грубых» форм с суффиксом *-ягару* формам без этого суффикса не связано с признака-

ми «высший», «равный», «низший», «свой», «чужой»; эти формы не входят в систему гоноратива.

Глава 4

ИМПЕРАТИВНЫЕ ФОРМЫ

§ 1. Общая оценка императивных форм

Особое место среди форм японского глагола занимают императивные (повелительные и запретительные) формы. К императивным мы относим лишь те формы, которые выражают значение повеления или запрещения по отношению к собеседнику. Другие формы, например пригласительные, с точки зрения категории адрессива образуются аналогично формам прочих наклонений и рассматриваются вместе с ними в главе 2. Система же императивных форм с точки зрения категории адрессива весьма специфична.

Особенность императивных форм японского языка — их многочисленность. Все лингвисты отмечают их различия в плане выражения степени вежливости. Следует рассмотреть вопрос о том, как система императивных форм соотносится с системой форм вежливости.

Ряд лингвистов [см., например, 95, 31] считают, что некоторые императивные формы относятся к гоноративным, исходя при этом прежде всего из морфологической близости. Однако надо учитывать два обстоятельства. Во-первых, значение императивных форм тесно связано с выражением отношения между говорящим и собеседником: говорящий должен побудить собеседника выполнить какое-то действие. Несомненно, что различия по степени вежливости императивных форм связаны с различным отношением говорящего к собеседнику, на что указывал еще Ямада Ёсио [см. 141, 158—159]. Во-вторых, многие императивные формы могут быть и гоноративными, причем их гоноративное значение не отличается от гоноративного значения неимперативных форм (см. гл. 4, § 4). Но вежливые императивные формы, как правило, не принимают суффикса *-мас-*, а там, где есть *-мас-*, он выражает другое значение (см. гл. 4, § 3). Все это, как нам кажется, дает основание считать, что система императивных форм с точки зрения их различий по степени вежливости — особая подсистема в системе форм категории адрессива.

Следует определить, какие формы в этой подсистеме отличаются друг от друга в плане категории адрессива, а в каких случаях различия связаны с выражением других значений. Исследование мы будем производить в определенном порядке — от менее вежливых форм к более вежливым.

§ 2. Неадресивные формы

Еще первые европейские исследователи японского языка (И. П. Хоффман и др.) отмечали, что простые повелительные и запретительные формы (типа *ёмэ* 'читай', *миро* 'смотри', *мируна* 'не смотри') «очень грубы», использование их в речи по отношению к равным или высшим недопустимо, и даже в отношении низших их лучше избегать [см. 154, 252; 165, 130]. О. В. Плетнер и Е. Д. Поливанов писали, что они «в обычном разговоре встречаются очень редко» и что «ими пользуются при военных командах... родители в разговоре с детьми и т. д.» [26, 81].

В современном языке эти формы [не считая случаев специализированного их употребления в воинских командах, лозунгах и т. д.: *Ному-сэнсэй-о фукусёку-са сэй!* (Кё, 164) 'Добьемся восстановления в должности Ному-сэнсэй!' — из выступления на митинге] используются в речи по отношению к низшим, обычно при большой разнице в общественном положении между говорящим и собеседником: *Соко-э суварэ!* (И, т. I, 49) 'Садись здесь!' (офицер солдату); *Кангаэтэ миро ё кими!* (Я, 93) 'Подумай!' (надсмотрщик рабочему); *Ииз, ивасэтэ окэ!* (Ф, 156) 'Дайте сказать!' (мужчина жене и детям). Во всех случаях выражено подчеркнуто грубое обращение. В обращении к своим равным эти формы нам встретились лишь в текстах, где передается речь солдат и рабочих на военной базе: *Дзё:гэки-якуся-но цумори-ни нарэ* (И, т. I, 137) 'Считай, что участвуешь в спектакле' (солдат солдату). Эти формы употребляются и при выражении крайнего раздражения: *Ути-о якарэтэ иру нингэн-но кото-о, кангаэтэ миро!* (И, т. II, 204) 'Подумай о тех, кто лишился крова!'. Во всех случаях можно выделить следующий признак значения — «подчеркнуто грубое отношение».

Глаголы второго спряжения образуют «грубые» повелительные формы двумя способами (что обусловлено их происхождением из разных диалектов). Существует мнение, что формы вроде *миро* грубее форм вроде *миё* [см. 18, 188]. Но их различие, видимо, состоит в другом, о чем свидетельствует следующее: только формы типа *миро* встречались нам в диалогической речи, а формы типа *миё* мы обнаружили лишь в лозунгах.

Простые императивные формы считаются самыми грубыми, отмечают, что всякая сложная форма может рассматриваться как более вежливая [см. 114, 200]. Это не относится, конечно, к случаям прибавления особо грубых по значению элементов вроде *-ягарэ*.

Из сложных императивных форм наиболее грубыми признаются формы, образованные по модели «-тэ/-дэ + курэ».

Они определяются как формы повеления низшим [см. 18, 190; 114, 200], что подтверждается соответствующими примерами: *Сикаси, конъя ва якаку-га о:й ё: да кара, гэнкан-но хо:ни иттэ итэ курэ* (МII, 345) 'Но поскольку сегодня вечером, наверное, придет много постояльцев, отправляйся в вестибюль и будь там' (хозяин гостиницы г горничной); *Торикаи-сан-ни кувасику ханаситэ агэтэ курэ!* (MI, 274) 'Как следует поговори с Торикаи-сан!' (полицейский подчиненному); *Ия, мо: сукоси маттэ курэ!* (MI, 31) 'Нет, подожди еще немного!' (постоялец горничной); *...Ия, маттэ курэ!..* (AII, 199) '...Нет, подожди!..' (муж жене).

Иногда формы с *курэ* употребляются наряду с простыми императивными формами: *Кими, хаиру нара фуку-о кикаэтэ икэ!.. Екэйна сэккай ва ямэтэ курэ!* (X, 159) 'Раз вошел, переоденься!.. Перестань вмешиваться, когда это не нужно!' Однако во многих ситуациях значение простых императивных форм и форм с *курэ* дифференцируется, различается. Так, один из персонажей романа Исикава Тацудзо «Кадзэ-ни соё-гу аси», адресуясь к служанке, использует простые формы, к управляющему — формы с *курэ*. В повести Абэ Кобо «Моэ-цукита тидзу» агент сысского бюро в разговоре со сторожем автостоянки использует, как правило, простые формы, а в разговоре с молодым сотрудником торговой компании — формы с *курэ*. Степень вежливости форм с *курэ* несколько выше. Можно считать, что для значения форм с *курэ* релевантны признаки «низший» и «нейтральное отношение» (признаки «свой» и «чужой» нерелевантны).

Формы с *курэ*, как и большинство других императивных форм, могут употребляться в речи о любых действиях собеседника, не обязательно о действиях в отношении говорящего, на что обратила внимание Е. Л. Наврон-Войтинская [см. 22, 140] (ср. приведенный выше пример «Как следует поговори с Торикаи-сан!»). Поэтому вряд ли можно говорить о прямой связи императивных форм с *курэ* и конструкции *-тэ/-дэ + курэру*. То же самое можно сказать относительно форм с *кудасай* и гоноративного эквивалента для конструкции с *курэ*. Определенную связь в обоих этих случаях можно усмотреть лишь в том, что императивные формы обозначают действие, которое должно совершаться или не совершаться в интересах говорящего. Но это — свойство любых императивных форм, и формы с *курэ* и с *кудасай* здесь особой спецификой не обладают.

В отличие от форм с *курэ* формы типа *-тэ/-дэ + ярэ* сохраняют связь с конструкцией *-тэ/-дэ + яру*, указывая, что действие должно распространяться на лицо, находящееся от говорящего в плане «свой — чужой» дальше, чем собеседник: *Бё:ин-ни ха кондэ ярэ ё!* (MII, 225) 'Отвези [его] в

больницу!». По значению с точки зрения категории адрессива они, видимо, не отличаются от форм с *курэ*: ...*Сагаситэ ярэ... Сорэкара, ато-дэ Дзюн-ни коко-э куру ё-ни иттэ курэ* (К, 107) '...Поищи [Дзюна].. Потом скажи Дзюну, чтобы он пришел сюда'.

Все упомянутые выше формы не свойственны женской речи. Женщины при обращении к низшему используют форму типа *-тэ/-дэ + о-курэ* [см. 114, 200—201]: *Сонна кото-о иванайдэ ути-ни итэ о-курэ ё!* (И, т. I, 249) 'Не смей так говорить и сиди дома!' (мать дочери). Впрочем, по утверждению информантов, молодые женщины так уже не говорят. Формы данного типа употребляются и мужчинами: *Со: ситэ о-курэ!* (МI, 17) 'Сделай так!' (постоялец горничной).

Наряду с формами, употребляемыми в речи по отношению к низшим, существуют формы, употребляемые по отношению к своим — как равным, так и низшим.

К ним относятся:

1) формы, образованные присоединением ко второй основе глагола суффикса *-тамаэ*. Это чисто «мужские» формы [см. 18, 190]: *Нантока хитоцу умаку ханаси-о ситэ китамаэ* (И, т. I, 12) 'Уж постарайся как-нибудь поудачнее поговорить!' (тесть зятю); *Са, кё: ва кими мо иппай яритамаэ!* (И, т. II, 188) 'Ну, сегодня ты тоже выпей стопочку' (мужчина другу);

2) формы, где *-тамаэ* присоединяется к *курэ*: *Ёку митэ курэ тамаэ!* (МI, 244) 'Хорошенько посмотри!' (полицейский девице в баре); *Дзя, иия, кими-но курума-э носэтэ курэ тамаэ* (И, т. I, 352) 'Нет, подвези [меня] на своей машине' (мужчина другу примерно равного с ним положения). Эти формы также свойственны мужской речи;

3) формы типа *-тэ/-дэ + тё:дай*. Это специфически «женские» формы²¹: *О-нэгаи да кара каэттэ тё:дай!* (Кё, 163) 'Прошу вас, вернитесь!' (преподавательница студенткам); *Ямэтэ тё:дай!* (X, 189) 'Прекрати!' (девушка подруге);

4) формы типа «о- + вторая основа»: *О-ясуми!* (МII, 207) 'Отдохни!' (мать дочери); сюда же относятся нерегулярные формы *оидэ, горан*: *Анта, хэя-но ё:су-о тётто митэ китэ горан!* (МI, 32) 'Посмотри, как выглядит комната!' (горничная в гостинице другой горничной); *Ансин-ситэ оидэ!* (И, т. I, 25) 'Не беспокойся!' (муж жене);

5) формы деепричастия: *Даматтэ!* (X, 163) 'Замолчи!' (сотрудник компании сослуживцу); *Нэ, хаяку каэттэ!* (Кё, 163) 'Скорее возвращайтесь!' (преподавательница студенткам);

²¹ Формы с *тё:дай* распространены и в детской речи, где они имеют, по-видимому, адрессивное значение.

6) формы типа «вторая основа + *насай*»; употребляются, по-видимому, наиболее часто: *Асука-но тэра-ни мо дэхи, ики насай!* (МII, 6) 'Обязательно поезжай и в храм Асука!' (дядя племяннице); *Кимитати мо номи насай!* (MI, 245) 'И вы пейте!' (мужчина в баре своей компании).

Формы последних типов (4—6) употребляют и мужчины, и женщины.

Возникает вопрос: дифференцируются ли перечисленные формы с точки зрения категории адресива? Нам не удалось обнаружить явных различий в данном плане. Формы всех этих типов довольно часто используются в одинаковых ситуациях, чередуясь друг с другом [подробнее об этом см. нашу статью — 6]. Не отмечали их различия по степени вежливости и информанты. Можно предполагать, что их дифференциация проявляется в иной плоскости. Как говорилось выше, одни формы — специфически «мужские», другие — специфически «женские», третьи — нейтральны с этой точки зрения. Информанты характеризуют одни формы (с *-тамаэ* и *насай*) как формы приказа, а другие (с *тё:дай*) — как формы просьбы. Но выявление такого рода различий не входит в задачи данной работы.

Все указанные формы (см. пп. 1—6) могут употребляться в речи по отношению к низшим своим, уподобляясь в этом смысле формам с *курэ*; те и другие могут одновременно употребляться в речи, обращенной к одному и тому же лицу: *Ки-о цукэтэ курэ тамаэ!.. Акумадэмо тэйсисэй-дэ яттэ курэ!* (MI, 81—82) 'Будь осторожным!.. До конца веди себя смирно!' (старший полицейский младшему). Одновременно с простыми императивными формами указанные формы (см. пп. 1—6) не употребляются; это свидетельствует о том, что они не связаны с признаком «подчеркнуто грубое отношение».

Как соотносятся формы, рассмотренные в этом параграфе, с неимперативными формами адресива? Можно предположить, что так как значение данных императивных форм соответствует значению неадресивных неимперативных форм (хотя и более дифференцированно), то и употребляются они в тех же ситуациях. Наш материал подтверждает это предположение: *Гокуро: да на. Сикаси, конъя ва кяку-га о:й ё: да кара, гэнкан-но хо:-ни иттэ итэ курэ* (MII, 345) 'Спасибо. Но поскольку сегодня вечером, наверное, придет много постояльцев, отправляйся в вестибюль и будь там'; *Мотто комару ё... Бё:ин-ни хакондэ ярэ ё* (MII, 224—225) '[Я] в большом затруднении... Отвези [его] в больницу'; *А: со: ситэ о-курэ!.. Нихон-ни иро, то йу: вакэ да нэ?* (MII, 284) 'Сделай так!.. Это значит остаться в Японии?'; *Ито:-мото-тю:са-то сэсо:го мо дзутто рэнраку-о тоттэ ита вакэ да*

нэ?.. *Кимитати-но дантай-но намаэ-о итамаэ!* (МII, 350) 'Вы ведь и после войны поддерживали связь с бывшим подполковником Ито?.. Скажите, как называется ваша организация!'; *То:бун, боку ва синисо: мо най кара дайдзё:бу да...* *Кими, коно ханаси ва микоми-га най моно то омоттэ ва сурэтэ курэтамаэ* (МII, 155) 'Я в ближайшее время вряд ли умру, поэтому ничего... Подумай о том, что этот разговор бесполезен, и забудь [про него]'; *Икурака ансин-сита ва...* *О-я суми!* (МII, 207) '[Я] немного успокоилась... Отдохни!'; *Сорэдэ, сугу, боку да то омотта но ка?.. Цудзукэ насай!* (МII, 351—352) 'Тогда сразу подумали, что [это] я?.. Продолжайте!'. Эти примеры подтверждают, что данные императивные формы относятся к неадресивным.

§ 3. Адресивные формы

Формы типа «о- + вторая основа + *насай*» обычно относят к вежливым [см. 69, 177; 141, 127], но отмечают, что в современном языке они не употребляются в речи по отношению к высшим [см. 131, 189], что получило подтверждение при обследовании, проведенном в Уэно и Окасаки [см. 76, 176 и 300, 181 и 308]. Они употребляются в речи по отношению к равным — как своим, так и чужим: *О-дамари насай!* (К, 134) 'Замолчи' (старшая сестра младшей); *Ма:, о-мати насай!* (АII, 38) 'Подождите!' (обращение к мало знакомому человеку примерно одного возраста и положения с говорящим). То, что эти формы употребляются только в отношении равных, но не в отношении высших, подтверждают и информанты. По значению эти формы стоят как бы между адресивными и неадресивными формами. Преобладающим, по-видимому, является употребление этих форм вместе с адресивными неимперативными формами.

Большинство примеров на формы такого типа приходится на следующие пять устойчивых форм: *гомэн насай* 'простите', *горан насай* 'посмотрите', *о-я суми насай* 'спокойной ночи', *о-каэри насай* 'добро пожаловать', *о-какэ насай* 'садитесь'. Все они применяются в речи по отношению к высшим и используются в ситуациях, где в большинстве случаев употребляются формы с *кудасай*: *До: яттэ, минуйта но ка надо то тадзунэтэ, корэ идзё: ватаси-о хадзукасимэнай дэ кудасай...* *Соно цумори-ни наттэ, мо: итидо о-каки-ни натта моно-о ёмикаэситэ горан насай* (АII, 362—365) '[Ты] спросишь, как [я] поняла [это], — не позорь [меня] больше ничем... И в этом случае еще раз прочти, что [ты] написал' (жена мужу); *Ато фуцука, гамбаттэ кудасай!*.. *О-я суми насай!* (МII, 277—278) 'Держись эти два дня!..

Спокойной ночи!' (жена мужу). Исследуя формы типа *о... насай*, надо особо выделять указанные пять форм.

Из форм, рассматриваемых как вежливые, наиболее распространены формы, построенные по модели «*-тэ/-дэ + куда-сай*». Их значение является адрессивным: *Корэ-о тётто митэ куда-сай!* (X, 154) 'Посмотрите это!' (подчиненный начальнику); *Они:сама... го-кэкон насаттэ куда-сай!* (K, 145) 'Женитесь... брат!' (младшая сестра старшему брату); *Сонна кото, сё:ко мо най но ни, иванайдэ куда-сай* (AI, 125) [У вас] же нет доказательств, поэтому не говорите так' (женщина нанятому ею сыскному агенту); *Осоросий дзидзичу-га арэба, сорэ мо иттэ куда-сай* (AI, 128) 'Если существует что-нибудь угрожающее, скажите также и об этом' (агент женщине). В речи по отношению к чужим низшим данным формы используются в тех же случаях, что и адрессивные формы: *Тётто маттэ куда-сай. Аната-га ро:ка-дэ кийта токи-но ишарасоимитайна ханаси тойу: но ва, донна найё: дэ сита ка?* (MII, 139) 'Постойте. Тот, по-видимому, резкий разговор, который вы слышали в коридоре, о чем он был?' (журналист горничной в гостинице).

Результаты обследования, проведенного в Уэно и Окасаки, показывают, что эти формы признаются наиболее подходящими в разговоре с равным чужим [см. 76, 181 и 308, 178 и 302]. Большинство испытуемых предпочло их и в речи начальника с подчиненным [см. 76, 179—180 и 308]. Эксперимент в Уэно и Окасаки подтверждает также адрессивное значение этих форм, что отмечают и другие исследователи [см. 164, 106].

От глаголов *иру* 'быть', *куру* 'приходить', *ику* 'идти' образуется нерегулярная повелительная форма *ирассяй*: *Нарубэку хаяку ирассяй нэ!* (MII, 25) 'Приходите как можно скорее!' (женщина жениху племянницы); *До:дзо, го-юк-куруито аруйтэ ирассяй* (MII, 252) 'Пожалуйста, спокойно погуляйте' (женщина жениху дочери). От формы *ирассяй* образуются вторичные синтетические формы: *Има цукуру кара маттэ-рассяй!* (Ф, 134) 'Сейчас приготовлю [обед], подождите!' Значение *ирассяй* с точки зрения адрессива совпадает со значением форм типа *-тэ/-дэ + куда-сай*: *...Ансин-ситэ куда-сай!.. Иттэ-рассяй!* (MII, 174—175) '...Не беспокойтесь!.. Идите!' (полицейский женщине, которую он сопровождает). Наряду с *ирассяй* встречаются регулярные формы *итэ куда-сай*, *иттэ куда-сай*, *китэ куда-сай*, а также форма *оидэ куда-сай*, но форма *ирассяттэ куда-сай* не встречается.

Существует и нерегулярная форма от глагола *йу*: 'говорить' — *оссяй*. На возможность употребления этой формы указывают информанты.

Кудасай может присоединяться не только к деепричастию, но и ко второй основе с префиксом *о-*. Составные глаголы с *-суру* отличаются здесь теми же особенностями, которые характерны для них при образовании других аналитических форм, в состав которых входит префикс *о-*. Формы данного типа употребляются, как правило, в речи по отношению к высшим чужим (случаи их использования, например, в отношении родственников не отмечены) — чаще всего в речи персонала сферы обслуживания [см. 111, 45; 131, 40]: *Ма:, до:дзо, котира-э о-агари кудасай!* (МII, 138) 'Пожалуйста, войдите сюда!' (горничная гостиницы посетителю); *Ицудэмо энрё:наку о-мо:сицукэ кудасай!* (MI, 109) 'Всегда без стеснений отдавайте мне приказания!' (из письма подчиненного начальнику); *Тётто о-мати кудасай!* (MI, 177) 'Подождите немного!' (сотрудник журнала полицейскому). Между данными формами и формами типа *-тэ/-дэ кудасай* обнаруживаются различия с точки зрения категории адресива. Ср., например, *Сугуни, ситаку-о ситэ кудасай!* (И, т. II, 408) 'Собирайтесь немедленно!' (полицейский арестованному) и *Дэва, ситаку-о суру айда, тётто о-агари кудасай!* (И, т. II, 409) 'Пока [я] собираюсь, зайдите, [пожалуйста], в дом' (арестованный полицейскому). Это различие состоит, видимо, в том, что значение форм типа *-тэ/-дэ кудасай* шире: они могут относиться и к равным чужим, и к низшим чужим, и к высшим своим. В случае обращения к высшему чужому формы обоих типов могут употребляться одновременно, в одной ситуации: *До, до:дзо, саваганайдэ кудасай!.. Ятю: дэсу кара, до:дзо, о-хикитори кудасай!* (MII, 215—216) 'По-пожалуйста, не шумите!.. Ведь глубокая ночь, пожалуйста, расходитесь!' (бой в гостинице постояльцам).

Различие указанных форм по значению в какой-то степени подтверждается опросами, проведенными в Окасаки, где формы со второй основой сочли наиболее подходящими для ситуации, когда ребенок обращается к взрослому [см. 76, 176—177 и 300].

Формы данного типа обычно сочетаются со связкой в форме *дэсу*, а не *дэ годзаимасу*: *Сибараку о-мати кудасай!.. Со: дэсу ка? Сицурэй-симасита* (MII, 203) 'Подожди немного!.. Вот как? Извините'.

Таким образом, значение данных форм связано с признаками «высший», «чужой» и «нейтрально-вежливое отношение».

Все адрессивные императивные формы (включая *о-...насай*) допускают присоединение суффикса *-мас-*, который выступает в двух формах: *-масэ* и *-маси*.

Почти все лингвисты, рассматривающие эти формы, утверждают, что они более вежливые, чем аналогичные формы без *-мас-* [см. 18, 190; 111, 65; 131, 41; 164, 106]. Это подтверждается и имеющимся у нас материалом. Они используются в основном при обращении: персонала сферы обслуживания — к клиентам, прислуги — к хозяевам либо очень вежливых женщин — к чужим: *Ирассяимасэ!* (МІ, 14) 'Пожалуйста!'; *Ирассяимаси!* (МІІ, 311) 'Пожалуйте!' (в обоих случаях служащий гостиницы обращается к постояльцам); *Сорэдэва, сё:сё: о-мати кудасаимаси!* (МІІ, 325) 'В таком случае, [пожалуйста], немного подождите!' (женщина незнакомому гостю). Эти формы отличаются по своему значению от форм типа *-тэ/-дэ кудасай*. Ср., например, *Онэ:сама, о-каэри насай!* (К, 132) 'Добро пожаловать!' (служанка той же женщине).

Можно предположить, что адрессивные императивные формы с *-мас-* по значению соответствуют связке в форме *дэ годзаимасу*; это подтверждается примерами: *Ирассяимасэ!.. Сибараку дэ годзаимасита ва нэ* (МІІ, 49) 'Пожалуйте!.. Давно [вы у нас не были]!'. Это соответствие отметил и Сайга Хидэо [см. 111, 65].

Таким образом, значение этих форм связано с признаком «подчеркнуто вежливое отношение».

По вопросу о соотношении *-масэ* и *-маси* существуют разные мнения. Одни считают, что *-масэ* образует более вежливую форму [см. 82, 174; 114, 201]. Другие считают, что они равноценны в плане выражения вежливости, но *-масэ* более характерен для литературного языка, а *-маси* — более разговорная форма [см. 131, 203]. Информанты считают *-масэ* более привычным, а в *-маси* находят оттенок высокомерия. Указывают и на то, что *-масэ* используются только в речи женщин, а *-маси* — в речи и женщин, и мужчин [см. 143, 55]. Это подтверждается и нашим материалом, где все формы на *-масэ* (15 примеров) употреблены в речи женщин, а из шести форм на *-маси* одна используется в речи мужчины. В женской речи они явно не различаются в плане выражения вежливости: *Ирассяимасэ:... О-а-г-а-р-и, кудасаимаси!* (МІ, 14) 'Пожалуйте!.. Пожалуйста, входите!' (горничная постояльцу).

К числу очень вежливых относят и формы с *асобасу* (которое может употребляться и самостоятельно, и как служебный элемент). Издавна считается, что эти формы преимущественно или исключительно присущи женской речи [см. 114, 201; 136, 105; 164, 109; 165, 131]: *А, до:дзо о-хаири асобаситэ!* (К, 112) 'Пожалуйста, входите!' (девушка священнику). Они сочетаются: 1) со связкой в форме *дэ годзаимасу*: *Дзю:гун-сисэй дэ годзаимасу ка?.. До: дзо о-ю-ру-*

си асобаситэ! (К, 113) 'Священником при армии?.. Пожалуйста, увольте!' (девушка священнику); 2) с императивными формами, содержащими *-мас-*: *Ирассяимасэ!.. До:дзо, о-ракуни асобасэ ё!* (МII, 49—50) 'Пожалуйте!.. Пожалуйста, будьте как дома!' (женщина малознакомому мужчине).

Эти формы, как и прочие формы с *асобасу*, в современном языке редки [см. 164, 110]. Однако первые, по-видимому, встречаются несколько чаще, чем прочие формы с *асобасу* (у нас имеется шесть примеров).

Подводя итоги, можно сказать, что в императивных формах общественные отношения людей выражаются более дифференцированно, чем в неимперативных. Если в последних противопоставляются лишь два класса форм (у связки и предикативных прилагательных — три), то в императивных формах с точки зрения категории адрессива выделяется семь классов форм.

§ 4. Некоторые дополнительные замечания

В заключение следует остановиться на двух вопросах: о запретительных формах и об использовании гоноративных форм.

Все, что было сказано в предыдущих двух параграфах, в полной мере относится лишь к повелительным формам. Запретительные формы имеют некоторые особенности. Как уже отмечалось, простые формы повеления и запрещения образуются по-разному. В остальных случаях, начиная от форм с *курэ*, указывают на два способа образования запретительных форм: 1) образование специальной запретительной формы с *-на* от вспомогательного глагола или глагола с суффиксом; 2) использование отрицательной формы знаменательного глагола (последний способ применим лишь в отношении форм, в состав которых входит деепричастие). В современном языке, как отметил П. Дж. О'Нейлл, формы первого типа крайне редки [см. 164, 110—111]. Формы вроде *ёндэ кудасаруна* нам не встретились. Распространены лишь формы второго типа, вроде *ёманайдэ кудасай*. Таким образом, удельный вес специальных запретительных форм в системе языка очень низок.

Относительно употребления гоноративных форм можно сказать следующее: адрессивные императивные формы, в состав которых входит деепричастие, могут быть нейтральными или гоноративными, но не депрециативными [см. 136, 67], поскольку собеседник в случае повеления не может быть объектом действия. Так как при употреблении императивных форм собеседник выступает и как субъект действия, отно-

шение к собеседнику передается дважды, что чаще всего связано с выражением подчеркнуто вежливого отношения [ср. адрессивные формы в незначительных позициях (см. гл. 2, § 3)]: *Эйко-сама-о минараттэ сукоси гэнки-о о-даси-ни наттэ кудасай!*. Сорэ ва мо: *рэккито-сита сябун дэ год-заимасита* (К, 136) 'Возьмите пример с Эйко-сама и будьте немножко бодрее!.. Это был уважаемый начальник' (служанка хозяйке). Характерно, что при опросе информантов, проведенном в 1964 г., для ситуации, когда просят одолжения у незнакомого человека, большинство испытуемых предпочло либо форму *о-кики-ни наттэ кудасай*, либо форму *о-кики кудасай*; форму *кийтэ кудасай* большинство сочло недостаточно вежливой [см. 115, 68].

Выводы к главе 4

1. Система императивных форм связана с отношением говорящего к собеседнику и представляет собой подсистему в системе адрессива.

2. Императивные формы более дифференцированы с точки зрения категории адрессива, чем неимперативные формы.

Неадрессивные императивные формы делятся на три класса.

Простые повелительные и запретительные формы связаны с признаками «низший» и «подчеркнуто грубое отношение».

Формы *-тэ/-дэ + курэ*, *-тэ/-дэ + о-курэ*, *-тэ/-дэ + ярэ* связаны с признаками «низший» и «нейтральное отношение».

Формы «вторая основа + *-тамаэ*», *-тэ/-дэ + курэтамаэ*; *-тэ/-дэ + тё:дай*, «о- + вторая основа», *-тэ/-дэ*, «вторая основа + *насай*» связаны с комбинациями признаков «равный — свой» и «низший — свой».

3. Адрессивные императивные формы делятся на четыре класса.

Формы типа *-тэ/-дэ + кудасай* связаны со всеми комбинациями признаков, свойственными адрессивным формам, кроме комбинации признаков «высший — подчеркнуто вежливое отношение».

Формы типа «о- + вторая основа + *насай*» связаны с признаком «равный».

Формы типа «о- + вторая основа + *кудасай*» связаны с комбинацией признаков «высший — чужой — нейтрально-вежливое отношение».

С комбинацией признаков «высший — подчеркнуто вежливое отношение» связаны формы с суффиксом *-мас-* (в виде *-масэ* и *-маси*), а также формы с *асобасэ* или *асобаситэ*.

Аналогичное значение выражается и глаголами в гоноративной форме.

4. В простых формах различаются повелительные и запретительные формы. В остальных случаях отсутствуют специальные повелительные и запретительные формы: запрещение передается постановкой знаменательного глагола в отрицательную форму, что является невозможным для глаголов во второй основе.

Глава 5

ОБ АДРЕССИВЕ И ГОНОРАТИВЕ В ИМЕННЫХ ЧАСТЯХ РЕЧИ

§ 1. Морфологические особенности префикса *o-*

В предыдущих главах мы рассмотрели категории адресива и гоноратива для глагола и связки (категорию адресива — и для предикативного прилагательного). Однако грамматическое выражение общественных отношений людей при- сущи и другим частям речи²². Для этого используются некоторые префиксы и суффиксы.

Из префиксов прежде всего следует назвать *o-*. Это единственный продуктивный и широко распространенный префикс подобного рода.

Префикс *o-* может присоединяться ко всем знаменательным частям речи, кроме глагола. Из глагольных форм этот префикс присоединяется лишь к так называемой чистой второй основе, образуя различные формы, описанные в главах 3 и 4, однако данный случай целесообразнее трактовать как присоединение префикса к отглагольному имени, что и делают многие японские лингвисты [см. 15, 216; 79, 847; 119, 10; 141, 22]; при таком подходе трудности возникают лишь при трактовке повелительных форм типа «*o-* + вторая основа».

Префикс *o-* выступает в двух вариантах. Когда его присоединяют к словам, составленным из морфем китайского происхождения, как правило, используют вариант *go-*, в остальных случаях — вариант *o-*. Такое распределение в целом соблюдается достаточно строго, что позволяет считать *o-* и *go-* алломорфами.

²² Из дальнейшего рассмотрения исключаются местоимения и термины родства. Противопоставления в системе этих слов уникальны, поэтому данную систему не следует рассматривать как грамматическую. Кроме того, эти слова не могут свободно принимать префиксы и суффиксы, выражающие вежливость. Например, они либо вообще не принимают *o-* (видимо, нельзя сказать *o-аната*, *o-тити* и т. д.), либо принимают *o-* в качестве словообразовательного элемента (*ото:сан* 'отец' и т. п.).

Однако из указанного правила бывают исключения. К словам некитайского происхождения *го-* присоединяется в очень редких случаях: *го-юккури* и *го-юрури* 'потихоньку'. Присоединение *о-* к словам, составленным из китайских корней, происходит гораздо чаще.

Уже давно отмечаются как единственно возможные формы *о-таку* 'дом, квартира', *о-тэнки* 'погода', *о-рэй* 'благодарность' и др. [см. 18, 65; 26, 39; 42, 130]. В современном языке только *о-* принимают и такие слова, как *дэнва* 'телефон', *со:сики* 'похороны', *рё:ри* 'пища', *якусоку* 'договоренность' и некоторые другие. Это — обиходные слова, которые, по-видимому, полностью освоены языком и не воспринимаются как китайские, на что указывал Н. И. Конрад [18, 65].

Рассматриваемые слова китайского происхождения, видимо, могут быть заданы списком²³ и про каждое слово можно сказать, присоединяет ли оно *о-* или *го-* (большинство слов китайского происхождения — книжные, и допускают они лишь только *го-*). Лишь очень немногие слова присоединяют и *о-*, и *го-*. Нам достоверно известно только одно такое слово: *хэндзи* 'ответ'. Однако за пределами литературного языка, по мнению некоторых авторов [см. 59, 311], *о-* заметно вытесняет *го-*.

Далее мы будем квалифицировать *о-* и *го-* как алломорфы.

§ 2. Основные значения префикса *о-*

Префикс *о-* многозначен. Существует немало классификаций его значений [см., например: 50, 326—335; 65, 215—217; 82, 372—385]. Для наших целей важно выделить четыре его основных значения.

1. Прежде всего, префикс *о-* встречается в формах, не имеющих отношения к выражению вежливости. Мы не будем подробно останавливаться на данном вопросе, поскольку это не имеет прямого отношения к теме нашей работы (подробно этот вопрос освещен в статье Н. И. Фельдман [37]). Нам необходимо лишь отграничивать этот случай от остальных.

Наряду с очевидными примерами, когда слово, не имеющее адрессивного или гоноративного значения, без *о-* не употребляется (*окова* 'рис с фасолью') или выражает другое значение (*кадзу* 'число' — *окадзу* 'приправа к рису', *фукуро* 'мешок' — *офукуро* 'мать')²⁴, имеют место случаи, когда од-

²³ Наиболее полный список такого рода находим у П. Дж. О'Нейлла [164, 21].

²⁴ В транскрипции этих слов в «Большом японско-русском словаре» нет единообразия. В примерах, данных в скобках, мы пишем их слитно, так как префикс здесь можно выделить лишь этимологически.

но и то же слово употребляется с *о-* и без *о-*, причем особой разницы в значении не ощущается.

Слова с *о-* появляются в газетных материалах информационного характера, в грубой мужской речи, авторских текстах художественных произведений и т. д. (хотя эти слова в том же значении могут употребляться и без *о-*): *Сономама сибараку карэра ва о-тагаини тикадзуканай* (Б, 140) 'Они не подходят друг к другу и теперь' (ремарка в пьесе); *Дзя, о-тагаи нитянитя икитаку тамэ-ни, кампай да* (Я, 84) 'Пью за то, чтобы [мы] ладили' (рабочий другим рабочим); *О-комэ 280 ман тон сэйсан-тё:сэй* (А, 25.Х.1970) 'Регулирование производства 2 800 000 тонн риса' (газетный заголовок).

Иногда формы с *о-* и без *о-* встречаются в одном тексте; например, в статье газеты «Асахи» (20.II.1970) употребляются две формы — *комэ* и *о-комэ* 'рис'. Здесь формы с *о-* и без *о-* можно считать синонимичными, т. е. префикс не имеет определенного значения²⁵.

В остальных случаях *о-* относится к формам вежливости. Иногда такие формы с *о-* рассматривают недифференцированно, отмечая при этом, что данный префикс придает слову «более вежливый, учтивый характер» [34, 15]. Но явно выделяются три значения (см. пп. 2—4).

2. Наиболее ясный и бесспорный случай представляет собой употребление слов с *о-* для обозначения предметов или качеств, связанных с лицом, отношение к которому говорящего здесь передается (или для обозначения самого этого лица).

Значение форм с *о-* в данном случае обычно рассматривается как аналогичное значению гоноративных форм [см. 26, 39; 50, 326—327; 82, 377—378; 159, 29—30; 164, 20; 165, 21]. В самом деле, *о-* присоединяется к названиям предметов и качеств, связанных с лицами, действия которых выражаются посредством гоноративных форм: *Хо:тай, го-дзубун-дэ, о-тори-ни нарэмасу ка?* (AII, 35) 'Бинты [вы] сами можете снимать?' (мужчина другому малознакомому мужчине одного с ним возраста и положения); *Сикаси, го-фу:фу томо, итидзиканмаэ-ни о-дэкакэ-ни наримасита* (MII, 364) 'Но супруги вместе вышли более часа назад' (дежурный в гостинице о постояльцах); *Котира ва, го-фудзин-га о-хитори-дэ томаттэ ирассяимасу* (MII, 223) 'Здесь живет одна дама' (полицейский о незнакомой женщине); *Сонна о-дэнва, вадзавадза какэтэ кудасат-*

²⁵ То, что *о-* здесь перестает быть префиксом, подтверждается употреблением в устной речи слов *о-гохан*, *о-готисо:* и т. п., где *го-* уже не воспринимается как префикс и возникает потребность оформить слово особым префиксом [см. 56, 92; 111, 68].

та но? (МII, 277) '[Ты мне] на этот раз позвонил специально?' (жена мужу).

Таким образом, формы с *о-* передают отношение к лицам, рассматриваемым как высшие чужие, равные чужие, иногда — высшие свои. Они соответствуют по значению гоноративным формам глагола.

При помощи *о-* образуются гоноративные формы и от предикативных прилагательных, которые не имеют форм гоноратива, подобных глагольным: *О-исогасий но дэсё?* (МII, 336) '[Вы], наверное, заняты?' (женщина малознакомому мужчине); *О-карада-га о-варуй н дэсу но?* (И, т. I, 368) '[Вы] нездоровы?' (женщина незнакомому мужчине).

Вместе с тем следует отметить, что если нет гоноративных форм, то, как правило, нет и *о-* в данном значении: *Хидой мэ-ни атта на... Кими-но као-о миру мадэ ва ансин-дэкинакатта га* (МII, 241) '[Тебе] не повезло... Не мог успокоиться, пока не увидел твое лицо' (слова, обращенные к другу); *Будэини ва каэттэ китэ курэмасита га, сукоси, ё:су-га окасий н дэсу но* (МII, 247) '[Она] вернулась благополучно, но вид [у нее] какой-то странный' (мать о дочери). Таким образом, формы без *о-* по значению соответствуют негоноративным формам.

3. Отмечается также возможность употребления *о-* в значении, соответствующем значению депрециативных форм (см. 50, 333; 65, 216; 82, 384—385; 129, 116; 136, 78]. Префикс *о-* присоединяется: к названиям действий говорящего или лица, своего для говорящего, в отношении какого-нибудь другого лица; к названиям предметов, которые передаются говорящим или лицом, своим для говорящего, какому-нибудь другому лицу; слова с префиксом *о-* употребляются в сочетании с депрециативными формами: *Кангаэтэ митэ, о-хэндзи-о мо:симасу ва* (И, т. II, 448) '[Я] подумаю и дам [вам] ответ' (женщина свекру); *Минасан о-матиканэ дэ, има о-дэн-ва-о о-какэ сиё: то омотта токоро дэсита* (И, т. I, 168) '[Вас] уже ждут не дождутся, [мы] уже хотели [вам] звонить' (хозяйка ресторана клиенту).

Формы без *о-* по значению соответствуют недепрециативным формам: *Кими-о коко-ни ёнда но мо, ватаси тойу: бо:рэй-но каттэ да* (МII, 294) 'И то, что [я] тебя вызвал, воля призрака, именуемого мной'.

Таким образом, в отличие от глагола, где гоноративные и депрециативные формы разграничиваются, в других частях речи соответствующие значения выражаются одинаково — при помощи префикса *о-*.

4. Наконец, префикс *о-* может присоединяться к словам, не связанным по своему значению с лицом, по отношению к которому должна быть выражена вежливость. На это указы-

вают многие авторы, обычно выдвигающие в связи с этим тезис об особом значении *о-* [см., например: 38, 192—193; 82, 378—380; 131, 15; 141, 284]. Широко распространено мнение, что такое использование *о-* — особенность женской речи [см., например: 52, 188—192; 83; 106, 135; 136, 75; 164, 22]. Можно привести много таких примеров: *Матпирума-кара, о-мисэ-но нака-дэ* (AI, 166) '[Это случилось] среди бела дня, в ателье' (женщина о своем ателье); *Ока:сан, ватаси о-цу-то мэ-ни дэ: то омоу но* (И, т. I, 248) 'Мама, я хочу поступить на службу'; *О-тэра-о митэ мауримасита но* (MII, 251) '[Я] ходила осматривать храмы'.

Неясно, как трактовать употребление *о-* в данном случае. Причину такого употребления *о-* обычно видят в стремлении сделать речь вежливее. Но какова направленность этой вежливости? Существуют две точки зрения. Согласно первой из них здесь выражается вежливость для приукрашивания того, о чем говорится в предложении, вне связи с собеседником; *о-* в этом значении включается в особый класс, который считается близким формам гоноратива [см. 131, 15]. Согласно второй точке зрения здесь передается отношение к собеседнику [см. 50, 330; 83, 59]. Обе точки зрения объединяются у Оиси Хацутаро [см. 106, 129].

Мнение о том, что форма с *о-* выражает отношение к собеседнику, по-видимому, правомерно. Аргументом в его пользу может служить то, что в ситуациях, где отсутствует собеседник, префикс *о-* (кроме отдельных случаев, явно не относящихся к формам вежливости) не употребляется. Кстати, мужская речь в данном случае не отличается от женской. Существует мнение, что *о-* в этом случае относится к категории адресива [см. 71, 103]. С этим можно вполне согласиться.

Однако утверждение о том, что формы с *о-* здесь соответствуют по значению адресивным формам, опровергается многими примерами: *Омаэ наника, тянтосита о-якусоку дэмо сита но?* (И, т. I, 83) 'Ты что, обещал что-нибудь определенное?' (мать сыну); *О-цуто мэ ттэ, нан-но кото?* (И, т. I, 248) 'Что это еще за служба такая?' (мать дочери).

Таким образом, здесь значим только признак «наличие собеседника», противопоставления признаков «высший — равный — низший» и «свой — чужой» значения не имеют.

Такого рода использование форм с *о-* очень распространено в современном языке. Оно характерно прежде всего для женской речи, но в последнее время проникает и в мужскую речь, хотя употребление этих форм в речи мужчин считается нелитературным. Данный факт широко комментируется в японской литературе [см. 47, 11; 49, 143—148; 52, 188; 65, 188; 76, 376; 88, 44; 94, 37; 111, 68; 130; 136, 75—76].

§ 3. О грамматичности префикса *o-*

Встает вопрос о том, чем следует считать формы с *o-* и без *o-* — разными грамматическими формами одного слова или же разными словами (иначе говоря, имеют ли эти формы отношение к грамматике).

На этот вопрос исследователи отвечают по-разному: одни относят *o-* к области грамматики [см. 59, 279], другие — нет [75, 8; 88, 44].

Попробуем применить здесь критерии обязательности и регулярности. Требование регулярности при образовании форм с *o-* явно выполняется. Сложнее дело обстоит с требованием обязательности. В этой связи следует рассмотреть вопрос, к каким словам присоединяется и какие значения при этом выражает префикс *o-*.

Здесь действуют различные причины — как формальные, так и семантические. Вряд ли можно согласиться с М. Куайо, утверждающим, что присоединение *o-* не регулируется никакими правилами [149, 100].

Сибата Такэси, наиболее полно исследовавший данный вопрос, указал на пять причин, в силу которых присоединение *o-* к соответствующим словам ограничивается: 1) слово заимствовано из европейских языков; 2) слово начинается с гласного *o*; 3) слово имеет большую длину; 4) слово вызывает «неприятное чувство»; 5) слово обладает определенной семантикой [см. 117, 40]. На те же причины или часть из них указывают и другие исследователи [см. 88, 49; 101, 14; 106, 135—137, 111, 68].

Как свидетельствуют опыты Сибата, женщины-информанты, как правило, отвергают присоединение *o-* к словам, заимствованным из европейских языков, к словам, начинающимся с *o*, и к словам длиной не менее трех мор [см. 117, 43—44].

Однако эти факторы не абсолютны. Лишь к словам, начинающимся с гласного *o*, префикс *o-*, как правило, не присоединяется, что связано с трудностями произношения; это подтверждают и наши информанты.

К длинным словам *o-* может присоединяться: *o-кокороата-ри* 'представление' (МII, 94), *o-кокоронокори* 'сожаление' (МII, 30), *o-исогасий* 'занятый' (у нас шесть примеров).

Отмечают, что *o-* может присоединиться и к словам, заимствованным из европейских языков, если они в достаточной мере освоены японским языком [см. 83, 59; 101, 6 и 14; 131, 88 и 119; 136, 72].

Первые три причины не связаны с семантикой слова и значением *o-*. По-видимому, они не препятствуют тому, чтобы считать функционирование *o-* в том или ином значении

обязательным, так как число слов, присоединение к которым *o-* не является свободным, относительно небольшое, а наиболее многочисленными среди них — заимствования из западных языков — занимают в языке периферийное положение (когда меняется это положение, когда они полностью осваиваются японским языком, то приобретают возможность присоединять *o-*).

Другие две причины (4—5) имеют семантический характер.

Под словами, «вызывающими неприятное чувство», Сибата, судя по примерам, понимает «грубые» слова, обычно не употребляемые в вежливой речи. Этот факт также не может помешать считать функционирование *o-* в соответствующем значении обязательным.

Что же касается семантики тех или иных слов, то, как показывают опыты Сибата, употребление *o-* в адрестивном значении очень индивидуально. Испытуемые называли очень различный состав слов, к которым они присоединяют *o-* в данном значении; таким образом, установить какие-то твердые правила здесь оказывается невозможным, хотя в общем проявляется определенная тенденция: *o-* в адрестивном значении чаще присоединяется к словам, связанным с женским бытом, с повседневной жизнью, чем к словам, связанным с промышленностью, общественными организациями, названиям животных и растений и т. д. [см. 117, 46—48].

Итак, в целом употребление *o-* в адрестивном значении оказывается факультативным. Поэтому противопоставление форм с *o-* в этом значении формам без *o-* не следует считать грамматическим.

Но в отношении гоноративного и депрециативного значений *o-* можно, на наш взгляд, говорить, что употребление *o-* для их выражения является обязательным (ср. употребление *o-* в этих значениях и в мужской речи, что никогда не считается нелитературным). Формы же без *o-* в противопоставлении формам с *o-* приобретают значение, аналогичное значению нейтральных глагольных форм.

В заключение следует отметить, что категория гоноратива присуща не только глаголу, но и другим знаменательным частям речи (причем у последних гоноративные и депрециативные формы совпадают). Кроме того, необходимо учитывать, во-первых, то, что префикс *o-* многозначен; во-вторых, то, что присоединение *o-* к отдельным словам затруднено либо совершенно невозможно; этот факт делает систему форм гоноратива для имени, прилагательного и наречия не вполне регулярной, но, поскольку таких слов немного, нельзя на основании данного факта отрицать существование системы форм гоноратива для этих частей речи.

§ 4. Другие гоноративные префиксы

Все гоноративные префиксы, кроме *о-*, имеют ограниченное применение.

Префикс *он-* обычно рассматривают как вариант *о-* [см. 26, 39; 72, 128]. Сейчас он употребляется редко и присущ преимущественно высокопарной речи [см. 64, 160], применяется в особых случаях, например, в парламентских выступлениях [см. 91, 31].

К вариантам *о-* относили и *гё-* [см. 26, 39; 159, 31]. В настоящее время он также имеет высокопарный оттенок и употребляется в основном в речи об императоре [см. 56, 93].

Префикс *оми-* иногда рассматривают как сугубо «женский» [см. 25, 13]. Существует также мнение, что *оми-* в качестве варианта *о-* употребляется перед словами, начинающимися с гласного, т. е. в случаях, когда присоединение *о-* затруднено [см., например, 82, 373—374]. Однако при этом приводят только два примера: *оми-аси* ‘ноги’, *оми-оби* ‘пояс’, которые, по утверждению информантов, употребляются и в современном языке, но представляют собой отдельные слова [в таком качестве они фиксируются в словаре (10, т. I, 737)].

Примеры на слова с *он-*, *гё-*, *оми-* нам не встретились.

Префикс *ми-* считается устаревшим [см. 56, 93; 82, 373]. Его все же можно встретить, но обычно лишь при словах, имеющих отношение к богу или предметам и явлениям, связанным с ним: *Фукуин-но ми-о сиэ-о о-цутаэ симасита* (К, 113) ‘[Я] распространял учение евангелия’ (слова католического священника).

Префиксы, характерные для эпистолярного стиля (единственная область, где различаются гоноративные и депрещивные формы), также считаются устаревшими [см. 129, 116, 131, 45 и 96]. Однако в официальных письмах можно встретить выражение вроде *ки-кумиаи-т ю:о:-иинкай* ‘ваш’ центральный комитет профсоюза’.

В настоящее время все гоноративные префиксы, кроме *о-*, находятся на периферии языка. Некоторые из них, возможно, уже не входят в языковую систему.

§ 5. Суффиксы вежливости

В отличие от префиксов суффиксы вежливости имеют более узкую сферу употребления: они присоединяются только к существительным, обозначающим лиц²⁶. Для этого узкого

²⁶ И даже здесь имеются исключения; так, нельзя, по-видимому, сказать *хито-сан* (в значении ‘человек’). Мы не рассматриваем отдельные случаи присоединения этих суффиксов к словам, не обозначающим лиц; см., например, такие устойчивые выражения, как *го-куро:-сама* ‘спасибо’, *о-сэва-сама* ‘благодарю’.

класса слов употребление таких суффиксов с целью выражения соответствующего значения, по-видимому, является обязательным. При отсутствии суффикса (точнее, в нулевой форме) также выражается определенное значение.

Значение данных суффиксов заключается в передаче говорящим своего отношения к лицу, обозначенному словом, к которому присоединяется суффикс.

Суффиксы вежливости могут употребляться и вместе с неадресивными формами: *Соситэ нэ, гакутайцуки-дэ о-и-ся-са-ма-о окури сита н да ва* (Б, 138) 'Встреча врача под оркестр'.

Можно считать, что рассматриваемые суффиксы образуют одну из подсистем в системе категории гоноратива. Посредством этих суффиксов передается отношение говорящего к лицу, о котором идет речь, вне зависимости от того, является ли оно субъектом или объектом действия.

Наиболее распространен в современном языке суффикс *-сан*. Следует различать его употребление в мужской и женской речи (*-сан* различается по своему значению в «мужском» и «женском» подъязыках).

В мужской речи суффикс *-сан* используется:

В отношении высших чужих или равных чужих: *Сэтагая-но оку-ни цурэтэ итта но ва, Кадота-сан дэсу ка?* (МII, 375) 'В глубь района Сэтагая [его] сопровождал Кадота-сан?' (мужчина о малознакомом мужчине); *Дзё:му-сан ва, икага дэсу?* (AI, 51) 'А как [вы], господин управляющий?' (подчиненный начальнику);

иногда — в отношении высших своих: *Риитиро:-сан!* (K, 122) 'Риитиро-сан!' (младший брат старшему).

В «мужском» подъязыке суффикс *-сан* по своему значению соответствует гоноративным формам.

В женской речи *-сан* используется во всех указанных случаях: *Созэда-сан то укагаимасита га* (MII, 324) '[Я] слышала, что [вы] — Созэда-сан' (женщина незнакомому мужчине); *Ивамото-сан-но окусан-га оидэ-ни натта н дэсу* (И, т. II, 296) 'Приехала супруга Ивамото-сан' (служанка о бывшем офицере).

Но, кроме того, суффикс *-сан* может употребляться в женской речи и в отношении равных своих, низших чужих, иногда — низших своих: *Сэйдзи-сан, Е:ко-сан-о ноносиранайдэ кудасай!* (K, 120) 'Сэйдзи-сан, не ругайте Еко-сан!' (мачеха пасынку; Еко — его жена); *Ко:ити-сан!* (K, 154) 'Коити-сан!' (старшая сестра младшему брату).

В «женском» подъязыке *-сан* утрачивает гоноративное значение, превращаясь в суффикс, присоединяемый почти к любым словам, называющим лиц. Это связано с тем, что ряд других суффиксов в женской речи не употребляется.

Однако противопоставление *-сан* и *-сама* в женской речи сохраняется.

Суффикс *-сама* считается более вежливым, чем *-сан* [см. 18, 52; 75, 3; 164, 29]. Действительно, формы с *-сама* употребляются (преимущественно женщинами) в речи по отношению к высшим и связаны с подчеркнуто вежливым отношением: *Риитиро-сама!* (К, 107) 'Риитиро-сама!' (служанка хозяину); *Иизэ, Есиока-сама то оссямасу* (МII, 200) 'Нет, [его] зовут Есиока-сама' (служащий гостиницы о постояльце).

Различие в значении между *-сан* и *-сама* очевидно. Ср. *Рокудзэ-сама мо коко-ни ираситэ ё* (К, 141) 'И Рокудзэ-сама сюда пришел' (девушка о муже старшей сестры), но *Рокудзэ-сан дайдзэ-бу дэсу ка?* (К, 142) 'У Рокудзэ-сан все в порядке?' [старший брат этой девушки о нем же (о муже старшей сестры)].

В речи по отношению к высшим употребляется также суффикс *-доно*. Этот суффикс не используется в устной речи, сохраняясь лишь в официальной переписке [см. 47, 10—11; 93, 29]; это подтверждают и информанты. О различиях между *-сама* и *-доно* по степени выражаемой вежливости не существует единого мнения. Они, по-видимому, не различаются с точки зрения категории гоноратива.

Из негоноративных прежде всего следует назвать суффикс *-кун*. Он широко применяется в мужской речи по отношению к низшим (своим или чужим) либо равным своим. Значение суффикса *-кун* близко к значению негоноративных глагольных форм, но в речи по отношению к высшим своим он не употребляется: *Фурукава-кун дэсу* (MI, 172) '[Это] Фурукава-кун' (о сослуживце); *Тасиро-кун, Тасиро-кун, исойдэ тётто* (AI, 50) Тасиро-кун, Тасиро-кун, поскорее [зайди] на минутку...' (обращение к подчиненному); *Ма: дзюндзюн-ни укагау тоситэ, Аяко-кун ва до: да?* (К, 122) '[Буду] спрашивать по порядку: что [думает] Аяко-кун?' (брат в речи о младшей сестре). Ср.: ...*Кадота-кун ва Ногами-сан-ни цукисоттэ Суису-но бё:ин-ни иттэру кара нэ* (MII, 375) '...Кадота-кун, сопровождая Ногами-сан, поехал в швейцарскую больницу' (Ногами в прошлом был начальником говорящего, Кадота — подчиненным).

Высказывается мнение, что суффикс *-кун* нельзя употреблять в речи о женщинах [см. 127, 129], но в настоящее время он часто встречается и в таком случае [см. 75, 3] (см. предпоследний пример).

По нормам литературного языка *-кун* не употребляется в женской речи, заменяясь на *-сан* (см. выше). Но в современном языке *-кун* появляется и в женской речи [см. 70, 211—212]. Обычно формы с *-кун* встречаются в речи работающих

женщин о сослуживцах: *Даттара, Такаки-кун-то кэконсура ий но ё* (X, 156) [Тебе] бы лучше выйти замуж за Такаки-кун'. При опросе информантов, проведенном в 1964 г., более 50% испытуемых моложе 30 лет признали употребление *-кун* в женской речи правильным [см. 121, 32].

Суффикс *-тян* образует формы, выражающие отношение к низшим своим (преимущественно к младшим членам семьи): *Ю мико-тян-ни сирасэнакутэ ва домэ да ва* (И, т. II, 55) 'Надо сообщить Юмико-тян' (младшая сестра о старшей); *Сэцу-тян га?* (MII, 284) 'Сэцу-тян?' (дядя о племяннице).

К числу негоноративных надо причислять и формы с нулевым суффиксом. Они употребляются в речи о своих или о низших: *Айникуто Созэда ва мо: каэттэ оримасу* (MII, 203) 'К сожалению, Созэда уже ушел домой' (незнакомому о сослуживце)²⁷; *Асидзава ва коссори боку-ни мукаттэ... нантэ иттэ имасита кара нэ* (И, т. I, 318) 'Асидзава говорил... мне по секрету' (о товарище); *Кийтэ иру кай, Мико:?* (Ф, 156) [Ты] слышишь, Мико?' (старший брат младшему и сестре). Ср. *Бэцуни Кадота-га Ногами-сан-то токубэцуна канкэй-га атта вакэ дэ ва най ё* (MII, 329) 'У Кадота вовсе не было особых отношений с Ногами-сан' (ситуация указана выше).

По своему значению формы с нулевым суффиксом точно соответствуют нейтральным глагольным формам. Они могут употребляться наряду с другими негоноративными формами (ср. выше *Кадота* и *Кадота-кун*), но в некоторых случаях употребляются только они, например в речи о себе.

К суффиксам вежливости функционально близки слова, обозначающие профессии, должности и т. д., которые могут употребляться самостоятельно, но могут, подобно суффиксам, присоединяться к другим словам. Особенно близки к суффиксам два слова с очень широкой семантикой — *си* и *сэнсэй*, которые, по-видимому, можно рассматривать как суффиксы, отличая их от *си* и *сэнсэй*, выступающих как самостоятельные слова. В отношении *си* такой подход принят в «Большом японско-русском словаре» [см. 10, т. II, 68]. Японские авторы, как правило, рассматривают *си* и *сэнсэй* в одном ряду с *-сан*, *-кун* и т. п. [см., например: 56, 201—203; 106, 121; 112, 125].

Показатель *си* по значению с точки зрения категории гоноратива близок к *-сан*: *Таки-си га?.. Аната ва, Таки-сан-то ва нанимо ханасимасэн дэсита ка?* (MII, 257) 'Та-

²⁷ Суффиксы обычно опускаются в разговоре с чужими о сослуживцах, даже высших [см. 47, 3; 127, 129] — полная аналогия с употреблением в подобных ситуациях негоноративных глагольных форм.

ки?.. Вы совсем не разговаривали с Таки-сан?’ (молодой журналист о журналисте, занимающем высокое положение). Однако значение *си* уже, оно не употребляется в речи о высших своих. *Си* явно вносит официальный оттенок, встречаясь чаще всего в письменных текстах: *Гэндзай, до:банти-ни ва Кадота-си-но дзикай-фу:фу-га сэйкацу-ситэ ораэмасу* (МII, 317) ‘В настоящее время по этому адресу живут родной брат Кадота с супругой’ (ответ на запрос).

Близкое к *-сан* в плане гоноратива значение имеет, видимо, и *сэнсэй*. Характерно, что участники дискуссии в журнале «Гэнго-сэйкацу» так и не пришли к единому мнению по вопросу о том, какая из форм — с *-сан* или с *сэнсэй* — вежливее [см. 76, 3—4]. Но *сэнсэй* употребляется в речи относительно определенной группы лиц — преподавателей, ученых, работников искусства (в таких случаях форма с *-сан* встречается реже) [см. 47, 3; 75, 3; 106, 174]: *Сасадзима-сэнсэй-то ва, идэн-кара-но о-сириаи дэсу ка?* (МII, 116) ‘[Вы] раньше были знакомы с Сасадзима-сэнсэй?’ (речь об известном художнике); *Кандзи-сэнсэй-га цумудзи-о магэрарэ-тэ го-сюссэки кудасаранай кото дэ годзаимасу* (Кё, 152) ‘Инспектор [университета] несговорчив и не явился’.

Сэнсэй встречается и в речи о младших и друзьях, хотя такое употребление *сэнсэй* не считается литературным [см. 47, 10; 51, 53; 131, 80].

Противопоставление гоноративных и негоноративных форм наиболее последовательно проводится в именах и фамилиях. Если же лица именуется по должности, званию и т. д., гоноративные суффиксы не всегда появляются даже в речи по отношению к высшим. Это отмечают многие авторы, обычно считающие данное явление нормальным [см. 47, 2; 65, 214; 112, 125]. Ср.: *Мацумото-сан иру кай?.. Си цутё: ва иру даро: на* (X, 170) ‘Мацумото-сан здесь?.. Наверное, заведующий лабораторией здесь’ (один и тот же человек о том же лице, Мацумото — заведующий лабораторией). О том, что это явление широко распространено, свидетельствуют и опросы информантов [см. 121, 31]. Женской речи опущение гоноративных суффиксов не свойственно [см. 47, 2; 106, 182—183, 112, 125].

В отличие от противопоставления форм гоноратива в глаголе противопоставление форм с различными суффиксами не нейтрализуется и в речи, не связанной с собеседником, например в прессе. Формы с нулевым суффиксом используются в речи по отношению к преступникам, сумасшедшим, а также по отношению к историческим лицам и др., в остальных случаях применяются формы с суффиксами [см. 112, 125; 113, 67—68], однако здесь преимущественно употребляются гоноративные формы с *си*.

Выводы к главе 5

1. Категория гоноратива существует не только у глагола, но у всех знаменательных частей речи. У всех знаменательных частей речи, кроме глагола, противопоставляются формы с префиксом *о-* и формы с нулевым префиксом. Для существительных, обозначающих лиц, существует также система суффиксов.

2. Категория гоноратива у именных частей речи и предикативного прилагательного связана с отношением говорящего к лицу, обозначенному данным словом, либо к лицу, к которому относится предмет или свойство, обозначенное данным словом. Противопоставление форм «гоноративные — негоноративные» и «депрециативные — недепрециативные» объединяются в одно противопоставление. Хотя у имен с префиксом *о-* можно выделить значения, аналогичные значениям гоноративных и депрециативных форм, но эти значения выражаются одинаково.

3. Формы с *о-* соответствуют гоноративным и депрециативным формам, формы без *о-* — нейтральным формам. Набор дифференциальных признаков у именных форм такой же, как у соответствующих глагольных форм.

4. Среди форм с именными суффиксами выделяются:

1) гоноративные формы — с суффиксом *-сан* и близкими к суффиксам образованиям *си*, *сэнсэй*, которые связаны с комбинациями признаков «равный — чужой» и «высший — чужой — нейтрально-вежливое отношение» (формы с *-сан*, кроме того, — с комбинацией признаков «высший — свой»); с суффиксами *-сама* и *-доно*, которые связаны с признаком «подчеркнуто вежливое отношение»;

2) негоноративные формы — с нулевым суффиксом, которые связаны с признаком «свой» или «низший»; с суффиксом *-кун*, которые связаны с комбинациями признаков «равный — свой», «низший — свой», «низший — чужой»; с суффиксом *-тян*, которые связаны с комбинацией признаков «низший — свой». В женской речи *-кун* заменяется на *-сан*.

5. Среди форм с именными суффиксами не происходит нейтрализации в ситуации, когда отсутствует собеседник.

6. Грамматическая категория адрессива не выражается в именных частях речи. Отношение к собеседнику передается при помощи того же префикса *о-*, однако употребление *о-* факультативно.

7. Все префиксы, кроме *о-*, находятся на периферии языка и употребляются редко.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы рассмотрели систему грамматических форм вежливости в современном японском языке. В ее основе лежит передача общественных отношений двоякого рода.

Во-первых, может передаваться отношение говорящего к собеседнику вне зависимости от того, о чем идет речь (категория адрессива). Эта категория существует у глагола, связки и предикативного прилагательного. В других случаях обозначение отношения к собеседнику факультативно. Особую подсистему составляют императивные формы, где отношение к собеседнику передается разнообразнее.

Во-вторых, может передаваться отношение говорящего к лицам, о которых идет речь (категория гоноратива). Для глагола это — отношение к субъекту или объекту действия, обозначенного глаголом; для других частей речи это — отношение к лицу, обозначенному данным словом, или к лицу, с которым связан предмет или признак, обозначенный данным словом. Категория гоноратива присуща всем знаменательным частям речи. В глаголе по-разному обозначается отношение к субъекту и отношение к объекту действия, в других частях речи такого разграничения нет.

Адрессив и гоноратив — разные категории, у каждой — собственная система форм. Однако в значении категорий имеется сходство.

Один из основных признаков значения каждой категории — наличие или отсутствие лица, отношение к которому говорящего здесь передается. В случае отсутствия собеседника (для адрессива) или лица, о котором идет речь (для гоноратива), противопоставление форм нейтрализуется и используются более простые по строению формы. При отсутствии собеседника нейтрализация характерна и для гоноратива.

При наличии лица, отношение к которому должно передаваться, вступают в силу противопоставления признаков «высший — равный — низший» и «свой — чужой». Эти признаки можно интерпретировать как отражение отношений, существующих в японском обществе. Все эти признаки действуют и для адрессива, и для гоноратива, но соотношения внутри системы в зависимости от признаков у данных категорий различны.

В адрессиве основное противопоставление существует между формами, где обозначено отношение к лицам, рассматриваемым как низшие свои, или как равные свои, а иногда как низшие свои (неадрессивные формы), и формами, где обозначено отношение к лицам, рассматриваемым как высшие или как равные чужие, а иногда как низшие чужие (ад-

рессивные формы). Основной показатель адрессивных форм в глаголе — суффикс *-мас-*.

В гоноративе основным следует считать противопоставление между формами, где обозначено отношение к лицам, рассматриваемым как низшие свои, низшие чужие или как равные свои, а иногда — как высшие свои (негоноративные или недепрециативные формы), и формами, где обозначено отношение к лицам, рассматриваемым как высшие чужие или как равные чужие, а иногда как высшие свои (гоноративные или депрециативные формы).

Глаголу присущи два частных случая такого противопоставления: один из них связан с отношением к субъекту действия (противопоставление «гоноративные — негоноративные»), другой — с отношением к объекту действия (противопоставление «депрециативные — недепрециативные»). Для противопоставления депрециативных и недепрециативных форм значимо и отношение к субъекту действия. Имеют силу лишь признаки «свой» и «чужой». При признаке «свой» депрециативные формы противопоставляются недепрециативным, при признаке «чужой» противопоставление нейтрализуется.

Негоноративные и в то же время недепрециативные (нейтральные) формы, как правило, имеют нулевые показатели (как и неадрессивные формы). Гоноративных и депрециативных форм глагола существует по нескольку, из них лишь одна гоноративная форма с суффиксом *-рэ-/-рарэ-* — синтетическая, остальные — аналитические. Основным показателем гоноративно-депрециативных форм в других частях речи является префикс *о-*. Особую подсистему составляют именные суффиксы. Они присоединяются, как правило, к словам, обозначающим лиц (исключая некоторые подклассы этих слов).

Адрессивные, гоноративные и депрециативные формы подразделяются на два класса. Различие в их значении можно описать, вводя противопоставление признаков «подчеркнуто-вежливое отношение» и «нейтрально-вежливое отношение». Формы, в значение которых входит признак «подчеркнуто-вежливое отношение», относятся только к высшим. Таковыми являются связки в форме *дэ годзаимасу*, некоторые императивные формы. Гоноративные и депрециативные формы этого рода периферийны, исключая формы с суффиксом *-сама*.

Среди неадрессивных императивных форм, употребляемых в речи по отношению к низшим, выделяются два класса форм, разницу в значении которых можно описать, вводя противопоставление признаков «подчеркнуто грубое отношение» и «нейтральное отношение». В подсистемах императивных форм и имен, обозначающих лиц, значение форм более разнообразно, чем в других подсистемах.

В систему форм гоноратива включаются нерегулярные гоноративные и депрециативные формы типа *оссяру, мо:-сиагэру*, которые мы считаем супплетивными.

Такова в общих чертах система форм вежливости японского литературного языка. По сравнению с довоенным временем она стала несколько проще. Многие формы вышли или выходят из употребления. В то же время новые формы после войны не появляются. Формы, прежде различавшиеся по значению в плане вежливости, перестают различаться (например, формы с *-рэ-/рарэ-* и формы типа *о-...ни нару*). Система становится более регулярной: многие супплетивные формы заменяются регулярными (вместо *мэсиагару — о-табэ-ни нару*).

Вне сферы действия литературной нормы наблюдаются еще более существенные сдвиги. Явно проявляются признаки резкого изменения системы гоноратива — исчезает противопоставление депрециативных и недепрециативных форм. Значение депрециативных форм передается забвению (особенно это относится к молодежи), и данные формы употребляются в значении гоноративных. Вместе с тем, как отмечают японские исследователи, растет тенденция вводить гоноративные и депрециативные формы безотносительно к тому, о чем идет речь, просто для того, чтобы говорить вежливее. Наблюдается уменьшение различий между мужской и женской речью (в мужской речи появляются специфически «женские» слова и аффиксы, а в женской речи — «мужские» слова и аффиксы; например, в мужской речи появляется *о-* в адресивном значении, а в женской речи — *-кун*). Наиболее устойчива категория адресива. На эти изменения в языке несомненно влияют изменения в обществе (этот вопрос — предмет самостоятельного исследования).

Несмотря на заметное упрощение системы гоноратива, нельзя говорить о ее полном разрушении. Формы вежливости — важная составная часть строя японского языка. Вместе с тем нельзя считать, что японский язык отражает какие-то особые идеи, которые нельзя передать средствами другого языка. Но в японском языке, в отличие от многих других языков, отношение говорящего к собеседнику и к лицам, о которых идет речь, должно обозначаться обязательно; соответствующие компоненты значения во многих случаях имеют грамматический характер. Большое место, занимаемое формами вежливости в системе японского языка, требует, чтобы исследователи японского языка обратили должное внимание на их изучение.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- А — «Асахи-симбун» (газета).
AI — А б э К о б о, Моэцукита тидзу (Сожженная карта), Токио, 1967.
AII — А б э К о б о, Танин-но као (Чужое лицо), Токио, 1964.
Ак — «Акахата» (газета).
Б — Б о р о : д з и н А., Ути-но нэ:сан (Володин А., Моя старшая сестра), пер. Хидзиката Кэйта,— «Тэаторо», 1967, № 7 (287).
Г — Г о : р и к и М., Васса Дзиэрэдзуно:ва (Горький М., Васса Железнова), пер. Макихара Ацуси,— «Тэаторо», 1967, № 8 (289).
Гс — «Гэнго-сэйкацу» (журнал).
И — И с и к а в а Тацудзо:, Кадзэ-ни соёгу аси (Тростник под ветром), т. I—II, Токио, 1964—1965.
К — К и т а с и р о Ацуси, Акума ва кимбэн (Дьявол трудолюбив),— «Тэаторо», 1967, № 4 (284).
Кё — К у р о к а в а Е с и т э р у, Сё:хё: «Рё:сай-сэмбо» (Торговая марка «Хорошая жена и разумная мать»),— «Тэаторо», 1969, № 12 (319).
MI — М а ц у м о т о С э й т ё:, Дзикан-но сю:дзоку (Обычай времени), Токио, 1966.
MII — М а ц у м о т о С э й т ё:, Кю:кэй-но арано (Круглая пустыня), Токио, 1969.
Тт — Т о : к ё : - т а в а : («Токийская телебашня»), Токио, 1969.
Ф — Ф у д з и т а А с а я, Нихон-но гэнрон. 1961 (Свобода печати в Японии. 1961),— «Тэаторо», 1967, № 6 (286).
Х — Х а с э г а в а С и н д з и, Укайрс (Обходной путь),— «Тэаторо», 1968, № 9 (303).
Ц — Ц у д з и м у р а Т о с и к и, Гэндай-но кэйго (Современные формы вежливости), Токио, 1967.
Я — Я м а д а Т а м и о, Кита-сэкидо:-кайрю: (Северное экваториальное течение),— «Тэаторо», 1961, № 10 (291).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алпатов В. М., Грамматическая система форм вежливости современного японского литературного языка, автореф. канд. дисс., М., 1971.
2. Алпатов В. М., Грамматическая система форм вежливости современного японского литературного языка, канд. дисс., М., 1971.
3. Алпатов В. М., О вежливо-почтительных формах в современном японском языке,— «Вопросы японского языка», М., 1971.
4. Алпатов В. М., О глагольных формах вежливости современного японского языка,— «Филологические науки», 1971, № 2.
5. Алпатов В. М., О значении категорий адрессива и гоноратива в современном японском языке,— сб. «Проблемы семантики» (в печати).
6. Алпатов В. М., Система императивных форм глагола в современном японском языке,— сб. «Исследования по восточному языкознанию» (в печати).
7. Алпатов В. М., Крючкова Т. Б., О мужском и женском вариантах японского языка,— «Народы Азии и Африки» (в печати).
8. Ахманова О. С., Мельчук И. А., Падучева Е. В., Фрумкина Р. М., О точных методах изучения языка, М., 1961.
9. Балли Ш., Общая лингвистика и вопросы французского языка, М., 1955.
10. «Большой японско-русский словарь», т. I—II, под редакцией Н. И. Конрада, М., 1970.
11. Головнин И. В., К вопросу о классификации лексики японского языка,— сб. «Вопросы японской филологии», 1, М., 1970.
12. Головнин И. В., К вопросу о составном сказуемом в японском языке,— сб. «Исследования по японскому языку», М., 1967.
13. Жолковский А. И., Мельчук И. А., О системе семантического синтеза. VI. Образцы словарных статей,— «Научно-техническая информация», серия 2, 1972, № 9.
14. Зализняк А. А., Русское именное словоизменение, М., 1967.
15. Киэда М., Грамматика японского языка, т. I, М., 1958.
16. Колпакчи Е. М., Строй японского языка, Л., 1936.
17. Конрад Н. И., О «языковом существовании»,— «Японский лингвистический сборник», М., 1959.
18. Конрад Н. И., Синтаксис японского национального литературного языка, М., 1937.
19. Куроно И., Панаев В. П., Самоучитель японского языка, СПб., 1913.
20. Лаврентьев Б. П., Самоучитель японского языка,— приложение к журналу «Азия и Африка сегодня», М., 1967, №№ 1—12; 1968, №№ 1—4.
21. Наврон Е. Л., Местоимения и средства выражения лица в глаголе в японском языке,— «Труды Московского института востоковедения», вып. 2, 1940.
22. Наврон-Войтинская Е. Л., Личная форма японского глагола, канд. дисс., М., 1946.
23. Неверов С. В., О современном состоянии гонорифической системы

- японского языка,—сб. «Восточная филология. Характерологические исследования», М., 1971.
24. «Общее языкознание», М., 1970.
 25. Пашковский А. А., Грамматика японского литературного языка. Морфология, М., 1941.
 26. Плетнер О. В., Поливанов Е. Д., Грамматика японского разговорного языка, М., 1930.
 27. Позднеев Д. М., Грамматика разговорного японского языка (конспект лекций), СПб., 1911.
 28. Рамстедт Г., Грамматика корейского языка, М., 1951.
 29. Рябкин А. Г., Лобачев Л. А., Паюсов Н. Г., Стражак Л. А., Янушевский В. А., Учебные материалы по японскому языку, ч. 1—3, под редакцией И. В. Головкина, М., 1965.
 30. Смирнов Д., Руководство к изучению японского языка, СПб., 1890.
 31. Спальвин Е. Г., Японский разговорный язык. Концентры I—II, Токио—Харбин, 1933.
 32. Суперанская А. В., Общая теория имени собственного, М., 1973.
 33. Сыромятников Н. А., Система времен новояпонского языка, М., 1971.
 34. Третьяк Н. Н., О структуре слова в современном японском языке, автореф. канд. дисс., М., 1964.
 35. Фельдман Н. И., Грамматический очерк,— в кн.: «Русско-японский словарь», сост. А. Е. Глускина и С. Ф. Зарубин, М., 1950.
 36. Фельдман Н. И., Краткий очерк грамматики современного японского языка,— в кн.: Немзер Л. А., Сыромятников Н. А., Японско-русский словарь, М., 1951.
 37. Фельдман Н. И., Об одном японском префиксе,— сб. «Историко-филологические исследования. Сборник статей к семидесятипятилетию академика Н. И. Конрада», М., 1967.
 38. Фельдман Н. И., Японский язык, М., 1960.
 39. Холодович А. А., Действие и субъект речи в японском языке,— «Ученые записки ЛГУ», № 128, серия востоковедческих наук, вып. 3, 1952.
 40. Холодович А. А., Категория лица в японском языке,— сб. «Страны и народы Востока», вып. XI, Л., 1971.
 41. Холодович А. А., Очерк грамматики корейского языка, М., 1954.
 42. Холодович А. А., Очерки по строю японского языка, автореф. докт. дисс., Л., 1949.
 43. Холодович А. А., Очерки по строю японского языка, докт. дисс., Л., 1949.
 44. Холодович А. А., Очерки по японскому языку. I. Социальное спряжение глаголов в японском языке,— «Ученые записки ЛГУ», № 69, серия филологических наук, вып. 10, 1946.
 45. Юлев Ю. И., Вопросы образования и употребления «кэйго» в современном разговорном японском языке, дипломная работа, Л., 1969.
 46. Ватанабэ Минору, Кэйго-га тадасий тадасикунай тойу: кото,— «Гэнго-сэйкацу», 1960, № 3(102)¹.
 47. «Ватаситати ва кэйго-о ко: кангаэру»,— «Гэнго-сэйкацу», № 70, 1957 (беседа).
 48. Дзиндзай Киёси, Котоба-дзихё:, кэйго цурэдзурэ,— сб. «Котоба-но кэнкю:сицу», вып. 4, 1955.
 49. Дзюгаку Акико, Дзэсэйго то кэйго,— «Кэйгохо:но субэтэ», 1966 (специальный выпуск журнала «Кокубунгаку»).
 50. Дзюгаку Акико, О-дэнва-дэ го-хэндзи,— сб. «Ко:го-бумпо:ко:-дза», вып. 3, 1965.

¹ Все приведенные в библиографии японские книги изданы в Токио.

51. «Ебина-ни комару токи»,— «Гэнго-сэйкацу», 1969, № 5(213) (анкета).
52. Ивабути Эцугаро:, Акубун, 1961.
53. Идзуи Хисаносукэ, Кэйго,—сб. «Котоба-но ко:дза», вып. 2, 1956.
54. Имайдзуми Тадаёси, Кэйго-но ханаси,— «Гэнго-сэйкацу», 1961, № 4(115).
55. Имайдзуми Тадаёси, Нихон-но кэйго,—сб. «Ко:дза-нихонго», вып. 2, 1955.
56. Исигуро Ёсими, Ниппонго-но сампо, 1962.
57. Исидзака Сё:дзо:, «Иттэ орарэмасу» то «оссяттэ имасу»,—сб. «Ко:го-бумпо:-но мондайтэн», 1966 («Ко:дза-гэндайго», № 6).
58. Исидзака Сё:дзо:, Кэйго, 1969.
59. Исидзака Сё:дзо:, Кэйгохо:,—сб. «Нихон-бумпо:-ко:дза», вып. 1, 1957.
60. Исидзака Сё:дзо:, Кэйго-кэнкю:-но хо:хо:,— «Кэйгохо:-но субэтэ», 1966.
61. Исидзака Сё:дзо:, Кэйго-сиронко:, 1944.
62. Кадзама Рикидзо:, Тадасий кэйго,— «Акубун-кё:сэй-но тэтё:», 1970 (специальный выпуск журнала «Кокубунгаку»).
63. Кадзоку-но котоба,— «Гэнго-сэйкацу», 1969, № 6(213) (беседа).
64. Канно Кэн, Хо:со:ё:го то кэйго,— «Кэйгохо:-но субэтэ», 1966.
65. Киндаити Кё:сукэ, Нихон-но кэйго, 1959.
66. Киндаити Харухико, До:си,—сб. «Дзоку-нихон-бумпо:-ко:дза», вып. 1, 1958.
67. Киндаити Харухико, Кэйго-но тадасий цукаиката,—сб. «Котоба-но кэнкю:сицу», вып. 4, 1954.
68. Киндаити Харухико, Нихонго, 1957.
69. Киндаити Харухико, Нихонго, бумпо:,— в кн.: «Сэкай-гэнго-гайсэцу», т. 2, 1955.
70. Киндаити Харухико, Син-нихонго-рон, 1966.
71. Киносита Масао, Камимура Ко:дзо:, Фурута То:саку, Кокуго-гайсэцу, 1959.
72. Кобаяси Есихару, Кокуго-кокубумпо:-ё:ги, 1927.
73. Кодзима Тосио, Кэйго-хё:гэн-тайкэй-но юрэ,— «Кокугогаку», № 85, 1971.
74. «Кокуго-кё:ику-но тамэ-но кокуго-ко:дза», т. 5, 1958.
75. «Кэйго-ни наямү хито наяманай хито»,— «Гэнго-сэйкацу», 1961, № 4(115) (беседа).
76. «Кэйго то кэйго-исики», 1957.
77. Маруяма Римпэй, Нихон-кэйгохо:, 1941.
78. Мацумура Акира, Кэйго-ни цуйтэ,— «Кэйгохо:-но субэтэ», 1966.
79. Мацуо Сутэдзиро:, Кокугохо:-ронко, 1936.
80. Мацусита Дайсабуро:, Кайсэн-хё:дзюн-нихон-бумпо:, 1930.
81. Мацусита Дайсабуро:, Хё:дзюн-нихон-бумпо:, 1924.
82. Мацусита Дайсабуро:, Хё:дзюн-нихон-ко:гохо:, 1933.
83. Маэда Исамү, Дзё:хин-ни иитай оннагокоро,— «Гэнко-сэйкацу», 1961, № 4(115).
84. Мидзутани Сэйфу, Тайгу:-хё:гэн-но киси:, 1955.
85. Миками Акира, Гэндай-гохо:-синсэцу, 1955.
86. Миками Акира, Нихонго-но ко:бун, 1963.
87. Мицүя Сигэмацу, Ко:то:-нихон-бумпо:, 1925.
88. Миядзи Ацүко, Кэйго-но гоё:,— «Гэнго-сэйкацу», 1961, № 4(115).
89. Миядзи Ацүко, Матигаидаракэ-но кэйго,— «Кэйгохо:-но субэтэ», 1966.
90. Миядзи Ютака, Гэндай-кэйго-но икко:сацу,— «Кокугогаку», № 72, 1968.
91. Миядзи Ютака, Кэйго-но конран,— «Гэнго-сэйкацу», № 70, 1957.
92. Миякэ Такэро:, Гэндай-кэйгохо:, 1944.
93. Миякэ Такэро:, «Корэкара-но кэйго» соноато,— «Гэнго-сэйкацу», 1961, № 4 (115).

94. Морино Мунэаки, Кэйго-сиё:но сёсо:— «Гэнго-сэйкацу», 1961, № 4(115).
95. Мусиаки Китидзиро:, Кэйго-но хэнсицу,— «Кокугогаку», № 50, 1962.
96. Мусиаки Китидзиро:, Кэйдзё: ва дзи дэ ару,— «Кокугогаку», № 13—14, 1953.
97. «Мэ, мими»,— «Гэнго-сэйкацу», 1971, № 1(232).
98. «Мэ, мими»,— «Гэнго-сэйкацу», 1971, № 10(241).
99. Нагано Масару, «Дэсу», «масу» гё:но бунсё: то кэйго,— «Кэйгохо:но субэтэ», 1966.
100. Ниситани Хиронобу, О-ори-но ката ва годзаимасэн ка,— сб. «Ко:го-бумпо:ко:дза», вып. 3, 1965.
101. Нихонго-но кэйго ва мудзукасий ка,— «Гэнго-сэйкацу», 1969, № 6(213) (беседа).
102. Номото Кико, Кэйго-но цукаивакэ-но но:рёку,— «Гэнго-сэйкацу», № 70, 1957.
103. О:иси Хацутаро:, Нэнрэйсо: то кэйго,— «Кэйгохо:но субэтэ», 1966.
104. О:иси Хацутаро:, рец. [на кн.: Цудзимура Тосики, Гэндай-но кэйго],— «Кокугогаку», № 74, 1968.
105. О:иси Хацутаро:, Сэнсэй-га мо:сарэмасита,— сб. «Ко:го-бумпо:ко:дза», вып. 3, 1965.
106. О:иси Хацутаро:, Тадасий кэйго, 1968.
107. Окамура Кадзуэ, Ирассятта, ирасита,— сб. «Ко:го-бумпо:ко:дза», вып. 3, 1965.
108. Окамура Кадзуэ, Кэйго-сёгакусэцу-хикаку-итиран,— «Кэйгохо:но субэтэ», 1966.
109. О:кубо Тадатоси, Кэйго-но вадзуравасиса,— сб. «Ко:дза-нихонго», вып. 6, 1956.
110. О:цуки Фумихико, Ко:нихон-бунтэн оёби бёкки, 1897.
111. Сайга Хидэо, Кэйго-кокороэ дзю:кадзё:,— «Гэнго-сэйкацу», 1961, № 4(115).
112. Сайга Хидэо, Симбун то кэйго,— «Кэйгохо:но субэтэ», 1966.
113. «Сайкин (дзю:гацу-дзю:итигацу)-симбун-хихан», — «Симбун-кэнкю:», 1963, № 3.
114. Сакума Канаэ, Гэндай-нихонго-но хё:гэн то гохо:, 1951.
115. Сибата Такэси, Котоба-но сякайгаку,— «ННК-буккусу», № 22, 1965.
116. Сибата Такэси, Кэйго ва кономама-дэ ёй ка,— сб. «Котоба-но кэнкю: сицу», вып. 5, 1955.
117. Сибата Такэси, «О»-но цуку го, цуканай го,— «Гэнго-сэйкацу», № 70, 1957.
118. Сибудзава Хидэо, Дэнва, дзадан дзуйхицу,— сб. «Ватаситати-но гэнго-сэйкацу», 1957.
119. Сиранси Дайдзи, Нихон-ко:го-бумпо:, 1956.
120. Ганака Акио, Кайсо: то кэйго,— «Кэйгохо:но субэтэ», 1966.
121. Ганака Акио, Кэйго-ронги ва надзэ окуру,— «Гэнго-сэйкацу», 1969, № 6(213).
122. Тасиро Кодзи, Котоба-но цукаиката, 1956.
123. Токиэда Мотоки, Бамэн то кэйдзихо:то-но кино:тэки-канкэй-ни цуйтэ,— «Кокуго то кокубунгаку», 1938, т. 15, № 6.
124. Тоскиэда Мотоки, Кокугогаку-гэкрон, 1962.
125. Токиэда Мотоки, Нихон-бумпо:, ко:гохо:, 1954.
126. Уно Есиката, Ко:эн дзаданкай то кэйго,— «Кэйгохо:но субэтэ», 1966.
127. Хага Ясуси, Бидзинэсу то кэйго-но тандзюнка,— «Кэйгохо:но субэтэ», 1966.
128. Хасимото Синкити, Кокугогаку-гайрон, 1957.
129. Хаяси О:ки, Тэгами то кэйго,— «Кэйгохо:но субэтэ», 1966.

130. Хинаго Таро:, Иваюру «Е:тиэн-котоба»-ни цуйтэ,— «Гэнго-сэй-кацу», 1961, № 4(115).
 131. Цудзимура Тосики, Гэндай-но кэйго, 1967.
 132. Цудзимура Тосики, Иваюру кэйдзэ:но дзэдо:си-ни цуйтэ,— «Кокугогаку», № 72, 1968.
 133. Цудзимура Тосики, Кэйго-но ситэки-кэнкю:, 1968.
 134. Цудзимура Тосики, «Омосирокатта дэсу», «омосирой дэсита»,— сб. «Ко:го-бумпо:-ко:дза», вып. 3, 1965.
 135. Цуруда Цунэакити, Нихон-бумпо:-гэнров, 1953.
 136. Экояма Цунэаки, Кэйго-но цукаиката,— сб. «Нихонго-но дзэ:сики», 1958.
 137. Экояма Цунэаки, Нихон-но бунсэ:, 1958.
 138. Экояма Цунэаки, Нихонго-но хэ:гэн, 1956.
 139. Яги Тэцуо, Тю:гакко:-ни окэру кэйго-но сидо:,— «Кэйгохо:-но субэтэ», 1966.
 140. Ядзакэ Гэнкуро:, Корэкара-но нихонго, 1963.
 141. Ямада Ёсио, Кэйгохо:-но кэнкю:, 1931.
 142. Ямадзакэ Хисаюки, Кокуго-но тайгу:хэ:гэн-тайкэй то соно рэкиси,— «Кокугогаку», № 21, 1955.
 143. Ямасита Масахару, Кэйго-ни наямү азаунса:,— «Гэнго-сэй-кацу», № 70, 1957.
144. Aston W. G., A Short Grammar of the Japanese Language, Nagasaki, 1869.
 145. Bleiler E., Essential Japanese Grammar, 1963.
 146. Block B., Studies in Colloquial Japanese, II. Syntax,— «Readings in Linguistics», 1957.
 147. Brown S. R., Colloquial Japanese or Conversational Sentences and Dialogues in English and Japanese together with an English-Japanese Index to Serve as an Introduction on the Grammatical Structure of the Language, Shanghai, 1863.
 148. Chamberlain B. H., A Simplified Grammar of the Japanese Language, Yokohama, 1886.
 149. Coyard M., Rudiments de grammaire japonaise. Paris, 1971.
 150. Fischer J. L., Honorific Speech and Social Structure: A Comparison of Japanese and Ponapean,— «Journal of Polynesian Society», 1969, vol. 78, № 3.
 151. Gardner E. F., Martin S. E., Honorific and Familiar Speech in Japanese, New Haven, 1952.
 152. Haguenaue C., Morphologie du Japonais moderne, vol. I, Paris, 1951.
 153. Henderson H. G., Handbook of Japanese Grammar, 1945.
 154. Hoffmann J. J., A Japanese Grammar, Leiden, 1876.
 155. Inoue K., A Study of Japanese Syntax, The Hague—Paris, 1969.
 156. Jordan E. H., Beginning Japanese, 1962.
 157. Jordan E. H., The Syntax of Modern Colloquial Japanese,— «Language», 1955, vol. 31, № 1, Supplement («Language Dissertations», № 52).
 158. Kotanski W., The Structure of the Japanese Conjugation,— «Труды XXV Международного конгресса востоковедов», т. 5, М., 1963.
 159. Lange R., Lehrbuch der japanischen Umgangssprache, Stuttgart & Berlin, 1890.
 160. Lemarchal L., Dictionnaire japonaise-française, Tokyo—Yokohama, 1904.
 161. Lewin B., Zur Entwicklung honorativer Funktionen im Japanischen,— «Deutscher Orientalistentag, 17, Vorträge», т. 3, 1969.

162. Martin S. E., *Speech Levels in Japan and Korea*,—«*Language in Culture and Society*», New York, 1964.
163. Miller R. A., *The Japanese Language*, Chicago—London, 1967.
164. O'Neill P. G., *A Programmed Course on Respect Language in Modern Japanese*, London, 1966.
165. Plaut H., *Grammaire de la langue japonaise parlée*, Paris, 1907.
166. Prideau G. D., *The Syntax of Japanese Honorifics*, The Hague—Paris, 1970.
167. Rodriguez J., *Eléments de la grammaire japonaise*, traduite par M. C. Landresse, Paris, 1825.
168. Rose-Innes A., *Conversational Japanese for Beginner*, Yokohama, 1937.
169. Saint-Jacques B., *Analyse structurale de la syntaxe du japonais moderne*, Paris, 1966.
170. Uhlenbeck E. M., *The Use of Respect Forms in Javanese*,—«*Pacific Linguistic Studies*», Series C, № 13, 1970.
171. Young J., *Keigo in the Japanese Society*,—«*X-th International Congress of Linguists. Actes*», vol. I, Bucharest, 1967.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
<i>Глава 1. Исходные положения и основные понятия</i>	6
§ 1. Грамматичность форм вежливости японского языка	6
§ 2. Значение форм вежливости японского языка	9
§ 3. Дифференциальные признаки значения и их интерпретация	15
<i>Глава 2. Категория адрессива для спрягаемых частей речи</i>	19
§ 1. Формы адрессива. Их образование	19
§ 2. Значение адрессивных и неадрессивных форм	21
§ 3. Влияние синтаксической позиции на противопоставление адрессивных и неадрессивных форм	28
§ 4. Нейтрализация противопоставления при отсутствии собеседника	30
§ 5. <i>Дэ аримасу</i> и <i>дэ годзаимасу</i>	33
Выводы к главе 2	36
<i>Глава 3. Категория гоноратива для глагола</i>	37
§ 1. Противопоставление гоноративных и негоноративных форм	37
§ 2. Значение гоноративных и негоноративных форм	39
§ 3. Влияние синтаксической позиции на противопоставление гоноративных и негоноративных форм	41
§ 4. Влияние отсутствия собеседника на противопоставление гоноративных и негоноративных форм	42
§ 5. Гоноративные формы японского языка	44
§ 6. Противопоставление депрециативных и недепрециативных форм	51
§ 7. Значение депрециативных и недепрециативных форм	53
§ 8. Влияние отсутствия собеседника на противопоставление депрециативных и недепрециативных форм	55
§ 9. Депрециативные формы японского языка	56
§ 10. Особый класс депрециативных форм	64
§ 11. Тенденции к изменению системы	67
§ 12. Соотношение категорий адрессива и гоноратива	69
§ 13. Вопрос о «грубых» формах	71
Выводы к главе 3	71
<i>Глава 4. Императивные формы</i>	74
§ 1. Общая оценка императивных форм	74
§ 2. Неадрессивные формы	75
§ 3. Адрессивные формы	79
§ 4. Некоторые дополнительные замечания	83
Выводы к главе 4	84
<i>Глава 5. Об адрессиве и гоноративе в именных частях речи</i>	85
§ 1. Морфологические особенности префикса <i>о-</i>	85
§ 2. Основные значения префикса <i>о-</i>	86

§ 3. О грамматичности префикса o-	90
§ 4. Другие гоноративные префиксы	92
§ 5. Суффиксы вежливости	92
Выводы к главе 5	97
Заключение	98
Список сокращений	101
Библиография	102

Владимир Михайлович Алпатов
КАТЕГОРИИ ВЕЖЛИВОСТИ
В СОВРЕМЕННОМ ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор Л. С. Гингольд

Младший редактор *Н. И. Платонова*
Художник *М. Р. Ибрагимов*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *С. В. Цветкова*
Корректор *М. З. Шафранская*

Сдано в набор 4/VII 1973 г.
Подписано к печати 4/X 1973 г.
А-11567. Формат 60 × 90^{1/16}. Бум. № 2
Печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 7,1. Тираж 6000 экз.
Изд. № 3268. Зак. № 601. Цена 43 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука»
Москва К-45. Б. Кисельный пер., 4

**ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»**

в 1973 году выйдут:

Исследования по китайскому языку. Сборник статей. 16 л.

ХРАКОВСКИЙ В. С. Очерки по общему и арабскому синтаксису. 12 л.

ШЕВЕНКО С. М. Пособие по переводу японских научно-технических текстов. 15 л.

Заказы на книги принимаются всеми магазинами книготоргов и «Академкнига», а также по адресу: 117463, Москва В-463, Мичуринский проспект, 12, магазин № 3 («Книга — почтой») «Академкнига».

Цена 43 коп.